

В.Х. Унатлоков

**АДЫГИЗМЫ
В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

НАЛЬЧИК 2005

УДК 81=35
ББК 81 (2Р37-6КБ)
У-58

Рецензент:

доктор филологических наук, профессор, академик АМАН,
зав. кафедрой национальной и русской филологии
Кабардино-Балкарского государственного университета
М.Л. Апажев

Унатлоков В.Х.

У-58. Адыгизмы в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Каб.-Балк.
ун-т, 2005. – 128 с.

Настоящее учебное пособие посвящено описанию и анализу лексических адыгизмов в карачаево-балкарском языке в аспекте взаимовлияния и взаимопроникновения как результат социокультурного взаимодействия и исторической общности. Оно ориентировано на студентов высших учебных заведений в качестве теоретического и практического источника при изучении курса лексикологии кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков, на аспирантов и филологов широкого профиля.

ISBN 5-7558-0354-4

Рекомендовано РИС университета

УДК 81=35
ББК 81 (2Р37-6КБ)

ISBN 5-7558-0354-4

© Кабардино-Балкарский
государственный университет, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	4
Введение.....	6
I. Лексические адыгизмы в карачаево-балкарском языке....	10
Слова, связанные с растительным миром.....	11
Социальная терминология.....	21
Военная лексика.....	22
Слова, относящиеся к животному миру.....	29
Названия орудий труда и хозяйственного инвентаря.....	37
Названия хозяйственных построек и их частей.....	44
Слова, связанные с одеждой.....	49
Термины кулинарии.....	54
Культурная лексика.....	61
Медицинские термины.....	66
Слова, характеризующие человека.....	68
Прилагательные.....	72
Ситуативно употребляемые слова (со значением действия) и служебные единицы.....	77
Varia.....	80
II. Фонетическое освоение адыгизмов в карачаево-балкарском языке.....	92
III. Семантические (идеосемантические) параллелизмы адыгских и карачаево-балкарского языков.....	105
IV. Адыгская ономастика в карачаево-балкарском языке....	110
Библиография.....	114
Принятые сокращения.....	124

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как известно, образование новых слов производится с помощью собственных лексических средств языка. Однако, как писал А.А. Реформатский, «нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами». В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные.

Карачаево-балкарский язык тоже позаимствовал много слов, среди которых большое место занимают адыгские (кабардино-черкесские) заимствования.

Воздействие тюркских языков на адыгские было предметом исследования многих ученых, в то время как обратный процесс практически не изучался. Предлагаемая монография В.Х. Унатлокова «Адыгизмы в карачаево-балкарском языке» является первой работой, посвященной специальному изучению адыгизмов в карачаево-балкарском языке и, на мой взгляд, является своевременной и актуальной. Автор привлекает значительный как лексический, так и грамматический материал, используя всю доступную литературу, и показал весьма высокий уровень компетентности в области абхазо-адыгских языков.

В течение столетий устанавливались тесные взаимосвязи между этими двумя разносистемными языками – кабардинским и карачаево-балкарским.

Всесторонние связи между кабардинцами и балкарцами в течение веков настолько расширились, что в зонах активного контактирования развилось адыгско-карачаево-балкарское двуязычие, просуществовавшее до 40-х годов XX века.

Автором установлено, что в карачаево-балкарском языке заимствования из кабардино-черкесского языка охватывают все сферы лексики материальной и духовной культуры. Подробный компаративистский и историко-этимологический анализ адыгизмов карачаево-балкарского языка последовательно проводится по 14 лексико-тематическим (лексико-семантическим) группам. Выбор лексико-тематических групп, естественно, обусловлен характером репрезентативного эмпирического материала, а также поставленными перед исследователем конкретными целями. Автор монографии поставил перед собой задачу выяснить объем и характер адыгских лексических интерференций в карачаево-балкарском языке и, естественно, остановился на так называемых «подвижных полях» лексики – семантических группах слов, относящихся к миграционным терминам. Системное исследование тематически

ски (семантически) ограниченных участков словарного состава является одним из путей преодоления главной трудности лексикологических исследований, обусловленной обширностью и широкой распыленностью репрезентивного эмпирического материала. Лексико-грамматические группы более или менее ограничивают словарный состав и позволяют реализовать системный подход в изучении лексики.

Адыгизмы карачаево-балкарского языка выявлены и интерпретированы автором очень корректно, практически все лексемы, квалифицированные автором как адыгизмы, за единичными исключениями, достоверны и не вызывают никаких возражений. Лексикологические исследования, особенно посвященные взаимодействиям двух языков и языковых систем, всегда вызвали и будут вызывать самый живой интерес и оживленную дискуссию, шаг за шагом приближая исследователей к взаимопониманию и постижению истины. В этом заключается весь пафос добротного и хорошо скомпонованного научного труда уважаемого исследователя.

Научные идеи и богатый фактический материал, а также разработанные в монографическом исследовании методологические приемы имеют научно-теоретическую и практическую значимость, представляют значительный интерес для кавказоведов, тюркологов и всех компаративистов и этимологов.

Теоретическая ценность данной работы состоит в том, что она вносит определенный вклад в изучение лексики языков народов Кавказа в сопоставительном аспекте. Монография представит интерес и для тюркологов, и для кавказоведов при составлении этимологических словарей.

Книга В.Х. Унатлокова может быть использована при чтении спецкурсов и при проведении спецсеминаров в высших и средних учебных заведениях Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкессии и Адыгеи. Материалы работы могут быть включены в соответствующие разделы при составлении программ, учебных пособий по кабардино-черкесскому и карачаево-балкарскому языкам.

И.М. Отаров,
доктор филологических наук

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы ареальной лингвистики и изучение языков в широком плане с выходом за пределы генетически родственной языковой семьи, в настоящее время с новой силой привлекает внимание языковедов. Повышенный интерес к вопросам древних исторических контактов, к проблеме субстрата и взаимовлияния разносистемных языков объясняется тем, что сравнительно-историческое и сравнительно-типологическое изучение родственных и неродственных языков открывает широкий простор для общетеоретических выводов, а это в сочетании с этнографическими и археологическими находками помогает в значительной степени освещению многих сторон истории языков.

Особо благоприятную почву для разработки проблем ареальной лингвистики представляет множество разных в структурно-типологическом и генетическом отношении языков Кавказа, развивавшихся в тесном контакте и взаимодействии друг с другом. Вряд ли можно найти на карте мира другой такой уголок, где предстало бы на ограниченном пространстве такое «ошеломляющее нагромождение языков и наречий», каким являются Кавказ и Закавказье [3,89].

Особого, более детального внимания заслуживает и характеристика тюркских языков кавказского ареала, таких как карачаево-балкарский, ногайский, кумыкский, которые в течение многовековых историко-лингвистических контактов с иносистемными и генетически неродственными языками Кавказа приобрели ряд особенностей, которые не могут быть объяснены с позиций тюркологии, так как они несвойственны тюркским языкам.

С точки зрения языковой типологии и ареальной лингвистики результаты длительного и тесного контакта структурно разнотипных и генетически неродственных карачаево-балкарского и адыгских языков представляют значительный интерес, поскольку взаимовлияние их вышло далеко за рамки лексики и проявилось на самых разных уровнях языковой системы. Кроме того, носители адыгских и карачаево-балкарского языков, длительное время прожив в одном историко-культурном пространстве, выработали целый ряд материальных и духовных ценностей. Научная общественность народов, продолжающих жить в одних и тех же административно-политических единицах, проявляет большой интерес к совместной истории, характерные черты которой хорошо прослеживаются по языковым связям. Кавказоведы и тюркологи давно обратили внимание на долговременные и весьма интенсивные исторические взаимоотношения между адыгскими и карачаево-балкарским языками, выявили некоторые взаимозаимствования как в адыгских, так и в

тюркских языках (см. монографические исследования А.К. Шагирова, Дж.Н. Кокова, М.Л. Апажева, М.А. Хабичева, И.М. Отарова, Б.Х. Мусукаева и др., а также многочисленные научные статьи по данной проблеме). Тем не менее, сложность и многоплановость процесса контактирования адыгских и карачаево-балкарского языков не позволяют утверждать, что все необходимые вопросы поставлены и все ответы на них найдены. Проблема приобретает особую актуальность, т.к. в научной литературе последних лет наметилась тенденциозная практика, когда почти все кавказские элементы и другие заимствования в карачаево-балкарском языке непременно возводятся к исконно карачаево-балкарскому лексическому фонду. При этом навязывается несостоятельный, с точки зрения исторического языкознания, тезис, что все тюркские слова в адыгских языках только из карачаево-балкарского, исключая при этом исторически более ранние, чем с карачаевцами и балкарцами, контакты адыгов с другими тюркскими народами – крымскими и астраханскими татарами, турками, ногайцами.

Судя по сохранившимся скудным и фрагментарным историческим источникам, можно полагать, что доступные обозрению с высоты рубежа XX-XXI вв. исторические контакты между аборигенными народами Северного Кавказа и тюркоязычными кочевниками южнорусских степей начинают складываться уже в первых веках новой эры, в так называемую эпоху Великого перенаселения народов. Народы Северного Кавказа неминуемо должны были вступать в контакты разной степени интенсивности с древними булгарами, тюркоязычными племенами гуннского круга, хазарами, печенегами, огузскими племенами (гузами, тюрками, караклобуками и т.п.), половцами (кыпчаками, куманами) и др. Вероятность ранних адыгско-тюркских контактов становится более очевидной, если учесть, что предки адыгов в первых веках новой эры населяли обширные территории Западного Кавказа.

Для изучения истории адыгско-тюркских (карачаево-балкарских) лингвистических контактов особый интерес представляет изменение этноязыковой и геополитической ситуации на Северном и Западном Кавказе в золотоордынскую эпоху. В VII-XII вв. адыги занимали земли в Прикубанье и в Восточном Причерноморье. В результате монгольских завоеваний в XII в. адыгское население сконцентрировалось главным образом в предгорьях. Этническая территория адыгов значительно сократилась, в основном за счет Прикубанья. В VII-XIV вв., скорее всего после набегов Тамерлана, распадается общеадыгский язык, и на его основе складываются современные адыгские языки – адыгейский и кабардинский (кабардино-черкесский). Именно в золотоордынскую эпоху устанавливаются прогрессирующие процессы взаимодействия между западнокыпчакским и адыгскими языками. Неправомочно называть язык тюрков тех далеких времен карачаево-балкарскими, т.к. собственно карачаево-балкарский язык выделяется из западнокыпчакского языка-основы где-то на рубеже XIV-XV вв. после глобальных геополитических и этноязыковых потрясений в Юго-Восточной Европе, вызванных погромами полчищ Тамерлана. В период распада Золотой Орды, а

точнее – в ходе завоевания Тамерланом Северного Кавказа и в последующее время, часть западных кыпчаков (кумано-половцев) была вынуждена покинуть степные территории и уйти в ущелья Центрального Кавказа. Здесь они были частично ассимилированы адыгами, а частью отошли в горные районы, где в процессе их смешения с местным алано-осетинским населением сложилась карачаево-балкарская народность.

В послеордынский период тюркское влияние было нейтрализовано влиянием кабардинского языка, который стал выполнять функцию лингва-франка в регионе. О сколько-нибудь заметном влиянии карачаево-балкарского языка, носители которого были зажаты в горных теснинах Центрального Кавказа, трудно говорить. В этот период с адыгскими языками оказались в контакте крымско-татарский (с восточными адыгами) и ногайский (с совр. черкесами и адыгейцами), носители которых играли заметную политическую роль в регионе. «В XVI-XVIII вв. Кабарда, переживавшая расцвет феодализма, достигла значительного могущества и получила преобладающее влияние на Северном Кавказе. Эпитет «кабардинский» был в это время синонимом аристократической изысканности и комильфотности. К этому периоду относится ряд заимствований из кабардинского в осетинский», – писал В.И.Абаев [3,88]. «Именно к этому периоду, – говорит Г.А.Климов, – относится наводнение территориально смежных с кабардинским языков: абхазского, осетинского, балкарского, ногайского, а отчасти и сванского кабардинизмами, характеризовавшими не только социальный строй, но и целый ряд других сторон общества на западном Кавказе (экономику, культуру, обычай и т. п.)» [80,19]. Из всего этого делается вывод о том, что тезис о карачаево-балкарском источнике тюркизмов в адыгских языках не бесспорен. Это справедливо было отмечено в специальной работе А.Ж. Будаевым, который писал: «Тюркские языки в силу исторических обстоятельств долгое время служили языком межнационального общения народов Северного Кавказа... Поэтому здесь вместо карачаево-балкарского языка мы употребили термин «тюркские», так как кабардино-черкесский язык в различные исторические периоды вступал в контакты с разными тюркскими языками, и определение принадлежности того или иного слова карачаево-балкарскому или другим тюркским языкам в данном случае не представляется возможным. Это требует специальных исследований, относящихся к специфике лексики отдельных тюркских языков. Например, слово *магъсымэ* “буза”, *кьунан* “жеребенок двух лет”, *къазы* “конское мясо специального изготовления” и другие заимствованы кабардино-черкесским языком из других тюркских языков, так как эти слова не входят в лексический фонд карачаево-балкарского языка» [41, 62].

Как отмечено выше, с начала XV в. устанавливаются тесные взаимосвязи между носителями адыгских и карачаево-балкарского языков. С течением времени интенсивность контактов между этими двумя разноразличными языками все более прогрессировала, и в конечном итоге в зонах активного контактирования развилась адыгско-карачаево-балкарское двуязычие, просуществовавшее вплоть до 40-х

годов XX века. Именно активным двуязычием следует объяснить большинство заимствованной лексики в обоих контактирующих языках.

Взаимодействие языков – явление социальное, оно мало зависит от грамматического строя контактирующих языков, тогда как роль факторов экстралингвистических весьма очевидна. Изучая вопросы взаимных контактов между адыгским и карачаево-балкарским языками, необходимо учесть это обстоятельство, ибо оно в данном случае определяет характер и степень влияния одного языка на другой. В работах, посвященных проблемам межъязыковых взаимосвязей, особенно важно определить соотносительную значимость различных факторов лингвистического и экстралингвистического порядка. Чисто лингвистическое изучение языкового контакта должно координироваться с экстралингвистическим изучением двуязычия и связанных с ним явлений.

Практически во всех исследованиях, посвященных межъязыковым взаимоотношениям, при всем стремлении автора быть предельно объективным, проявляются и субъективные моменты, обусловленные уровнем компетентности исследователя в том или ином языке, а также его патриотическими или иными чувствами, предрасположенностью к исследуемой теме и т.д. И к этим, «субъективным» на первый взгляд, моментам в науке следует относиться вполне объективно. Любой исследователь смотрит на объект своего исследования со своей стороны и полностью исключить такой «индивидуальный», я бы сказал даже «эгоистический», подход невозможно, ибо такова натура человеческого «я». Одно и то же исследуемое слово, будь оно представлено в двух (или более) языках, скажем, в тюркском и монгольском, тюрколог старается объяснить с позиций тюркского языка, а монголист – с позиций монгольского, и каждый стремится доказать его принадлежность именно к его епархии, к его языку. Среди этимологов даже существует такой неписанный закон: «Любое слово данного языка, прежде всего, следует стремиться объяснить как исконное и только в случае неудачи такой попытки приступить к поискам внешних этимологий». На таком «эгоистическом» подходе к объекту исследования между учеными обычно разгорается довольно острая научная полемика, она-то в конечном итоге приносит истинные плоды. Такое «перетягивание каната на свою сторону» наблюдается среди кавказоведов и тюркологов давно (см. труды М.А. Хабичева, Х.-М.И. Халжилаева, Б.Х. Мусукаева, Н.С. Джидалаева, И.М. Отарова, Дж.Н. Кокова, А.К. Шагирова, А.И. Абдокова, Р.Х. Темировой и др.).

Вполне понятно, что не все наши сопоставления и выводы, а также приведенная этимология адыгских слов покажутся безупречными и могут быть приняты безоговорочно, но в плане постановки вопроса они могут представить определенный интерес. Кое-что, возможно, потребует дальнейшего исследования и уточнения. Спорные же моменты, которые в ней могут оказаться, будут стимулировать дальнейшие изыскания в этом направлении.

I. ЛЕКСИЧЕСКИЕ АДЫГИЗМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблемы взаимоотношений между интенсивно и долговременно контактирующими разносистемными языками интересуют не только лингвистов, но также социологов, историков, психологов, этнологов, культурологов и т.д. Для отечественного языкознания, в связи с многообразием языков народов России, проблемы взаимодействия языков, различных форм развития диглоссии и мультилингвизма особенно актуальны. Не является исключением в этом отношении и обширный северокавказский регион, испокон веков бывший ареной интенсивного контактирования многих и многих языков самых разнообразных систем и в силу этого являющий собой естественную лабораторию для изучения всевозможных путей взаимодействия и взаимовлияния языков как в синхронии, так и в диахронии.

Масштабы взаимодействия языков зависят от характера контактов между ними. Между кабардинским и балкарским языками контакты происходили как между неродственными в генетическом отношении и неблизкими в типологическом смысле. Как правило, при скрещивании неродственных языков взаимодействие их носит глобальный характер и затрагивает все уровни. Однако оно протекает по-разному на разных ярусах языка. Наиболее интенсивно оно протекает на лексическом и фонетическом уровнях.

Адыгское влияние особенно проявляется, как и следовало ожидать, в лексическом составе карачаево-балкарского языка. Из адыгской лексики карачаево-балкарским языком заимствовано большое количество различных по семантике и лексико-грамматической принадлежности словарных единиц, многие из которых вошли в фондовую часть лексики и широко используются в карачаево-балкарском языке в качестве производящих основ, а также компонентов сложных образований и т.д. В основном через адыгские языки проникли в него и слова других языков. Сами эти адыгские заимствования в карачаево-балкарском весьма ценны в ряде случаев – как восстановления фонетического облика слова, так и фонетических процессов в адыгских языках.

Карачаево-балкарский язык сохранил адыгизмы, выпавшие из лексического состава кабардинского языка, например: *зынтхы* “овес” (ср. бесл., адыг. *зынтхъ*, шапс. *зэнтхы*, *зынтхы* “овес”), *зыгъыр/жыгъыр* “каменистые осыпи в горах” [173, 22], “галька, гравий; крупный песок” (ср. черк. *жыгъыр* “скала” [154, 84], м.-каб. *мывэжыгъыдз* “гравий, мелкие камешки” из *мывэ* “камень” и *жыгъыдз* “мелкий”), *мишеген/мижгеген* “(мышинная) норка с запасами”, перен. “запасы, богатство” (из каб. *мыцэ* “медведь” и *гуэн* “закрам, амбар; хранилище”), *хынапа*: *хынапа этерге* (карач.) “искажать, извращать” (ср. бесл. *хьенапэ* “стыд, позор”, кубан. *хьайнапэ* “позор, постыдное положение”, черк. *хьенапэ*, *хьэйнапэ* “позорный, стыдный”, адыг. *хьайнапэ* “стыд, совесть, срам, позор”, *гула* “тупоумный, глупый”) (слово *гулэ*, по-видимому, самостоятельно употреблялось кабардинцами в прошлом, сохранившееся

ныне в составе сложного слова *хъэзгулэ* “неотёсанный, неуклюжий; бестолковый”; ср. также каб. *гулэгуитэ* “беспокойный, тревожный”, *гуитэ-гулэ* “пугливый, боязливый”) и др.

Проникновение адыгских слов и их активная жизнь в карачаево-балкарской лексике повлияли и на ее структурную природу. В нее вместе со словами проникли и их модели. В связи с этим наблюдается структурное сходство ряда карачаево-балкарских и адыгских слов, особенно сложных. Так, например, при помощи собственно карачаево-балкарского материала на адыгский лад выражен целый ряд понятий: *ит тили чатыракъ* “подорожник” (из *ит* “собака”, *ти* “язык”, *чатыракъ* “лист”), каб. *хъэбзэгутхъэмтэ* “подорожник” (из *хъэ* “собака”, *бзэгу* “язык”, *тхъэмтэ* “лист”), *бишлакъ биширген* (*бишиген*) “карачаевское и балкарское национальное блюдо, приготовляемое из сыра, сметаны и кукурузной муки” (из *бишлакъ* “сыр” и *бишиген* “печеный, жареный” от глагола *биширге* “печься, жариться”), ср. черк. (бесл.) *кхъуегъэ* “национальное блюдо из сметаны, сыра и кукурузной муки” (*кхъуегъэ* “сыр”, *жъэ* “печеный, жареный” от глагола *жъэ-н* “жариться, печься”), *бал туз* “сахар” (досл. “медовая соль”), ср. каб. *фошыгъу* “сахар” (“мед-соль”).

Особый интерес представляет наличие глаголов в этом лексическом слое: обычно глаголы реже заимствуются. Проникновение их в карачаево-балкарскую лексику свидетельствует о сложном характере взаимодействия карачаево-балкарского и адыгских языков.

Данная глава монографии посвящена адыгским лексическим проникновениям в карачаево-балкарском языке. Наличный в нашем распоряжении материал охватывает многие стороны жизни носителей карачаево-балкарского языка. Исходя из осознания необходимости более полного его освещения, представленные в нем единицы разделены на лексико-тематические (лексико-семантические) группы, которые являются отражением разносторонних связей носителей этих неродственных и различных в типологическом отношении языков.

К адыгизмам мы относим слова, которые пришли в карачаево-балкарский язык: 1) непосредственно из адыгских языков; 2) из других языков через адыгский; 3) из адыгских языков через посредство других языков. Так, например, непосредственно из адыгских в карачаево-балкарский язык перешли слова *шетшокъа*, *логъбеж*, *губулушха*, *къояжапха*, *шапа*, *гедухана*, *кашеуек* и др. Для слов *бегене*, *халыуа*, *санжох*, *наша*, *лагъым*, *мужура* кабардинский служил языком передатчиком, слово *шашка* (как и *нарзан*) заимствовано из русского языка, где оно было адыгизмом.

Материалом для нашего исследования послужили тексты произведений художественной литературы, материалы периодической печати, лексикографические работы, словарные статьи и живая разговорная речь.

Слова, связанные с растительным миром

Носители адыгских языков с глубокой древности хорошо знакомы с растительным миром окружающей среды. Терминология растений относится к наи-

более древнему, богатому и интересному пласту лексики адыгских языков. Эту группу образуют более 1500 слов, большинство из которых является исконными. Основная их часть широко представлена в устном народном творчестве, художественной литературе. Это свидетельствует о том, что они давно вышли из узко-профессионального употребления и стали общенародными.

Известно, что горцам не хватало собственных зерновых продуктов, и они вынуждены были входить в тесные экономические связи с жителями плодородных равнин, что находило отражение в их языке. Например, говоря об адыгских заимствованиях в карачаево-балкарском языке, следует подчеркнуть, что в них по объему и значимости одно из первых мест занимают названия растений и связанные с ними лексические единицы.

Абазакъоян “мальва, просвирник”. – *Жашчыкъ, абазакъоянны гюлле-ринден уллу къысым этип, анасын туугъан кюню бла алгышылады* (КъМТАС, 31) «Мальчик сделал большой букет из цветов просвирника и поздравил [им] свою маму с днем рождения»; каб. *абазэкъуей* “мальва мавританская, просвирник мавританский”. – *Абазэкъуейр гъатхэмми гъэмакъуэмми зъымыууэ мэзгэгъэ* (Хь.Б., 17) «Просвирник непрерывно цветет весной и летом». *ГъэмакъуэкIэм, божьыхъэм абазэкъуейм и жьылэхэр мэху* (Там же) «В конце лета, осенью созревают семена мавританской мальвы»; шапс. *абэдзэхуай* [73, 281].

Этимология данного слова на адыгской почве совершенно прозрачна: она является композитой, состоящей из *абазэ/абадзэ* – западнокавказский горец из демократических племен и *кхъуей/хъуай* “сыр”.

В кабардинском языке корень *кхъуей* входит в состав названий многих ботанических терминов: *кхъуейматэхэл* “алтей”, *кхъуейэхъэбазэ* “шток-роза”, *матэкхъуейцIыкIу* “мальва приземистая, просвирник приземистый” и др. Синонимическое название просвирника – *матэкхъуей* (из *матэ* “корзина” и *кхъуей* “сыр”) заимствовано ногайским языком – *матакою* “мальва, просвирник”.

Разъяснение лексемы на карачаево-балкарской почве как “абазинский кролик” (*абазэ* “абазинский” + *къоян* “заяц, кролик”) было бы, по-видимому, народно-этимологическим.

Ашюлю “семена вениковой сорки, отходы зерна”. – *Къошда итлеге ашюлюню сууда биширип бере эдиле* (КъМТАС, 284) «В коше собак кормили вареными семенами вениковой сорки». [Таужан:] *Ашюлюле жете эселе, биз быллай чачылыт, юйсюз – кюнсюз болуп айланганлы толу бир жьыл блады* (Там же) «[Таужан:] К моменту поспевания вениковой сорки будет год, как мы ходим бездомными, нищими»; каб. *ашэху*, белс. *ачэху* “могар”. – *Янэм ачэху тицIэуэ цытац* [28, 142] «Раньше возделывали ачах»; адыг. *ашэфы* “чумиза, китайское просо” [9, 24], шапс. *ачэфы, ацэфы* “сорт проса” [73, 282].

Адыгский термин этимологизируется как “белое просо”; другая разновидность проса красного цвета называлась *ашэпль* (где *-пль* “красный”). Элемент *ашэ* < **ачэ* в адыгских языках утратил самостоятельность и встречается лишь как компонент более сложных лексических образований как: *ашэху* “могар”, *ашэпль* “красное просо”, *ашэмышэхэ* “пастушья сумка”.

Батан (балк.) “куча сена, соломы, навильник скошенного растения, маленькая копна”. – *Батаны жокъну гебени къайдан болсун* (Нарт сёз) «У того, у кого нет навильника, откуда будет копна». *Жамийлат, кеси эки дуруну тутун, батан этип башлады* (КъМТАС, 351) «Жамият сама стала вести два ряда и собирать сено в кучки (नावильники)»; каб. *Іэмбатэ* “куча сена, соломы, маленькая копна, навильник, охапка сена”. – *Іэмбатэ зэрымтым Іэтэ ирегъэуэ* (Пс.) «Из мухи делает слона (букв. где копны нет, [он] целый стог наворотит)»; адыг. *Іэмбат*.

Из адыгск. *Іэ* (<*къэ) “рука”; -м- наращение и *батэ* < *бэтэн* “уродиться (о плодах, злаках), подниматься, увеличиваться, располнить, раздобреть”. Ср. каб. *егъэ-батэ* “увеличивает, преувеличивает”, *къэбэтэн, къэгъэ-бэтэн* “взрыхляться, взбунуть”. Как адыгское заимствование слово представлено в соседних языках: абаз. *амбата* [64,38] “नावильник (небольшое количество сена)”, осет. *амбатаэ* “маленькая копна, куча сена, соломы” [2,1,136], ног. *амтата* “кучка скошенного сена, размером в одну охапку или на один подъём вилами” [155,51].

С помощью карачаево-балкарских словообразовательных аффиксов -чы и -ла от *батан* образовалась *батанчы* “тот, кто собирает сено в кучки (नावильники)”, *батанла* “собирать сено в кучки (नावильники)”.

Быхы “морковь”. – *Тахталадан жьядыла сабийле быхы, турма, хобушта* (КъМТАС, 549) «Из грядок собирают дети морковь, редьку, капусту». *Али (кёгетчи) аламат помидорланы, агурчаланы, быхыны, дагыда башха тахта кёгетлени кёп этгендиле* (Шуёхлукъ, №51, 10) «Они (Овощеводы) собрали много замечательных (отборных) помидоров, огурцов, моркови и других бахчевых культур»; каб. *пхы* “морковь”. – *ИльэситІ къэкІгыгъэхэм цыщу хадэхэм нэхьыбзу къыцагъэкІыр: жэгундэ, къэбыстэ, пхы* (Нур, №10, 1990, 3) «Из двухлетних растений чаще выращивают в огородах свеклу, капусту, морковь»; адыг. *пхы* [130,386].

Слово проникло и в другие соседние языки: осет. (диг.) *пхэ*, ног. *пхы*, (диал.) *быхы* “морковь”. По мнению А.К. Шагинова, этимологически связано с глаголом *пхы-н* “бросать взброс, сеять ” [189,24]. В связи с тем, что в значении “морковь” в адыгейском утвердилось русское *мэркофк*, слово *пхы* стало малоупотребительным.

Слово встречается в балкарской топонимике – *Быхы кёл* (досл. “морковь-озеро”) – одно из четырех озер в верховьях Нальчика [85,50]. Буква *х* в приведенных примерах обозначает увулярный спирант *хь*.

гедигин (балк.) “чабер рыхлоцветковый [111,70], укроп”. – *Анам тауукъ шорпагъа торлю-торлю ариу ийисли хангела салады, гедигин да атады* (КъМТАС, 583) «Моя мама в куриный бульон добавляет благоухающие травы, в том числе и укроп». *Базарда къызыл чибижси, пурч, гедигин сатыладыла* (Там же) «На базаре продаются красный перец, черный перец, укроп»; каб. *джэддын* “чабер рыхлоцветковый, огородный чебрец”. – *Адыгэхэм джэддыныр ижъ-ижъыж лъандэрэ къагъэкІ* (Хь.Б., 69) «Кабардинцы с давних времен выращива-

ют рыхлоцветковый чабер». *Джэдгыным мэ дахэ кыыхех, шыхьхэр урагэ* /эф1, *джэдлыбжым халъхэ* (Там же) «Рыхлоцветковый чабер имеет приятный запах, используется как приправа, добавляют в гедлибже»; бел. *гэдгын*, адыг. *чэтгын*. – *Чэтгын зиджагьом ытэк1э кылу кытэк1э* (Адыг.гу., 66) «У того, кто не любит чабрец, верхняя губа покрывается сыпью».

Композит из каб. *джэд*, бел. *гэд*, адыг. *чэты* “курица” и каб. *гын* “порох, яд, отравка, растение, трава” [24,19;188,160], бел. *гын* “лекарство”, адыг. *гыны* “порох”. Слово, кроме балкарского, перешло в другие соседние языки: осет. *дэсэдэсджын*, *гедигин*, *гедигин* “чабер, чабрец” [2,1,518;24,19], абаз. *гьын* “чабрец” [64,28].

Гедухана “название растения, которое применяется при ревматизме”. – *Гедуханадан чахауан этип, сууна кирсенг, жемге жарайды* (КьМТАС. 583) «От ревматизма можно лечиться, искупавшись в отваре гедуханы». *Гедухана таула тийрелеринде ёседи* (Там же) «Гедухана растет у подножия гор»; каб. *джэдхурсанэ/джэдхурсанэ, хурсанэ* “паслен черный”. – *Сабий-хэм яшхырт щ1эрык1уз, джэдхурсанэ, аму, щ1ыдэ, кьалэр* (Ад.хаб.,302) «Дети ели земляные груши (топинамбур), черный паслен, купырь, земляные орехи (арахис), черемшу».

На первый взгляд может показаться, что слово *джэдхурсанэ* “паслен черный” образовано сложением трех основ существительных: *джэд* “курица” *хур* (арх.) “овца” [см. 189,114; 192,65], *санэ* “смородина (ягода), виноград, вино (из винограда)”. Однако разбираемое слово состоит не из трех слов, хотя в морфемный состав его входят основы этих существительных, а из двух непосредственно составляющих: а) *джэд* + *хурсанэ* (букв. “куриный паслен”); б) *хур* + *санэ* (букв. “овечье вино”).

Гин (карач.) “петрушка, укроп”. – *«Кьобан» совхозну урунгалары уа агурчаланы. гинни, помидорланы теплицада кыш, жаз айлада да битдиредиле* (КьМТАС,596) «Рабочие совхоза «Кубань» выращивают огурцы, укроп, помидоры в теплицах в зимние и летние месяцы». Ср. черк. *кьуэнгын* “кинза, петрушка” (из *кьуэн* “петрушка, укроп” и *гын* “лекарство”), бел. *кьуэнджын* [176,111] “кинза, кориандр посевной”.

В карачаевской форме представлен черкесский вариант, но в усеченном виде. Сюда относится абаз. *кьуангьын* “петрушка” [4,251].

Госук, касук “вид травы, употребляемой в пищу”. – *Сосланны бармакчыкълары. госула кибик, шичкеледиле* (КьМТАС,606) «Пальчики Сослана тонки, как госук». *Тохтагьыз, бу кьалажюк кьаллай кён косук, кьаллай кён мандалак кьазар, кёрюрсюз* (КьМТАС, кь.ж.) «Погодите, увидите, этот плуг выкопает много съедобных корней, бутней»; бел. *гьасэ* “полба, пшеница”.

По всей вероятности, данное слово образовано из *гьэ* “лето, год” и *сэ* от глагола *сэн* “сеять, сажать”. Эти корни встречаются и в других словах: каб. *гьавэ* “зерновые культуры, урожай”, *гьашэ* “соцветие у кукурузы, метелка”, *гьаблэ* “неурожайный год; голод”, *гьатхасэ* “весенний сев”, *бжыыхьэсэ* “осенний сев”; адыг. *гьавьэ, гьаблэ, гьэтхас, бжыыхьас*.

Слово *гъасэ* в литературных языках лишилось значения сорта пшеницы и используется для обозначения скошенного хлеба. Ср. каб., адыг. *гъасэ* “скошенный, но не обмолоченный урожай”.

Гюрегей (балк. диал.) “слива (дерево и плод)”. – *Амма челек бла гюрегейле алыл келди* (КъМТАС, 643) «Бабушка принесла ведро сливы». *Гюрегейле кюз артында бишедиле* (Там же) «Слива поспевает осенью»; каб. *хуэрэджей*, *хуэрэджей* “абрикос”. – *Хуэрэджейр тхъугъэм эццIицтами, мыIэрысей жыгыцIэм инэ къихуэу мэгъагъэ* (Б.С.,372) «Седой абрикос зацветает раньше молодой яблони». *Адыгэхэм хуэрэджейр куэд цIауэ къагъэкI, пхъэцхъэ-мыцхъэр ягъэгъу, мэрзей яцI, фошыгъу хэлъу ягъавэ* (Хь.Б., 17) «Кабардинцы с давних времен выращивают абрикосовые деревья, сушат их плоды, делают пастилу, варят с сахаром»; м.-каб. *хуэрыджей*.

У этого слова окончание типично кабардинское. Ср. *мыIэрыс-ей* “яблоня”, *хъмыкIутI-ей* “боярышник”, *къыцI-ей* “сливовое дерево”, *д-ей* “ореховое дерево” и т.д. И все же главное тут в том, что данное слово, с точки зрения кабардинского языка состоит из двух частей: *хуэрэджэ/хуэрыджэ* “абрикос (плод)” и словообразовательный суффикс *-ей* с притяжательным значением. Основное значение данного суффикса – “принадлежащий чему-либо”. Таким образом, каб. *хуэрэджей* “абрикос” означает буквально “принадлежащий абрикосу”.

Различия в семантике данных языков можно объяснить тем обстоятельством, что абрикос и слива являются родственными плодовыми деревьями и по внешнему виду плодов имеют много сходства.

Гъойгъум “высокое растение с толстым стеблем”. Вторая часть сложного слова, видимо, является заимствованием из адыгских языков. Ср. каб. *гъум* “толстый (о предметах с кругообразной поверхностью)”. – *КIапсэрыкхур кIапсэ гъум укхуэдиам Iэззу ирикхурт* (Лу., №2, 1990,26) “Канатоходец ловко ходил по натянутой толстой веревке”; адыг. *гъумы* “толстый”. – *Чъыг гъум* [163,73] “Толстое дерево”.

Дугъума “мята”. – *Жилан дугъуманы соймей эди, ол а, барын, аны тешигени апында бите эди* (Нарт сёз) “Змея мяту не любила, а она росла у ее дыры”. Фonetически и семантически допустимо сближение с каб. *дыгъумэ* “мята”.

Журка, чирко, чурко “топинамбур, земляная груша”. – *Журканы башы чёппеунто къаурасычады, тубю уа гардошчады, алай, андан ууакъ, зугул болады* (КъМТАС,949) «Стебель топинамбура похож на стебель подсолнуха, а плоды – на картофель, но меньше и продолговатее его». *Мандапакъ къазгъан чурко да табар* (Нарт сёз) «Кто роет бутень, тот может найти и топинамбур»; каб. *цIэрыкIуэ/цIырыкIуэ* “топинамбур, земляная груша”. – *Джэсд фIыцIэ сIатэм цIэрыкIуэ згъажьэрэт: сэри джэдлыбжэс дэгъуэу соцIыф* (Хьу.т.,59) «Если бы я имел черную курицу, разве стал бы печь земляную грушу: я тоже умею готовить хорошее гедлибже»; адыг. *чырыкIу*. – *ЧырыкIур зэрыцIынэу ашхы* (А.гу.,642) «Земляную грушу едят сырой»; абадз. *шIырыкIу/шIырыкIу* [95,40].

Адыгское слово образовано соединением именного корня *ц/ы/чы* “земля” и глагольного *-к/ъ* “идти” при помощи инструментального аффикса *-ры-*. Такого образования *к/л/асэрык/ъуэ* “канатоходец”, *г/ъуэзур/ык/ъуэ* “путник”. Осет. (диг.) *дзылык/ъуэ* [24,21] “земляная груша” и абаз. *ч/ърык/ъуа* [64,29] “репа”, карач. *джурка* [70,259] “репа; брюква” – очевидные заимствования из кабардинского.

Первичной твердой аффрикате *ч/л*, которая имеется в литературном адыгейском языке, в абадзехском диалекте соответствуют два спиранта: твердый шипящий абруптивный спирант *ш/ъ* и шипяще-свистящий абруптивный спирант *ш/л*. Ср. адыг *ч/ыгу* “земля”, абадз. *ш/ъыгу/ш/ыгу*; адыг. *г/ъук/ъы* “железо”, абадз. *г/ъуш/ъы/г/ъуш/ы*.

Зынтхы, зытхы “овес”. – *Атны къамичи бла урма да зынтхы бла ур* (Нарт сёз) «Погоняй лошадь не плетью, а овсом». *Ызчы итле мени ызым бла келген эдиле, ала мени орулмай турган зынтхыны ичинде танхан эдиле* (Шуёхлукъ, №3, 20) «Собаки-ищейки пришли по моему следу, они меня нашли на поле, где овес еще был не убран»; бесл. *зынтхъ*, черк. *дзынтхъ*, *зынтхъ* “овес”. – *Дэ зи гугу тц/л/ы зынтхъыр нэхъ к/л/асэуц ц/ы/хухэм къагъэк/ъын ирагъэжъар* (Хъ.Б., 86) «Овес, о котором мы говорим, люди стали вырывать позже»; адыг. *зынтхъ*. – *Бырулэр зэфыш/у аш/ыгънэ, уанэр тыралхъэу зырагъэжъагъэм цегъэжъагъэу шым зынтхы ратынэу Гук/ъыпсэ унаш/ыгъ* (К/л./Т., 416) «Как только буланого начали выезжать, Гучипс велел кормить его овсом»; шапс. *зэтхы*, *зынтхы* [176, 86].

Слово *зынтхъ* в недавнем прошлом употреблялось и в кабардинском, но внутри Кабарды из речи кабардинцев вытеснено русским заимствованием *авос*. Лексема встречается и в других языках: осет. (диг.) *зынтхэ*, сван. *зынтх* “овес”. О.И. Кахадзе сближает с ними грузинское *зандари* – название одного вида плечатой пшеницы [24,80].

Нам представляется возможным предложение адыгской этимологии: *дзэ* – “зуб, зубец; зерно”; *-и-* – фонетическое наращение, встречающееся перед зубными согласными и глагольный корень *тхъ-* (*тхъы-*) “рвать; очищать, обдирать”. Этимологизируется как “рваное (очищенное) зерно”. Для первой части (*дзэ>э*) ср. черк. *андыдз>андыз* [176,22] “девясил высокий”, каб. *бдзантихъэ>бзантихъэ* [171,91] “столярный клей”, каб. *дзыдзэ* “куница” – адыг. *цызэ* “куница, белка”, каб. *дзэху* “бородач кровоостанавливающий” – адыг. *зэфы* “овсянка”.

Къош “поросль, побег, отросток, ответвление”; каб. *к/ъуэж* с теми же значениями представляет причастную форму от глагола *к/ъуэжы-н* “отбегать” (где *к/ъуэ-* проверб). Ср. *к/ъуэ-к/ы-н* “выехать, выйти (откуда-либо)”, *к/ъуэ-сы-н* “сидеть (за)”, *к/ъуэ-ты-н* “стоять (за)”. Элемент *к/ъуэж* встречается в составе сложных слов: *жыг/ъуэж* “прикорневая поросль”, *псык/ъуэж* “проток, рукав реки”.

Ввиду того, что фонема *ж* в карачаево-балкарском языке встречается только в начале и середине слова, следует объяснить замену ее глухим *ш*.

Къуишхамии (балк.) “мушмула”. – *Къуишхамии биинди – суужь тошдю* (Нарт сёз) «Созрела мушмула – настал холод»; каб. *къуицхэмьших* “мушмула”. – *Дыгъэмыхъуэм нэхъыбзу цыкIыр бжэй IналIакIуэмэ, дыгъафIэм имыт цы Iжъым: хъэмкIут Iейри, зэри, мэз кхъужьри, хъэцыбанэри, къуицхэмьшихри – псори гъэгъац* (М.Е., 134) «Если на теневой стороне господствуют вековые чинары, то на солнечной чего только нет: и боярышник, и кизил, и дикие груши, и шиповник, и мушмула – все цветет».

Это слово состоит из двух корней: *къуицхэ* и *мыших*. Первая часть в кабардино-черкесском языке употребляется в разных значениях. У кабардинцев оно обозначает “осетин, балкарец”. У черкесов “гора, карачаевец”. Термин *къуицхэ* в значении “гора” в современном кабардинском языке не функционирует.

Адыгское происхождение второго корня *мыших* “не поедаемое” не вызывает сомнения. Это слово используется и в других ботанических терминах: *удзымыш* “хвощ”, *джэдымыш* “шавель альпийский” (букв. “курицей не поедаемое”).

Къыфца (балк. диал.) “слива”. – *Биз бахчада кеп къыфца жьыдыкъ* «Мы в саду собрали много слив»; каб. *къымцIэ/къытцIэ* “слива”. – *Къубатий зыкъомрэ цымац, и Iэжум мэ гуакIуэ къызыных къытцIэ тхэмпэхэр цилуэту* (М.Е., 279) «Кубати долго молчал, растирая в пальцах пахучие листочки сливы»; бел. *къыфцIэ*. В черкесской литературе и в речи почти всех носителей кубано-зеленчукских говоров (за исключением речи первомайских кабардинцев) употребляется форма *къыфцIэ* “слива” [19, 51], адыг. *къытцIэ*.

Первая часть *къы-* в адыгских языках означает “слива (вообще)”, ср. убых. *тхъы* – вид большой сливы [188, 229]. Элемент *тцIэ* встречается в других словах: *тцIа-цхъуэ* “ласточка”, *удзы-тцIэ* “травянистое место”, *шадза-тцIэ* “густобровый” или “чернобровый”, *дза-тцIэ* “свинец”, *лы-тцIэ* “мякоть”. Общее значение этого элемента в сложных словах “черный, густой, мясистый”.

Интересен тот факт, что балкарцы употребляют и собственное слово *эрик* для обозначения сливы, в то время как в речи цокающих и зокающих балкарцев используется для этой цели заимствованное из адыгских языков слово *къыфца*.

Мароко (балк.) “земляника, клубника”. – *Этмек, кырдык да жангы Баладыла, сёзюм да, Чыкъ да, наныкъ да жангы, марокола, эжюжюм да* (КъМТАС, къ.ж.) «Хлеб и трава становятся свежими, слово мое, роса и малина свежие, клубника и виноград – тоже». *Дагыда ол марокону къабып къояргъа саусуз ананы кёзю къыймайды* (Там же) «Все же больная мать пожелала скушать землянику»; каб. *мэракIуэ* “земляника, клубника, ягода (вообще)”. – *Губгъуэ мэракIуэр дэтым хуэдзу пльыжъщ, балийIэрысэм хуэдэу пIаццI* (Дик. из., 13) “Земляника красная как раскаленный уголь и крупная, как черешня”; адыг. *маркIо* “ожина, тутовник, малина” – *КIалэмэ маркIо къауэгой* [9, 202] «Ребята собирают малину»; шалс. *маркIуэ* “земляника”. – *Цуырпэри маркIуэри мэкъухэм къыцэжIы, ау маркIуэр нахъ чIыIэтыгъэм къыцэхъуы, шинагъгъэ цуырнэм нахъышхъ* [73, 301] «И клубника, и земляни-

ка растут на лугу, но земляника любит более прохладные места и по величине меньше клубники».

Кабардинский источник становится очевидным благодаря конечному о, что является отражением лабиализованного абруптива *ky*. Из кабардинского слово попало также в абазинский и осетинский языки: абаз. *маракIуа* “тутовник (дерево и плод)”, осет. *муртгæ/муркIæ* “калина” [24, 21]. Кбалк. *муртуху/мурку* “калина” из осетинского.

Мережия (балк.) “бузина”; каб. *бэрэжсьей/бэрыжсьей* “бузина”. – *Бэрэжсьейхэр уи жьауэцц, цхьэнтэхэм уафIытотIысхьэ* (Дик. из., 65) «Бузина дает тебе тень, на подушки насильно садишься»; адыг. *пырэжсьый* “терн”. – *А пырэжсьые панэхэм лъэгъо зэе-тIуаехэри акIоцIырыкIэу къэлыгъо* (К1.Т., 133) «В этой терновой колючке виднелось несколько тропинок».

Переход *б* в *м* мог произойти на карачаево-балкарской почве, так как кбалк. фонема *б* под влиянием аккомодации в некоторых случаях, как в начале, так и в середине слова комбинаторно реализуется как *м*, например: *бийик* – *миийик* “высокий”, *биз* – *миз* “шило”, *буну* – *муну* “этого”, *тубан* – *туман* “туман”, *тёбен* – *темён* “внизу”. Осет. (диг.) *бæргæзæ* “бузина” также заимствовано из кабардинского.

Мыкьыриш (балк. диал.) “растение со съедобными корнями”. Вероятно, оно связано с каб. *хьэкьыриш* “сурепка”. Разряжение сочетания согласных *рш* гласной и (*-риш*) в карачаево-балкарском языке объясняется нехарактерностью его для конца слова.

Нартюх “кукуруза”. – *Солтан, колхозну нартюх бахчаларыны къалауру болуп, аланы агъач тонгузладан сакълайды* (Шуёхлукъ, №17, 26) «Султан работает сторожем кукурузных полей колхоза, охраняет их от диких свиней». *Шарау, кенгден окъуна анасы нартюх сууура тургъанын кёрюп, арбазгъа кирди* (Т.З., Эрирей, 115) «Шарау издали заметил, что мать его провеивала кукурузу, и вошел во двор»; каб. *нартыху* “кукуруза”. – *Нартыхур цIымахуэм гъашэ къызэрыдимыдзэм ирипIэнкIыркъым* (Б.С., 66) «Кукурузное семя не тревожится о том, что зимой оно не пустит корни». *Бжэ матэ зыбосанэ дилэгъац, бжэыхьэм нартыху тIэкIу, фомрэ шэхумрэ и нэхьыбэр тцэфырт* (Ш.Б., 30) «У нас было несколько ульев, и мы осенью продавали немного кукурузы и почти весь мед и воск»; адыг. *нартыф*. – *Гъэхъунэхэм хьамцIышмэ гъажьомрэ рахыжсьыгъахэу цытыгъэх шьольыр псыгъохэр джыри гуамычжсьыгъэу итыгъэх* (К1.Т., 356) “Рожь и просо были уже убраны, но кое-где еще дозревали полоски кукурузы”.

В лингвистической литературе кбалк. слово М.А. Хабичев рассматривает как сложное слово, состоящее из *нар* “большой, огромный, крупный” + *тюк* “зерно, зернышко, пшено, семечко” [173, 34]. Однако такое объяснение нельзя признать убедительным по следующим причинам: 1) в этом слове четко прослеживаются и читаются два адыгских термина: *нарт* “нарт, богатырь” и *хуIфы* “просо” – собственно “нартское просо”; 2) отсутствие слова *нартюх* в других тюркских языках, за исключением лишь ногайского, позволяет счи-

тать его адыгским (кабардино-черкесским) заимствованием. Более того, появление в карачаево-балкарском языке, чуждого ему, заднеязычного фрикатива *x* (звучит как русский *x*) объясняется влиянием адыгских языков. Поэтому правы те, кто считает, что данное слово следует этимологизировать на адыгской языковой почве. Сюда относятся ног. *нартуьк* “кукуруза”.

По законам карачаево-балкарского языка в слове *нартыху* конечный *-x* утратил лабиализацию, но зато предшествующий гласный приобрел ее. В ногайском последний согласный тоже лишился лабиализации, но, в отличие от карачаево-балкарского языка, является взрывным. В результате он звучит в устах ногайцев как *нартуьк* [133,275]. Осет. *нартхор* “кукуруза” – не заимствование от кабардинского, как полагает В.И. Абаев [2,II,161], а самостоятельное образование из *нарт* “нарт” и *хор* “злак”.

Наиша (балк.) “огурец” (в карачаевском чаще употребляется русское заимствование *азурча*). – *Къызла наиша, сохан, чибижки... ташталагъа иги къарайдыла* (КъМТАС, къ.ж.) «Девушки хорошо ухаживают за грядками огурцов, лука, перца». *Нашала, быхыла, бадыражанла быйылча битип ким кёргенди* (Шуёхлукъ, № 51, 10) «Огурцы, морковь, помидоры в этом году дали как никогда хороший урожай»; каб. *нацэ* “огурец”. – *Абы къыцокI хадэхкI змылI зухъсыгъуэ куэд: хъарбыз, хъэуан, нацэ, къэбыстэ, пхъы, жэзгундэ, балыджэ, бжъын, бжъыныху, къэб, нэгъуэцIхэри* (Дик. из., 134) «В нем растет много различных овощей: арбузы, дыни, огурцы, капуста, морковь, свекла, редиска, лук, чеснок, тыква и другие». В адыгейском *наш* “дыня”, а для огурца имеем *нашэбэгу* (собственно “дыня с пыпырьшками”). Это название и в кабардинском связано с обозначением дыни, но с добавлением *фо* “мед”: *фонацэ, нацэфо*.

Этот термин бытует у многих кавказских народов, ср. абх. *а-наиша*, абаз. *наша*, убых. *нашэ*, карач. *нарша*, чеч. *наьрс*, инг. *нарс* “огурец”, осет. *нас*, *насе* “тыква”, (диг.) *хуаргэ-насе* “огурец”, сван. *квах-несг* “тыква”, груз. *несви* “дыня” [2,II,161]. Балк. *наша* “огурец” Х.-М.И. Хаджилаев и Б.Х. Мусукаев [175,115;111,70] причисляют к адыгским заимствованиям.

Туруьк “высохшее на корню дерево, сухостой”. Кбалк. слово представляет собой несомненный кабардинизм, ср. каб. *итырыгъу*, *тырыгъу* “высохшее на корню дерево, сухостой”, образованное сочетанием глагола *итын* “стоять, находиться в вертикальном положении” и глагольного корня *гъу-н* “засыхать, засохнуть”, элемент *ры-* – интерфикс, широко употребляемый в подобных образованиях, ср. *цтырыгъу* “гололедица”(из *цтын* “замерзнуть”, остальное – как в предыдущем примере).

М. А. Хабичев признавал слово исконно карачаево-балкарским [173,81]. Однако кбалк. *туруьк* этимологически не может соответствовать значению “сухостой”, так как не содержит элемента со значением “сухой”.

Хампутай (балк. диал.) “боярышник”. – *Ол [Бекболат] ингирден окъуна бюрчюкю хампутай таягъын эшик артына сюеген эди* (КъМТАС, къ.ж.) «Он [Бекболат]еще с вечера поставил за угол дома свою грубую боярышник-

ковую палку»; каб. *хэмкӀутӀей* “боярышник”. – *ЩӀантӀэм, хэмкӀутӀей баш хьэнчакъыр зыцӀигъакъуэрэ, гъунэгъу физыжъыр къыдыхъащ* (Н.А.,347) «Во двор, опираясь на кривую боярышниковую палку, вошла старуха-соседка». *Къалэм къыкӀыжэ нысэм хэмкӀутӀей баш плыжьэ дэгъуэ и тхьэмэдэм къыхухъащ* (у., № 6, 1990, 50) «Сноха, возвратившаяся из города, привезла для своего свекра красивую красную трость из боярышника»; адыг. *хьампхунтӀчыг, хьампкӀунтӀчыг*.

С точки зрения кабардинского языка, в анализируемом слове выделяется корень *хэмкӀутӀ* “плод боярышника” и известный словообразовательный суффикс *-ей* с притяжательным значением. Названия деревьев и кустарников с помощью этого суффикса образуются обычно от названий соответствующих плодов: *къытцӀэ* “слива”, *къынцӀей* “сливовое дерево”; *кхъужь* “груша”, *кхъужьей* “грушевое дерево”; *дэ* “орех”, *дей* “ореховое дерево, орешник” и т.д.

По предположению кабардинцев и балкарцев, боярышник обладал магической силой, способной прогонять нечистую силу, предохранять людей и животных от порчи и наговоров. Кустами боярышника огораживали усадьбу, из него делали палки для стариков, посохи, ярлыги, стойки детской люльки и т.д.

Хант къаура “укроп, петрушка”. Вероятно, оно связано с каб. *къэнтхъурей/къуэнтхъурей* “укроп пахучий”, мезд. *къэнтхъурей* “петрушка”. Термин с прозрачной адыгской этимологией: *къуэн* “петрушка”, *хъурей* “круглый”, т – фонетическое наращение, появляющийся при сочетании глубокозаднего согласного с сонорным н, например: *лъынтхуэ* “кровеносный сосуд” (из *лъы* “кровь” и *хуэ* “жила”). Ср. черк. *къуэнхъурей*, адыг. *къонхъурай* “укроп” (из *къуэн* / *къоны* “петрушка” и *хъурей* / *хъурай* “круглый”).

Тюркская этимология (из *хант* “еда, яства” + *къаура, къурай* “стебель, сухая трава”), предлагаемая М.А. Хабичевым [173,33], представляется маловероятной. Судя по всему, в карачаево-балкарском произошло народно-этимологическое переосмысление. Осетинский сохранил более близкое к кабардинскому оригиналу звучание – *хьонтхора / хьонтхура* “укроп”.

Хогулт (балк. диал.) “чернослив” [86,212]. Адыгское происхождение балк. слова очевидно, ср. каб. *пхъэгъуль* “алыча, слива”. – *Нэлжэп пхъэгъуль хъуахэр къытхурэ пхъэ фалъэххуэм ирилъхъэрт* (М.Е.,305) «Нальжан срывала с дерева спелые сливы и складывала их в большую деревянную миску»; бесл. *пхъэгъуль* “слива”, адыг. *пхъэгъуль*, шапс. *пхъыгуыль* “алыча”. В балкарской форме начальный согласный выпал.

Шибжси, чибжси “перец (красный, стручковый)” – *Ачы болургъа сюйсенг, шибжси бол, татлы болургъа сюйсенг, бал бол* (Нарт сӕз) «Если хочешь быть горьким, будь перцем, если хочешь быть сладким, будь медом». *Базарда къызыл чибжси, пурч, гедигин сатыладыла* (КЪМТАС,583) «На базаре продаются красный перец, черный перец, укроп»; каб. *шыбжсий* “перец”. – *Шыбжсий хэлы хьэнтхъуэп схуэцӀи сегъафэ* (Н., 170) «Сделай суп с перцем и угоstim». *ХадэхӀхӀэу яшхьрт бжъым, бжъыныху, балыджэ, пхъы, нацэ, къэб, хьарбыз, фонацэ, жэгундэ, кӀэртӀоф, шыбжсий, къынэмьцӀхэри*

(Ад.хаб.,302) «Из овощей употребляли лук, чеснок, редис, морковь, огурцы, тыкву, арбузы, дыни, свеклу, картофель, перец, и прочие»; бел. *чыбджий*, адыг. *чыбжсьый*, шапс. *чыбжсьый*. – *Чыбжсьый гъагъуэр гуахъум этэлъхъай тэулашъ* [73,316] «Сухой перец кладем в ступу и толчем».

Основу А.К. Шагиров предположительно членит на *шы/цы* (*шыгъ/цыгъу* “соль”) и *бжй/бжсьый* “жечь, щипать” [189,142]. Слово проникло и в другие соседние языки: абаз. *чыбджсы*, убых. *чыбжсьыйэ*, инг. *шибэз*, осст. *чывзы*, *чыбдзы/чивза*, ног. *шибжсий*, кумык. *жибижсей* “перец”.

В кабардинском слово *шибжсий* имеет ряд переносных значений: крепкий, сердитый, злой, строгий. В сочетании с глаголом обозначает поругать: *шибжсий естац* “поругал” (букв. “дал перцу”), *шибжсий хурудэн* “задать перцу” (букв. “высыпать, насыпать перцу”). Ср. кбалк. *шибижси къандырыргъа* перен. “задать перцу”, *аны къатыны барып тохтагъан шибижсиди* перен. “у него жена злая – презлая”, абаз. *чыбджсы* перен. “горячий, вспыльчивый”.

Социальная терминология

“В XVI – XVIII вв. Кабарда, пережившая расцвет феодализма, достигла значительного могущества и получила преобладающее влияние на Северном Кавказе. Эпитет “кабардинский” был в это время синонимом аристократической изысканности и комильфотности...” [3, 88]. История свидетельствует, что горские феодалы находились в вассальной зависимости от кабардинских феодалов. Это способствовало проникновению в их язык некоторого числа адыгизмов, обозначающих явления социальной жизни:

Гоша “госпожа, княгиня, барыня”. – *Болурла тау къызлары гошала, эчкиге жугътур къошарла* [КЪМТАС, 607] «Горянки будут княгинями, случат коз с турами»; каб. *гуацэ* “княгиня; госпожа; богиня; покровительница; распорядительница в доме, хозяйка; свекровь; кукла”. – *Мыщэфэ Гэрымьалхэм гуацэр цумыгъэгугъ* (Пс.) «Недобытой медвежьей шкурой гуашу не соблазняй»; адыг. *гуацэ* “княжна, свекровь, супруга”. *Гуацэ дахэр къыщи, псаоу, тхъэжъэу къэнэжъыгъ...* (К1.Т.,33) «Взял в жены прекрасную княжну и стал жить да поживать счастливо и богато...».

В адыгской и абазинской версиях Нартиады слово *гуацэ* является постоянным эпитетом Сатаней, в абхазской оно стало частью собственного имени, и без него имя героини почти никогда не употребляется.

Будучи нарицательным по происхождению, слово в адыгских языках употребляется и как собственное, а также в составе сложных имен: *Хъан-гуацэ*, *Гуацэ-хъан*, *Жан-гуацэ*, *Гуацэ-дахэ*, *Гуацэ-гъангэ*, *Гуацэ-махуэ*. Как собственное женское имя бытует и в карачаево-балкарском: – *Алайдан Жёнгер, эки таяжны эки къолтугъуна салын, асхай – асхай, эгечи Гошагъа барды* (Нартла, 208) «Оттуда, оперевшись на палки и прихрамывая, Жёнгер пошел к Гоше».

Гошанса “богиня, госпожа, княгиня, хозяйка” – *Аппа гошансаланы юсюнден сейирлик хатар айтды* [КЪМТАС, 607] «Дед рассказал о княгинях интересную вещь»; каб. *гуацэнысэ* “княжеская невестка”. – *Дауэ хъуами* –

ц/тами, гуацэнысэр Бжэдыдыгум яисэжсиц (Шу з., 138) «Как бы там ни было, а княжну-невестку отправили обратно в Бжедугию»; адыг. *гоцэныс*. – Суанд *гоцэнысэм лъэхэт тшыгъшэмэ ащыц* (К1. Т., 78) «Суанд среди тех девушек, что находятся при невесте-княжне».

В этом слове четко прослеживаются и читаются два адыгских термина: *гуацэ* (неотделимо от предыдущего слова) и *нысэ* “сноха, невестка”. Слово *нысэ* в адыгских языках может обозначать не только жену брата, или жену сына, или жену одного брата для жены другого брата, но и жену представителя рода, носящего одну фамилию.

Адыгск. *нысэ* “сноха, невестка” неотделимо от чеч., инг., бацб., авар. нус, арч. *нус-д-ур*, мегр. *носа, ниса*, чан. *ниса, ниса* “сноха, невестка”, груз. *низадია* “жена дяди” [188,287]. Созвучие лексемы с индоевропейским названием снохи (ср. др.-инд. *snusa*, греч. *ниос*, лат. *nurus*, арм. *ни* и т.д.) не случайно. По мнению В.И. Абаева, это результат древних кавказско-индоевропейских связей [2, II, 190].

В адыгской лексике имеется большое количество производных слов: *нысаиц/нысаицэ* “свадьба”, *нысаиц/э/нысак/э* “молодая невестка”, *нысэгъу* “две невестки (жены двух братьев по отношению друг к другу)”, *нысэтын* “подарки от невесты, родственникам жениха” и т.д.

Джюйюсхан/жюйюсхан, (балк. диал.) *жюйюсхан* (уст.) “господин”, – *Жюйюсхан бийим, билмей къалгъанма*, – деп, *Бёрю Айыуну аллында тобукъланды* (Шуёхлукъ, № 51,72) «Мой господин бей, я не знал, – сказал Волк и стал перед Медведем на колени». *Жюйюсхан келгенлей, бу гудуну [Зубайданы] даулашмазча этербиз* (Там же, № 40, 57) «Как только придет господин, эту воровку [Зубайду] заставим заткнуть рот»; каб. *зиусхъэн* “господин, госпожа”. – *Хъвуз, зиусхъэн инэрал, ди цхъэр уи къапхъэным итлхъэфынкъым* (Ш.Б., 40) «Нет, господин генерал, мы не положим свою голову в твой капкан». *Унэ/уту къалгъуам щытхъунсу къыщымыхъун тхъэц/эпс цы/экъым – зиусхъэным къытрик/эмэ* (Б.С.,410) «Для бесхребетного холопа нет таких помоев, которые не показались бы святой водицей, если ими господин обливает его»; адыг. *зиусхъан* (уст.) “господин, повелитель, госпожа”.

Сложное слово, состоящее из *зи-*, соответствующее русскому относительному местоимению чей, *-ус* (<уз) “болезнь” и *схъэн* (<схъын) “я понесу”. Этимологизируется со значением “чья болезнь (мне перенести) я понесу (возьму)”. Ср. кбалк. *ауруунгу алайым* “мой милый, мой родненький (обращение старших обычно к детям или молодым)”, букв. “чтоб я взяла твою болезнь”, каб. *зи уз к/уздын*, балк. *ауруунг тас (боллукъ)* – выражение признательности (букв. “пусть болезнь покинет тебя”).

Военная лексика

Оружейное производство – весьма древнее ремесло адыгов. Об этом свидетельствуют многочисленные материалы из археологических раскопок на территории Северо-Западного Кавказа.

Адыгские мастера изготавливали луки, стрелы, колчаны, ножи, кинжалы, копья, мечи, шлемы, панцири, налокотники, наколенники. “И восточную саблю, изогнутую как полумесяц, адыги переделали на свой лад. В боях они убедились, что восточная сабля неудобна для самого эффективного ее назначения – прокола противника. Саблю выпрямили, сохранив лишь небольшой изгиб, удлиннили, и получилась знаменитая адыгская шашка, которая, если ударить ею с протяжкой, сечет лучше сабли и для прокола весьма приспособлена” [72,17-18].

Адыгское оружие хорошо было известно на Востоке и в России. В 60-ых годах XVII в. в Москву были приглашены самые лучшие адыгские мастера для изготовления булатных сабель, а также панцирей. В Астрахань были посланы такие же мастера для обучения русских мастеров этому искусству [67,205]. Адыгские панцири славились в Персии. В 1595 г. персидский шах говорил русскому послу: “А пансыри добрые выходят к нам из черкас” (44,271).

Адыги были большие мастера и по изготовлению огнестрельного оружия. Они, как и другие народы Северного Кавказа, познакомились с ним XV в. Однако оружейное производство у адыгов получило наиболее высокое развитие в XVIII – первой половине XIX в. У адыгов существовало несколько образцов ружей (*фоч / шончи*): *мэшыкьуэ / мэщыкьу, ержыб/ерджыб (ерджыбэжыб), хьэжмэстафэ/хьаджмэстаф* (ср. кбалк. *хажимастафа* “вид короткоствольного ружья”) *хьэгьундокьуэ/хьагьундэку, кьантэлэу (кьантэлэужь)/кьарэтэлэу, кьэуал* (ср. кбалк. *кьауал* “ружье, дробовик”), *мэджыр* (адыг.), *ищкьан* (адыг.) и др. Все эти ружья упоминаются в адыгском фольклоре. Особую известность получило двуствольное ружье “*ерджыб*”. Популярно было и дальнобойное ружье *мэшыкьуэ* (машуко).

Воин-адыг носил винтовку, шашку, кинжал, два пистолета, жирницу, отвертку, сумку с кремнем, трутом и другими необходимыми вещами. В вооружение воина XVIII в., помимо всего этого, входили боевые доспехи и лук со стрелами. Великий русский поэт А.С. Пушкин запечатлел этот факт в своем бессмертном произведении “Кавказский пленник”:

*Черкес оружием обвешен:
Он им гордится, им утешен:
На нем броня, пищаль, колчан
Кубанский лук, кинжал, аркан
И шашка, вечная подруга
Его трудов, его досуга.
Ничто не брякнет; пеший, конный –
Все тот же он; все тот же вид...*

Адыгами, за которыми утвердилась слава отличных воинов, охотно формировались гвардии султанов Египта. Во время Золотой Орды адыги составляли внушительную военную силу. В период наивысшего могущества хан Золотой Орды собирал большую силу против черкесов. По свидетельству

итальянца Дж. Интериано, адыги малыми силами побеждали крупные силы татар [63,54]. Это способствовало проникновению адыгской военной лексики в языки соседних народов.

Гебох, гебокъ [173,65; 115,644] “штык, копье, железная палица”. Ср. каб. (уст.) *джабэгъу* “короткое копье, дротик, пика”, бесл. *гъэбэгъу* “пика”, адыг. *пчыпэгъу* “копье” [24,33].

Элемент *джабэ* (<**гъабэ*) “бок”, а суффикс-гъу указывает на совместность, в данном случае указывал на постоянное ношение оружия (дротика) на боку. В первой половине XIX в. и у причерноморских шапсугов встречалось короткое копье (*чэпэгъу*). Но, как отмечает Дж. С. Белль, мужчины носили его не столько для практической надобности, сколько по традиции [32,471]. Шапс. *чэпэгъу* “короткое копье, пика” подтверждает этимологию со значением “бок” (ср. шапс. *чалэ* “бок”). Адыг. *пчыпэгъу* “копье” состоит из *пчы* “пика” и *пэгъу* “железный наконечник”.

Займствованием из адыгских языков являются также осет. *джебогъ, гебох* “штык”, убых. *кепагъ, чеч-инг. гомогъ, гиебиагъ* “копье”.

Герох, гѣрох, керох “револьвер, пистолет”. – *Эжеулен ушкоклады бла, биреу да къолунда эсрелленген героху бла юйге ёшюн урдула* (КЪМТАС, 588) «Двое с ружьями, один с заряженным пистолетом ворвались в дом». *Эки фашист солдатны герохларын да, башха суужь сауутларын да алып, бизни тасхачыла артха айландыла* (Там же) «Наши разведчики вернулись, безоружив двух фашистских солдат [отобрав у них пистолеты и другое холодное оружие]». *Жабраил хуржунундан керохун чыгъарып, эшикге жсуужь барды* (КЪМТАС, к.ж.) «Жабраил достал из кармана револьвер и подошел к двери»; каб. *кѣрахъуэ* “пистолет, револьвер”. – *Сэ слъэгъуащ кѣрахъуэ къыха илыгъуу Ізцэниэм нэкӀэ црихужьэжса* (Н.А., 175) «Я видел, как безоружный глазами заставил бежать другого, державшего взведенный револьвер»; адыг. *кѣрахъуэ*. – *Щабзэм нахьи, шхончыр е къэлатыр нахьышлуба – уулэба? – еулчӀыгъ Ерстэм, къэишсхи урамым къыдэкӀыгъэхэ ужж* (К.Т., 63) «Винтовка или пистолет не лучше ли лука, или у тебя нет?» – спросил Ерстем, после того, как сел на коня и выехал на улицу». *Командырым кѣрахъо голь* (А.гу., 380) «У командира сбоку револьвер». *КѣрахъомкӀэ къеуи Аскъалэкъор къауӀи, зэшитӀур абдзахӀэ кӀожьыгъэ* (Адыг. гу., 127) «Из револьвера выстрелили и ранили Аскалоко, а затем братья бежали к абадзехам».

Рассматриваемый термин в адыгских языках представляет причастную форму от глагола *кѣрэхъуэ-н* [см. 186,57] “вращаться, вертеться, крутиться” – “вращающееся”; наименование револьверу дано по признаку вращения его барабана. Ср. англ. *revolver* (рус. *револьвер, франц. revolver, нем. revolver*) от *revolve* “вращаться”: лат. *revolve* “качу назад”, т.е. “пистолет с вращающимся магазином” [172,III,456].

Как адыгское заимствование слово представлено и в других соседних языках: абаз. *кѣрахъуа*, абх. *а-кѣрахъуэ, убых. кѣрахъуэ, кѣыхрахъуэ, осет. кѣрахо/кѣрахо* “пистолет, револьвер”, ног. *кероха* “пистолет”.

К.С.Шакрыл ошибочно рассматривал основу как общеабхазо-адыгское [190,17-18; 191,69-70], однако на абх.-абаз. почве данное слово не поддается объяснению.

Зауаллы “воинственный, отважный, погибший [173,140; 111,71], горемычный, несчастный, могучий, очень сильный”. – *Жортады зауаллы Азамат, кел жасарын, солурга* (Шуёхлук, № 20, 47) «Спешит бедный (горемычный) Азамат к отдыху, успокоившись». *Хыкхили кезлери экили кере, Бигьгы зауаллы /бёрю/ сюелди ёрге* (КъМТАС, къ.ж.) «Тот горемыка /волк/ снова встал, в закисших глазах его двоилось». *Ай зауаллы сыймеклик! Фронтда да бармыса? Бу жаниган жаха-нимде кьоржьмай турамыса?* (КъМТАС,856) «О, несчастная любовь! И на фронте ты есть? Не боишься ли ты в этом горящем аду?»; каб. *зауэл* “боец, солдат, воин”. – *Зауэл нэсым и псэр шын мыхьум, аххэдэ иклагэ шэжыныкьым* (М.Е., 15) «Настоящий воин не пойдет на такую низость даже ради спасения своей жизни». *Дакъэауэ мыхьур зауэл шу хьун* (Пс.) «Кто не может быть погонщиком волков, разве сможет стать боевым всадником»; адыг. *зэол*. – *Зэол бэлахьы хьугьагэ* (К.Т., 363) «Доблестный был воин».

Сложное слово из *зауэ/зао* “война” и *лы* (с закономерным отпадением конечного безударного *ы*) “мужчина” – “военный мужчина”. М.М. Сакнев отнес основу *зауэ* “война, бой, битва, сражение, драка” к заимствованным словам [135,111], с чем вряд ли можно согласиться: глагол *зауэ-н* “воевать, сражаться” этимологизируется как “совместно биться” (*зэ-* префикс совместности и *уэ-н* “бить, ударить, стрелять”).

Лагьым (балк.) “мина, взрывчатка”; каб. *лагьым* “мина, фугас, динамит”. – *Пасхьэц/эххэм лъэмыжэ ц/лагьым лагьым ц/лалъхьэри кьэгъэуац* (Ш.Хь., 115) «Разведчики подложили мину и взорвали мост». *Лагьымит/ ягъэувьжын ф/эк/ къахуэмынэжауэ, ижъ лъэныкьуэмк/э автомат уэ макъ кьэ/уац* (Н.А.,267) «Оставалось установить всего две мины, когда справа донеслась автоматная очередь»; адыг. *лагьымэ*. – *Лагьымэ ч/шгьхьы, лъэмыджыр кьыгъэуагэ* (А.гу., 385) «Подложил мину и взорвал мост».

Слово по происхождению греческое, ср. нов.-греч. *лагити* “подкол”. Абх. *а-лагьуым* “мина, динамит, фугас” заимствовано, по мнению А.К.Шагирова, через грузинский язык [182,118].

Мечукья, мужукья (муджукья) “вид ружья”. – *Къарт мужукьясын кишиге бермечю эди* (Фольк.) «Старик никому не давал свое ружье»; каб. (уст.) *мэшыкьуэ*, бесл. *мэчыкьуэ* – дальнестрельное дорогое ружье с длинным стволом и раструбом, адыг. (уст.) *мэщыкьу* [9,221] “мещук (вид старинного адыгского ружья)”.

Ружье получило свое название по имени прославленного адыгского мастера-оружейника *Мэшыкьуэ* [Машуко]. Это адыгское имя буквально означает “просяная балка” (*мэши* “просо” + *кьуэ* “балка, ушелье, долина, овраг; сын”). По существующим легендам, гора Машук получила свое название по имени этого мастера [10,92]. Некоторые предания связывают название горы с именем холопа Машуко, убитого здесь крымскими татарами [см. 117, 143-144].

Слово *мэшыкьуэ/мэшыкьу* “вид адыгского старинного ружья” ныне почти забыто, но фамилия *Мэшыкьуэхэ* “Машуковых” сохранилась у кабардинцев и сейчас. В народе говорят, что ее носят потомки первого кабардинского мастера оружейного дела.

Мужура/муджура “палка, трость, посох (с железным наконечником), копьё”. – *Бу жюрюндеу кьызыныи бара тургъанлай, мужурасына да таяна. чойре-бёрк Жаныбек кирит келди* (КьМТАС, кь.ж.) «Когда гул все увеличивался, опираясь на посох и надев шапку наизнанку, пришел Жанибек». *Байдуллах, мужу-расын кётюрюп, башы да кьантырай, иничке чырылдауукъ ауазы бла кьычы-рады* (Там же) «Байдуллах поднял посох; голова его тряслась; он закричал высоким голосом»; каб. *мыжурэ* “копье, штык”, *мыжурэ башы* “посох (с железным наконечником)”. – *Заурэр цухрэ пэгъэзэжэмэ, кьуажэм сынызэрыдыхъэжыну-рмы си шы кьарэм сытесрэ си мыжурэр дыгъэм пэлыдуц* (Iy. № 4, 1992, 38) «Когда закончится война и я вернусь, я заеду в село на этом моем вороном коне, так, что мой штык будет сверкать на солнце».

Ср. араб., перс. *mizraq* “копье”, тур. *mizrak* “копье, пика”, груз. *муджюра, муджоро*, сван. *муджура* “палка железная, альпийская”, осет. *мыдзыра, мудзура* “штык, палка (альпийская, охотничья) с железным наконечником”, авар. *муэракъ*. Кбалк. *мужура (муджура)* “палка, трость, посох (с железным наконечником)” признают усвоенным непосредственно из кабардинского [175,116;111,69].

Тасха, тахса “секрет, тайна, непрочный”. – *Тасха билерге жсаудан келген эди аскерчи* (Т.З., Эрирей, 60) «В целях разведки из вражеского войска приехал боец». *Киеулюк Кьарашауай, кесин таньтмай келип, тасхабызны кёрмесин деп, Сатанай, келген кьонакьыны ахиы сыйлай, зумуну жуькьартып бошады* (Нартла,187) «Чтобы жених Карашауай, приходя тайно, не разведал их обстановку, Сатанай, угощая гостя как следует, разорила кладовую»; каб. *тлэхъэ, тлэхъэ* “тайна, секрет (военного значения); зыбкий, шаткий, слабый, непрочный”; перен. “маломощный”. – *Ижэ зэманым тлэхъаптэу цьыхум итар псыхъа мыхъуа пьыгыуэхэрат, иджы нэцанэ уаптэ яцъыр и зэфтэкхэриц* (Б.С.,438) «Ахиллесовой пятой в древности служили слабые места человека, теперь мишенью стали его сильные стороны». *Бьдэр зыгъэтлэхъэ, тлэхъэр езыхъэх* (Н., 409) «Что ослабляет крепкое, что уносит слабое»; черк. *тлэхъэ* “тайна; слабый”; адыг. *тлэхъэ* “легко взять, овладеть” [177,559], “уязвимый, слабый” [9,332]. – *Мышь нахэ тлэхъэ тэ дгьотыжьынэн, тхьам кьытитыгъэ бьлым, зыгорэ тьмыфэу тькгожьынэн* (Адыг. гу., 125) «Более слабого места, чем это, не найдем; бог дал в руки скот, не угнав (его) часть, не уедем»; бжед. *тлэхъэ* [171,134] “зыбкий, шаткий, слабый, непрочный”.

Ср. *тлэхъэн* “расшататься, ослабеть, стать уязвимым”. Из-за неясности этимологического состава основы трудно установить с уверенностью, что от чего образовано: *тлэхъэ* от *тлэхъэн* или *тлэхъэн* от *тлэхъэ*. Метатеза компонентов согласного комплекса в кабардинском нашла отражение и в карачаево-балкарском.

Сюда относятся абаз. *mlaxca* [4,372] “непрочный”, перен. “бедный, малопомощный”, убых. *mlaxca* “секрет”, осет. (диг.) *mlaxca* [2,III,352] “разведка (в частности, военная разведка с целью узнать расположение, силы и намерения противника)”.

Тегерей: *тегерей кюбе* (карач.) “прочная кольчуга”, *тегерей джамчы* “плотная (влагонепроницаемая) бурка”. – *Кёк чепкенинг тегерей кюбеден бек болду* (Фольк.) «Твой синий бешмет оказался прочнее кольчуги». Допустимо сближение с каб. *теджэлей*, *теджэлей* (< *тегэзлей*, *тегэзлей*) “подкольчужник”. – *Ар абы тлэклу хуэиньфэт, ауэ Бетлал-пэцэ зэрыжилэмкIэ, жьыр джанэр цIагъциIэлъу тIу цынтIагъэм – цIагъциIэлъ патцIэу адыгэ тэджэлейр езэгъынут – фацэр хъаным хуэфIыпсынуц* (М.Е., 313) «Он ему оказался слегка свободен, но если, как заявил Баттал-паша, вместо одного подкольчужника надеть два – для этой цели хорошо подойдут кожаные черкесские тежделей, – то обновка будет точно впору». Др.-рус. *тегилей*, *тегилай* – одежда воина в виде стеганого ватного кафтана с короткими рукавами и высоким стоячим воротником из кабардинского, ср. каб. (уст.) *теджэлей-цэцIэт* – одежда, одеваемая под кольчугу с короткими рукавами и высоким стоячим воротником.

Уикок, шикок “винтовка, ружье”. – *Кийик ёлтюрелмеген шикогундан кёреди* (Нарт сёз) «Кто не убил зверя, тот на ружье пеняет». *Ажаллыгъа окъсуз ушюк атылыр* (Нарт сёз) «В того, чей смертный час пробил, и незаряженное ружье выстрелит». *Къызыл гвардиячыла уралчы къазакъны юскюден фронтну жьырын жьыраайдыла, ушюкланы ариу этедиле эм жьылайдыла* (Шуёхлукъ, № 1, 8) «Красногвардейцы поют фронтную песню об уральском казаче, чистят ружья и собирают их». *Быцагъынгы билемей, къынына салма, ушюкунгу жерлемей, къатынга салма* (Нарт сёз) «Нож свой, не заточив, не вложи в ножны, ружье свое, не зарядив, не ставь возле себя»; каб. *фоч* (< *фокъ* < **фэукъ*) “винтовка, ружье”. – *Фоч нэцIл лIитI гъэшынгэц* (Пс.) «Незаряженное ружье двух мужчин пугает» *Ар икъукIэ жьы хъуат, хуабжъу цIакъуэт, ауэ зэи IэцIыб ицIыртэкъым и фочыр* (М.Е., 255) «Он очень постарел и сильно хромал, но никогда не расставался с ружьем»; адыг. *ихонч*. – *Щабзэм нахъи, ихончыр е къэлатыр нахъышуба – уилэба? – еупчIыгъ Ерстэм, къэиэсхи урамым къыдэкIыгъэхэ ужэ* (КI.Т., 63) «Винтовка или пистолет не лучше ли лука, или у тебя нет?» – спросил Ерстем после того, как сел на коня и выехал на уллицу».

Ср. бжед. *шкукуч*, шапс. *хуэч*, *фэуч* абх. *а-шуакъ*, абаз. *шуокъ*, (ашх.) *шуакъ* «винтовка, ружье». Существует мнение, что данное слово в западнокавказских языках является не исконным, а тюркским заимствованием [182,119; 173,139]. Ср. тур. *тюфёк*, *тюфенк*, кумык. *тюбек* “винтовка, ружье”. И в том случае кбалк. *ушюк/шюк* идет из адыгских языков, так как фонетически примыкает к адыгейским формам, к которым восходит и кабардинский вариант.

В адыгской лексике большое количество производных от этого слова: каб. *фочауэ* “стрелок”, *фочдакэзэ* “цевьё (верхняя часть ружейной ложи)”, *фочзакъуэрыуэ* “одностольное ружьё, одностволка”, *фочзэгъуэт* “двустольное ружьё, двустволка”, *фочышэ* «пуля», *фочыццэ* “оружейник”, адыг. *шхонкэжэ* “пистолет, наган”, *шхончау* “стрелок”, *шхончитъузэголь* “двустольное ружьё”, *шхончъэзб* “приклад” и др.

Много производных от *шхок* и в карачаево-балкарском языке: *шхок от* “порох”, *шхок ат*– “стрелять”, *шхок атылган* “ружейный выстрел”, *шхок агъач* “ложе (ружья)”, *шхок окъ* “ружейная пуля”, *шхоксуз* “невооруженный, безоружный” и др.

Шашка “шашка (холодное оружие)”. – /*Чапаев/ шашкасы кынындан тынч чыгъамыды деп кёрдю* (Шуёхлукъ, № 30, 7) «/Чапаев/ проверил, легко ли вынимается шашка из ножен»; каб. *сэихуэ* “сабля, шашка”. – *Сэихуэм и лэццэр пъл къутицхэм кыхъуфукат икхи мывэ зэмфэзгъу жьгьей цыкхьхэр хэгъэтысхьат* (М.Е., 7) «Рукоятка сабли была сделана из слоновой кости и инкрустирована мелкими цветными камешками». *Гъуццыпсэ мэзми ешэ ццалэр, ешэри, сэихуэ гъэбзэкэм, аркъэн дзыкэм хуегъасэ* (Дик.из., 60) Гу-чипс водит юношу в лес, водит и учит рубке на шашке (как владеть шашкой), метанию аркана (как бросать аркан); адыг. *сэихо*. – *Шыуитхур эзэуцуи ясэихохэр кыызэфрахыгъ* (К1.Т.,87) «Два всадника, став друг против друга, обнажили шашки»; бжед. *сэико*.

Адыгское слово состоит из *сэ* “нож” и *-ихуэ* (<**-шхуэ*) суффикс со значением “большой”, букв. “нож большой”. Из тех же компонентов составлено кбалк. *улли бичакъ (бычакъ)* “сабля, шашка”, дословно означающее “большой нож”.

Слово “шашка” в русском языке А.Г. Преображенский считает заимствованным из кабардинского языка [125,1232; см. тж. 172,IV,416; 16,9]. По мнению М.А. Кумахова, правильнее предположить заимствование из адыгейского языка, а именно: из бжедугского диалекта, которую он признает более архаичной [90, 134].

«Благодаря казакам слово “шашка” вошло в общерусский язык, но своим распространением в литературном языке оно обязано больше всего двум великим поэтам – Пушкину и Лермонтову. Сейчас слово «шашка» настолько обрусело, что мало кто из говорящих по-русски ощущает его иноязычное происхождение» [16, 9].

Карач-балк. *шашка* как и кумык. *шэшкэ, шэшгэ* “шашка, сабля” усвоено не из адыгских языков, а через русское посредство. Это не единственный случай, когда адыгские слова вошли в карачаево-балкарский через русское посредство; ср. кбалк. *нарзан* “нарзан” (от каб. *нартсанэ* – напиток сказочно-го богатырского племени нартов) и др.

Эреджиб, эрежет (арх.) “вид старинного ружья”; каб. (уст.) *ерыжыб, ержыб* “особый тип кремневого ружья”. – *Ерыжыбурэ нывзэшкэху, шыкэху дахэр зыхузэрашэ...* (А.у.,67). «Чей ережиб белыми камушками заряжен,

белохвостого коня-красавца для кого холят...». *Къубатий и атэлыкьыр къыгъэдэгуащ хъэжэмэстафэм и пэкIэ ержыбыр къритыну* (М.Е., 174) «Кубати уговорил аталыка забрать себе «Хаджи-Мустафу» а ему отдать ержибу». *Ержыбым и махъ гуащIэм тцIантIэм дэтхэр хузэблож* (Дик.из., 45) «От страшного грохота ержиба бросились в панику находящиеся во дворе». *УвыIэгъуэ тIуащIэ къыщацIым ержыбыжъхэр вгъэкъуалэ* (П.Б.,234) «Если двойные укрепления сделают, заставьте старых ержибов кипеть»; адыг. *ердджыб, ердджыбжъ*. – *Къалэр афэмыштэ зэхъум: «ЛIыжъымрэ ерд-жыбэмрэ тымыгъотмэ хуыштэп»: - афу лIы алофытагъ* (Ад.тх.,33) «Когда не удавалось овладеть городом, послали посыльного, сказав: «Не обойдемся без старика и ерджиба».

Ружье пользовалось популярностью среди офицеров и солдат царской армии во времена Кавказской войны. Оно получило свое название по имени прославленного адыгского мастера-оружейника XVIII века Ерижиба. Оно является одной из адыгских фамилий: *Ержыбхэ* “Эржибовы”.

Сюда относятся осет. *ердзын/ердзын* “вид ружья, высоко ценный в старину”, груз. *еражиба, ередзиби* (2, I, 412) “вид старинного ружья”.

Слова, относящиеся к животному миру

Коневодство для кабардинцев всегда было самым дорогим, любимым и первичным делом. Как давно стала развиваться на Кавказе эта отрасль хозяйства, научно не установлено, но, во всяком случае, не менее 2000 лет назад, так как кости лошадей находили в древних кавказских курганах – усыпальницах, появившихся за 450 лет до нашей эры.

Главной ударной силой кочевников была конница. Адыги, противостоявшие длительное время кочевникам, придавали огромное значение развитию коневодства и достигли известных результатов в выведении верховых пород лошадей. Слава кабардинской лошади прогремела далеко за пределами Кавказа. В течение многих веков их охотно приобретали жители Индии, Ирана, Турции. Наибольшее распространение кабардинская порода получила среди казачества Кубани, Терека и Дона. Постоянным покупателем кабардинских лошадей была и аристократическая верхушка соседних народов Северного Кавказа, Грузии, да и всего Закавказья.

В адыгских языках представлено большое число коневодческих терминов (названия различных пород лошадей): *ачэтыр, абыкъу, жэрацты, цо-лэху, есэней, къуралей, трамэ, къундет, бэчкъан, бэлэтокъуэ, къандур* и др. В фольклоре упоминается название и других пород: *алы/алт* “сказочный конь”, *дурдыл/дулдул* “мифический конь, отличающийся особой силой и красотой”, *хуарз/фарз* “лошади чистокровной породы”. Адыгская порода имела несколько разновидностей: *къэбэрдейш/къэбэртэеш* кабардинская”, *адыгэши* “адыгская”, *кIэмьрзгъейш/кIэмгъеш* “темиргоевская”, *къуицхъэш/къуицхъэши* “горная”, *кубаныш* “равнинная”. Адыги разводили и не местные породы лошадей: арабскую (*хъэрытыш*), донскую (*къазакъыш*), русскую (*урсыш*).

Анализ адыгизмов, связанных с обозначением животного мира, свидетельствует о том, что карачаево-балкарский язык испытал значительное влияние адыгских в этой отрасли животноводства. Терминов, связанных с другими отраслями животноводства, например, птицеводства, значительно меньше.

Адакъа (балк.) “петух”. - Энди къан къызыл адакъа кесигиз, Шамкъызгъа илбижесит ашитыгъыз (КъМТАС, къ.ж.) «Теперь нарежьте ярко-красного петуха, накормите Шамкыз гедлибже из него». Уллу къызыл адакъа, буруу башына минип, къарай-къарай узакъгъа, къычырады, силкинип (КъМТАС, 49) «Большой, красный петух, забравшись на забор, смотрит кругом, кукарекает, качаясь». Бир уллу адакъа, Какыны юй аллында гезенек юкуне минип, бир ачы къычырды да, ол сагъайып тургъан халкъны тынчлыгъын бузду (Там же) «Большой петух, во дворе Какы забравшись на секцию плетня, сильно прокукарекал и нарушил покой обеспокоенных (чем-то) людей»; каб. адакъэ “петух”. - Жэм мышахэр тцлантиэм цыцэщцлэбууац, нэхущым шыхъэсыжыф хуэдэ, адакъэр һащ, мы унэм жьэзу мафлэр цагъэункыффын мурад зэрацлантиэ жылым хъыбар иригъащцэ пэлытэу (Ш.Б., 58) «На дворе мычали недоеные коровы, и петух вдруг раскукарекался с вечера, словно, не дождавшись до утра, хотел раскричать по всему аулу слух о том, что хозяин дома готовится погасить свой очаг». Дожэдым адакъэ я тхъзмадэц (Пс.) «Тамادا кур – петух»; адыг. атакъэ. - Сыдым, мэзы атакъэм фэдэу, къолэнэу зэхэлъ (К1.Т., 135) «Словом, был расцветчен, как пестрый фазан (букв. лесной петух)».

М.А. Хабичев считал адыгскую основу карачаево-балкарским заимствованием [173,35]. В ней распознается, однако, адыгск. *адэ/атэ* “отец”, что обосновывается типологическими параллелями [см. 188,56].

В балкарском наряде с *адакъа* “петух” используются также *хораз* и *къыттай* с той же семантикой. Ср. также карач. *гузурукос*, *къычырычу* “петух”.

Адеж “ряд (двух коней, идущих один подле другого)”, *адеж ат* – лошадь, которую всадник ведет на поводу. - Адеж атын да, сабий-сублюй юрקות-месин деп, баугъа жыйып, [жаш] Маржанлыгъа кирди (КъМТАС, 51) «Чтобы детишки не напугали, [парень] загнал ведомого коня в сарай, и зашел в дом Маржан». Жер салынгынчы адежге бир кесек юйретир мурадда, [атны] тик къабыргъаны энишге созганылыкъгъа, аллына теңдиралмай эдиле (Там же) «Чтобы научить идти в ряд [с другим конем], коня тянули за узду по крутому склону вниз. Но он не двигался с места»; каб. *лэдэж* “ведомый под уздцы (конь)”. - Къэрэццей и шым шэщ, адрейхэр лэдэж къыцлри пцлцлэу мэзымкцэ цунтлцц (Н.А.,298) «Карачай вскочил на своего коня и спешно поскакал к лесу, уводя с собой остальных лошадей». Ачокъу и Налмэс шэсыжащ, икли и шыллэм Гулэз дигэяттыхъац, и гъусэ цлцлэм Ачокъу зытеса шыр лэдэж цлцлри, къежжэжащ (Дик. из., 43) «Анчок пересел на своего Нальмеса, взял к себе на седло Гулез, а его спутник повел на поводу коня, на котором был Анчок, и они уехали»; адыг. *лэдэж*. - Шы лэдэжэ кыгъгэу шыу горэ блэжыгъ (А.Г., 694) «Ведя коня под уздцы, проехал какой-то всадник».

Производно от *Іэ* “рука”, второй элемент *-дэж/-дэжь* может восходить к *деж/дэжь* – послелог со значением “около, у, вблизи, возле, рядом”. В адыгских языках слово может иметь и наречную форму – *Іэдэж-у* “под уздцы (вести коня)”. Оно может употребляться с вспомогательным глаголом *щІын* “делать”: *Іэдэж щІын* “взять под уздцы”.

Гемуда (фольк.) – конь нарта Карашауая (Карашауай, Шауай, Шевай, Генджакешауай – варианты – имени одного из главных героев кбалк. нартского эпоса. Кбалк. Карашауау в адыгском эпосе аналогичен Шауей; в осетинском – сын Кандза-Сауай). – *Шауай ёсюп нартха келгенден сора, Аллах анга Гемуданы бергенди* (Нартла, 181) «Когда Шауай вырос и пришел в страну нартов, Аллах послал ему Гемуду». *Къарашауай Гемудагъа къууанганды, Тау кырдыкны игисинден тойдургъанды* (Там же) «Карашауай был Гемуде рад, накормил его альпийскими травами»; каб. *дэжмьдэ* (< *гэжмьдэ*) “бурый (о масти животных)”. Такую же кличку носит конь нарта Шауая кабардинского нартского эпоса. Безусловно, кличка лошади *Дэжмьдэ* восходит к нарицательному имени *дэжмьдэ*. В кабардинском кличка лошади чаще употребляется с суффиксом *-жь* “старый”: *Дэжмьдэжь*. В карачаево-балкарский язык кличка проникла без суффиксального оформления.

Слово *дэжмьдэ* в кабардинском применяется только к быкам и коровам [см. 116, 142; 139, 136]; в адыгейском же это слово, представленное как *чэмыдэ* [9, 401], распространяется и на лошадь. Следует, однако, отметить, что слово *дэжмьдэ* как обозначение масти лошади бытовало в прошлом и в кабардинском языке. Об этом свидетельствует встречающееся в адыгском фольклоре слово *Дэжмьдэжь* – кличка боевого коня нарта Шауая.

Гогош, кокуш “индюк, индейка; возглас, которым подзывают индюков”. – *Баппуш, тауукъ, къазладан гогош улуу болады, багъып ахшы къарасанг, семиз этден толады* (КЪМТАС, 601) «Индюк больше, чем утка, курица и гусь, если хорошо откормишь, набирает жир»; каб. *гуэгуш* «индюк, индейка». – *Пицантлэм пицафлэу дэтахэм яшхыну зы гуэгуш, зы кхъуейллыгъжь ятын хуейщ клуахэм* (Ад. Іу., 217) «Приехавшие должны привезти для повара одну индюшку, одну головку сыра».

Представлено и в ряде других родственных и неродственных языков: абаз. *гуагуыщ* [4, 130], абх. *а-гуагушь, а-кфуакушь* [129, 253], ног. *ковкис* [133, 229], осет. *гогыз, гогуз*, мегр. *кокуши*, сван. *кошиа*, груз. (диал.) *кошиа* «индюк, индейка» [2, 1, 522].

Видимо, от прилагательного *уэгуш* “рябой (с крапинками, в крапинку), веснушчатый, конопатый”, *уэу* “рябой, веснушчатый, небесный”. Губно-губной сонорный *у* мог перейти в заднеязычный лабиализованный звук *гу* из-за ассимиляции последующим аналогичным согласным. Ср. каб. *гуэгуш напэ* < *уэгуш напэ* “конопатое лицо, веснушчатый (о человеке)”, каб. *уэгушэбзу*, м.-каб. *гуэгушэбзу, гуэгушэбзу* “жаворонок” (из *уэгушэ* “глубь неба” и *бзу* “воробей”), *гуэгушдэжэдык Іафэ* < *уэгушдэжэдык Іафэ* “веснушчатый”.

Разъяснение лексемы на тюркском материале [2,1,522;173,43] как “синяя птица” (ср. ног. *коьк*, кбалк. *кёк* “голубой, синий”; азерб. *гуш*, башк. *кьош*, ног. *кус*, кумык., узб., уйг. *кьуш* “птица”, кбалк. *кьуш* “птица, орел”) не выдерживает критики. Ног. *коькис* при *кус* (*кьус*) не согласуется с этим мнением. Оно, скорее всего, представляет неполную адаптацию адыгского на основе народной этимологии. Сравнение с другими тюркскими языками, не имевшими контакта с адыгскими, убеждает в этом: узб. *курка товук*, *курка гюшити* [129,171], тат. *кюрке* [137,58], тур. *hindi* [140,102] “индюк, индейка”.

Наряду с *гуэгуш* в черкесской речи употребительно и *тхьэджэд*. Ср. бесл. *тхьэгьэд*, адыг. *тхьачэт* “индюк, индейка”. Название в целом буквально значит “божественная курица”.

гыбы (карач.), *губу*, *габу* (балк.) “паук, клещ”, перен. “кровопийца, угнетатель”. - «Губу, харам губу ёлтюрюр затын ауна чулгьагьанлай, нечик чулгьадыла ёгюзю!» - деп, жарсыды [тиширюу] (Т.З., Эрирей, 80) «Будто паук, скверный паук обмотал жертву в свою паутину, загубили они вола», - беспокоилась женщина»; каб. *бэдж* “паук”. - *Бэдж фьыцэ гьакьузэ абы псори эщегьыдэ...* (у., № 4, 59, 60) «Как черный паук, он все охватывает»; бесл. *бэгь*, адыг. *бэджы* (< *бэгьы*) - *Бэджым бэджыхь ешлы* (А.гу., 34) «Паук делает паутину».

В слове *бэдж/бэджы* (< *бэгь/бэгьы*) на адыгской почве вскрываются *бэ* “много” и *джы-* (*гьы-*) корневой элемент глагола *джын* (*гьын*) “прясть” [см. 188,71] в причастном употреблении – “много прядающий”. Др.-тюрк. *бэг* [8,40] “тарангул”, по всей вероятности, здесь случайное созвучие.

Вариантивность слова в карачаево-балкарском говорит в пользу заимствования. Как будто бы из кабардинского (кабардино-черкесского) языка с метатезой согласных (ср. абаз. *гьабатгьа*, *багьатгьа* “паутина” из каб. *бэджыхь/бэгьыхь* “паутина”). С уверенностью можно отнести сюда абаз. *багь* “паук”. Осет. *джыбы*, *гьбы*, *габу* “клещ” из карачаево-балкарского. Ср. кбалк. *мал гыбы*, *мал губу* “клещ” [70,457], *кьой губу* “клещ овечий” [3,277], *кьаудан гыбы* “степной клещ”, *кьан гыбы* “тарангул; кошарный клещ”, *кициу гыбы* “чесоточный клещ” [70,192].

Гыдыу (арх.) “кот, кошка”; каб. *джэду/гьэду* “кот, кошка” – в применении к человеку в смысле “лукавый, лживый” [2,1,510], “самоуверенный”. - *Джэдум нэхь льэщ цымызу дзыгуэм и гьэщ* (Пс.) «Мышь думает, что сильнее кошки никого нет». *Джэду и кьэу дзыгуащэц* (Пс.) «Сын кошки (также) становится охотником за мышами»; адыг. *чэтыу/кьэтыу*. - *Чэтыу зэрымьсым цыгьо цэд-жэгу* (А.гу., 635) «Где нет кошки, там мышь режется».

Ср. аид. *геду*, *кету*, гуиз. *геду*, табас., арч. *гату*, цез., гин. *klemfy*, арм. *kati*, занск. *kati* [188,160]. Крымский диалект каранского языка имеет слово *кеди*, имеющее общий источник с турецким *кеди* [110,97]. Для адыгских языков непосредственным источником могло послужить, по Г.А.Климову, картв. *kati* [78,380-381]. Кбалк. форма (*гыдыу*) настолько близка к адыгским, что отрывать ее от них не представляется возможным.

Къабан (фольк.) “порода лошадей”. К данному слову М.А. Хабичев возводит каб. (уст.) *къабан* [173,38] – разновидность лошадей кабардинской породы “Шолох” [139,360]. Следует заметить, что каб. слово восходит к названию осетинского селения Кобан (по фамилии осетинских князей Кобановых), где выведена порода лошадей, названная кабардинцами *къабан/къэбан*.

Ср. каб. *Къобан и къуажэ* [83,63] “Кобана селение” – поселение, которое существовало на правом берегу Лескена выше с. Анзорей. Переселенцы из этого аула основали современное с. Озрек (*Узэрэдж*). В литературе на русском языке встречается «аул Кобань».

Къунадес (балк. диал.) “клоп”; каб. *къуанэдэс* “клоп (домовый)”. Это слово состоит из двух корней: *къуна* и *дес*. Первый корень восходит к каб. *къуанэ* “дыра, отверстие”. Вторая часть тоже мотивирована с точки зрения кабардинского языка – это причастная форма от глагола *дэсы-н* “сидеть, находиться (где-либо, между кем-чем-либо)”.

Къырыу (балк. диал.) “журавль”; каб. *къру* “журавль”. – *Къру нэтрэ и хэку егъэзэж* (Пс.) «Даже птица (букв. журавль) возвращается на родину». *Кърум лыбжэзэ игъэхъзырати къхуэщын кфых цхъэ зэвым ирилъхъэри бажэм бгъэдигъэуащ* (Нур, № 6, 1996, 5) «Журавль приготовил жаркое, положил в длинный кувшин с узким горлышком и поставил перед лисой»; адыг. *къэрэу*. – *Къэрэухэр бжыхъэм хэгъэу фабэхэм мэбыбыжъых* (А.гу., 353) «Осенью журавли улетают в теплые края».

Звукоподражательное слово. Ср. лак. *къурукъ*, авар. *къункъра* [188, 229], осет. *хърихъути, хъуррой*, дарг. *къуръ* [2,11,311], чеч. *гъаргъули* [79, 201] “журавль”.

Данное слово является специфическим словом только для одного диалекта балкарского языка в данном значении. Понятие *журавль* в литературном карачаево-балкарском языке передается словами *турна* [132, 165] и *зурлук* [70,291]. Приведенное балк. диалектное слово фонетически примыкает к каб. *къру* (< *къыруу* < **къырыу*). В кабардинском гласный *у* восходит к дифтонгу *ьу*. Сюда же абаз. *къру* (ашх.), *къырлыу*, убых. *къэрэу* [182,35] “журавль (птица)”.

Лак (балк.) “рысь”. – *Шарау атыны лохун тыйды* (Т.З., Эрнрей, 8) «Шарау прервал рысь своего коня». *Шарау жсонда жукъусурай келген атны къамичи бла сермеди да, лохуна салды* (Там же) «Шарау стеганул дремлющего коня и пустил рысью»; каб. *лэхъу* “рысь (вид аллора)”. – *Фыгуэ гъэхиха шитлыр лэхъуфкIкIэ йожэзэ, я соку лухэр жэвым зэрэхуэу* (Лу., № 3, 1959, 4) «Две откормленные лошади двинулись крупной рысью, колыхая гривами на ветру»; адыг. *лэхъу*. – *Налмэс загъорэ гъогоу ыпэ къифэхэрэмэ IэдилонтIэхуэ, лэхъу ехъыжъагъэкIэ чъэцтыгъэ* (КI.Т., 448) «Нальмес все мчался стремительной рысью, время от времени сворачивая на какие-то поперечные дороги».

Слово в адыгских имеет прозрачную этимологию: из *лъ* “нога” и суффиксированная основа *-хъу* со значением “широкий”, ср. *нэхъу* “глазастый” (из *лэ* “глаз” и суффикса *-хъу*), *лэбакъуэхъу* “широкий шаг” (из *лэбакъуэ* “шаг” и суффикса *-хъу*), *жэхъу* “языкастый, грубиян” (из *жэ* “рот” и суффикса *-хъу*) и т.д.

Другой вид аллюра обозначается словом *уц* – плавный, неторопливый бег, *лэхъу* – более быстрый бег широкими шагами. Этим объясняется появление суффикса *-хъу* “широкий”.

Суффикс *-хъу* этимологически возводится к общеадыгской основе *быхъу* “широкий, просторный” [90,135].

Маджа (карач.), *мача* (балк.) “саранча (перен. о жадном, ненасытном человеке)” – диалектально встречается и в виде *маца* (напр., в цокающем диалекте). – *Мени орунума ким тюшсе да, сени кибик маджалагъа жашау берлик туйюлдою* (КЪМТАС, кь.ж.) «Кто бы ни пришел на мое место, такой саранче, как ты, не даст покоя». [*Ийналукъ*] *къолундан келсе, артына-алпына къарамай, дулманларын мачаланы къыргъанлай къырыр* (Там же) «[Ийналук] если сможет, не колебаясь, уничтожит врагов, как саранчу». *Бу сёзле, маджа къуртча, жюрегими кемирит, халеклик салып башладыла* (Там же) «Эти слова, словно саранча, терзали мою душу и начали травмировать»; каб. *мацлэ* “саранча (перен. прожорливый)”. – *Мацлэм хъэуэри пкгауэ закъуэр цуклац* (Дик. из., 159) «Среди массы саранчи убил единственного кузнечика». *Мацлэу мацхэ, бадзэу мацлэ* (Б.С., 528) «Жрут, как саранча, мрут, как мухи»; адыг. *мацл*.

Данное адыгское слово Н.Ф. Яковлев членил на *ма-* – древний префикс и корневой элемент *цлэ* “вошь” [198,292]. Того же самого мнения придерживался и Г.В. Рогова [128,26]. Элемент *цлэ* встречается и в других словах: *хъэп/а-цлэ* “букашка, червяк, шелкопряд (гусеница)”, *цлэ-клэ* “гнида”. Элемент *ма-* – отмечается в составе большого числа основ: *мацлэ* “огонь”, *махуэ* “день”, *мажъэ* “расческа”, *мацэ* “яма” и др. А элемент *-цлэ* встречается в некоторых основах, семантически связанных со словом *мацлэ*: *нэ-цлэ-н* “жадно смотреть на пищу; вожделеть” (*нэ* “глаз”), *нэ-цлэ-лу-цлэ* “жадный до пищи” (*нэ* “глаз”, *лу(ы)* “рот”).

Из адыгских языков слово проникло и в родственные языки: абаз. *мацла*, абх. *а-мацла*, убых. *мацлэ* “саранча”. Адыгские формы различаются лишь редукцией конечного гласного в адыгейской. В карачаево-балкарском адыгский смычно-гортанный абруптив *цл*, чуждый тюркским языкам, заменен шипящими аффрикатами (особое место занимает форма цокающего диалекта).

Трам, тырам “порода кабардинских лошадей”; каб. *трамэ* “известная в источниках порода кабардинских лошадей (нередко и кличка коня этой породы); черви (карточная масть)”. – *Едыджыпцири узытес трамэри зэтылхуэрэ къытхухъзыш* (А.у., 57) «Едиджа – князя траму в полном наряде [из боя] выводись». *Шолхъум, къундетым, трамэм уанэр гъуэгуэм къытранэнукъым, унэм унахъэсыжынууц, сыт хуэдиз гъуэгуанэ зэначами* (Дик.из., 310) «Кони породы шолох, кундет и трам даже если совсем пристанут, все же седла на полдороге не оставят, а донесут до дому»; адыг. *трам*. – *Хьагъундэкъо, цэд-жэрэкъо, ачэтыр, трам, егъэн, есэнэй шы лъэикъыхэмши шы шуклаехэр къахэкъы* (К.Т., 404) «Неплохих коней дают породы: хагундоко, шеджероко, ачатыр, трам, еген, есеней».

«Как и другая знаменитая на Северном Кавказе порода коней *шаулах*, получила свое название от той фамилии, представители которой занимались ее разведением, – на этот раз от абазинской фамилии *Трам, Трамowych*» [2, III, 308].

Кроме данного значения, М.А. Хабичев приводит для кбалк. *тырам* и другие: в игральные карты – “вини”, название одного из карачаевских кланов, название одной из древнейших карачаевских тамг, выжигаемых на конях и лошадях [173, 46–47]. Следует заметить, что отмеченные исследователем значения вторичны; первично адыгское нарицательное слово *трамэ/трам* для обозначения треугольника с двумя закругленными углами и одним острым. Тамга соответствующей формы принадлежала широко известному в истории абазинскому феодальному роду *Трамэ/Трам*.

Название породы восходит к фамилии известных коневодов Трамowych, а сама фамилия – к нарицательному адыгскому слову *трамэ/трам* – фигура в виде карточного червя, встречавшемуся в составе сложных слов: *Хьэтрам-тыку* – название бывшего натухайского аула недалеко от Анапы, ныне аул Натухай в Адыгее, каб. *удзтрамэ*, адыг. *аштрам* “водяной орех”. Возможно, в слове *трамэ* элемент *тра-* имеет индоевропейский источник, а *-мэ* исконный суффикс для обозначения геометрических фигур: *цимэ* “треугольник” (*цы* “три”), *пллимэ* “четырёхугольник” (*плл* “четыре”), ср. также каб. *гуимэ* “извозчий экипаж, карета” (*су* “арба”).

Хора “скакун, породистая лошадь”. – *Ахмат минуцю ат-кьоянкьулакь, бели кьысхаракь, ёшюню, гитче кьуу башлы, сурат кибик, чапса, ат озмагьан, бир хора болгьанды* (КьМТАС, кь.ж.) «Конь, на котором ездил Ахмат, был с торчашими ушами, с коротковатой талией, грудастый, с маленькой головой, как тарханка, очень быстрый, породистый». *Бригадада эм мажгал атны жьерледиле жашла, тугьында гитче кьылучугьу болгьаны себенден, аскерге кьорамай кьалгьан кьаратору хораны* (Там же) «Парни оседлали темно-гнедого, самого отборного коня в бригаде, которого из-за небольшого изъяна в копыте не взяли в кавалерию»; каб. *хуарэ*. – *Кьанболэт льакьулэлиш льыжьым и цолэхьу тццэгьуалэмрэ адэм шыцццэ цыкфуу кьриту хуарэ нэс хьуа езым ши и нээм хильхьымрэ нсафэ ишац* (М.Е., 74) «Канболет пошел понть белого шолоха – это конь старого тлекотлеша – и своего любимца – настоящего хоару, которого отец подарил сыну еще жеребенком»; адыг. *фарэ*.

Этим словом адыги обозначали чистокровную адыгскую породу лошадей, имевшая, по рассказам стариков, на спине полосу от гривы к хвосту. У серой лошади, как и у бурой, полоска была темной, а у лошадей темных мастей, полоска была светлой. Как и название *шагди*, впоследствии слово стало обозначением лучших качеств лошади вообще.

В адыгских формах отмечается соответствие кабардинскому лабиализованному спиранту -ху адыгейского фрикатива -ф, развивающегося из него.

Чагьыдий, чакьыдий “о худых тонких ногах” [156, 17], *чагьы-дей ат* “тонконогая беговая чистокровная лошадь кабардинской породы”. – *Чагьы-дий ат* [70, 720] «тощая лошадь»; каб. *шагьдий* “чистокровная порода кабар-

динской лошади; о стройной красной женщине». – *Сэ зи гугъу сцӕыр шагъдий лъэпкъырац, шы кӕсыжжэм сӕт яхузиуӕху - апхуэдэ шы кӕсыж ӕдджэ дэтхэнэ шыбз гуарти хэбгъуэтӕнуц* (Шу з., 311) «Я говорю, конечно, не о вырождах, каких найдется немало в каждом табуне, а о чистом «шагди»; адыг. *цагъдый*. – *Тэрэззу гъэпсыгъэу зэфӕшӕу шӕгъгъэ адыгъ цагъдыйыр псыкӕ ырышл, баци рӕшгъурӕп* (К.Т., 420) «Обычно адыгский «шагди», натренированный и справный, мало пьет воды».

«Адыги немало трудов потратили на то, чтобы вывести шагди – так называют коня чистой адыгской породы... Место, где выведена порода шагди, населено кабардинским племенем адыгов» [73, 327-328]. По преданиям, порода *шагъдий* имела тонкий и длинный корпус, мощную грудь, длинные тонкие ноги, широкий размашистый ход. При быстрой езде не тряс ездока. Такой быстрый ход без тряски седока назывался раньше ход шагди: *шагъдий кӕуӕкӕ*. В устном народном творчестве слово это занимает почетное место. Лучшие лошади стали называться *шагди*. Сюда же осет. *сагъди* «порода кабардинских кровных лошадей» [2,1,286].

Кбалк. *чагъдий/чакъдий* восходит к более старой кабардинской форме с начальной аффрикатой *ч*, к которой восходит шипящий спирант *ш*; в бесленеевском диалекте сохранились первичные шипящие аффрикаты, отсюда и бесл. *чагъдий*.

Шаулух (название хорошей породы лошадей). – *Къадыр къулагъын шаулухха ӕлчелей эди* (Нарт сӕз) «Мул хотел себя равнять на лошадь хорошей породы». *Тогъузусу бирер кӕк шаулухха миндиде* «Каждый из девяти сел на серую породистую лошадь»; каб. *цолӕху* «знаменитая порода адыгской лошади». – *Шолӕхуыр зырыкуӕдыжар дамыгъэ цытырадзэм къацӕац* (Лу., № 6, 1990, 48) «О том, что исчезла шолохская порода лошадей, стало известно во время таврения»; адыг. *шӕлӕху* (Кумахова, 1972, 183). – *Адыгъ шы лъэпкъу анахъ шы дӕгъухэр къызхӕкӕхэрэр: шӕӕлӕху, жьыраитӕ, къырым-шӕокӕл, къундет, абыку* (К.Т., 404) «Лучших коней дают породы: шоулох, жирашты, крым-шокал, кундет и абыку».

Этому названию породы лошадей В.И. Абаев посвятил специальную статью в своем «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» [2,III,46-47], определив его: «Шавлох» высоко ценная в старину порода коней. Название происходит от кабардинской княжеской фамилии Шолоховых, как название породы коней трам от фамилии Трамowych. Такой князь жил в Кабарде в конце XVI-начале XVII века. Из этого можно заключить, что эта порода создана еще триста лет назад.

«Кони данной породы славились по всему Кавказу», – пишет В.И. Абаев и приводит слова М.Ю. Лермонтова, который в очерке «Кавказец» рисует колоритный образ старого служаки Кавказской армии. Его обязательные атрибуты: «...шашка, настоящая гурда, кинжал – старый базалай, пистолет закубанской отделки, отличная крымская винтовка, которую он сам смазывает, лошадь – чистый шаллох» [Там же]. Генрих-Юлиус Клапрот отмечал: «Самая

лучшая порода называется «шалох» и носит особый знак на заднем бедре. Такие лошади, как правило, принадлежат богатой семье и насчитывают не более 200 голов в табуне. Лошади этой породы чаще всего бурой или белой масти, их содержат постоянно на пастбище... Если такого жеребенка дарят, то его оценивают наравне с рабом» [75, 267].

По преданиям адыгов, порода *цолэху* была выведена в результате долгой и тщательной селекции и тренировки. Это предание отразилось и в художественной литературе: «Есть сказ о старом Шоулохе, выведшем шоулоховскую породу адыгского коня. Говорят, что за всю жизнь в табуне Шоулоха число лошадей не превзошло ста голов. Когда же он, состарившись, передал это дело своим сыновьям, те за несколько лет довели число голов до тысячи. И вот сыновья стали нескромно хвастаться перед отцом: ты, мол, за всю жизнь смог вырастить только сто голов, а мы за несколько лет вон сколько развели. Тогда старик велел сыновьям построить большой загон с крепкой высокой оградой. Он приказал пригнать табун и запереть его в этом загоне, после чего велел выстрелами и гиком напугать лошадей. Испуганные лошади заметались в загоне, и, говорят, только пятьдесят лошадей из тысячи смогли перепрыгнуть через высокую ограду и ускакать. Тогда старый Шоулох сказал сыновьям: «Вот те, что перепрыгнули через ограду, – это кони моей породы. А те, что остались в загоне, – не кони, а коровы, и я их не считаю» [72, 328].

Следует отметить, что народная молва приписывала создание этой породы лошадей не беслеевским Шолоховым, а представителю Таусултановской фамилии князю Шолоху (внук родоначальника названной фамилии).

Названия орудий труда и хозяйственного инвентаря

Гида “топор”. – *Отунчу кесип аудурду эменни, гйда бла терк-терк сермен* [КЪМТАС, 594] «Дровосек свалил дуб, быстро ударя топором»; *каб. джыдэ (< гьыдэ) “топор”. – Къаклуз, цлалэ, уэ сэ кьызбэгурит/ыхьэ, ауэ джыдэм замыгъу/э* (Н.А., 30) «Мальчик, ты садись со мной, только смотри, не порежься об топор». *Ильэс ццц/рэ зым ит пацтыхьым псыцц/эу островым кьыциклухьырт, макъ ик/ак/э унафэ иц/у, дыхьэишхьу, кьэгубжьу, и нэхэр залыму игъэлыду, зэм уадэ, зэм джыдэ кьышъуатэу* (М.Е., 294) «Тридцатидесятилетний государь стремительно носился по острову, выкрикивал хриплым голосом команды, хохотал, свирепел, бешено сверкая выпуклыми глазами, хватался то за кузнечный молот, то за топор».

Ср. осет. *джыдæ* “плотничий топор, тесак”, дарг. *джыда, жыда*, лезг. *жыда, джыда* “штык, копьё”, убых. *гьыт/уы* “копьё, пика” [188, 162]. По мнению М.А. Хабичева и И.М. Отарова, кабардинский и осетинский языки заимствовали лексему из карачаево-балкарского [173, 66; 119, 77-78]. Однако карачаево-балкарское, выпадая из цепи тюркских соответствий [см. 188, 162], напоминает старокабардинскую форму *гьыдэ* и, видимо, примыкает к ней. Об этом же свидетельствует нарушение принципа сингармонизма. Осет. *джыдæ* признают усвоенным непосредственно из кабардинского [2, I, 518].

Гѣбха “штамп; тавро, клеймо; метка на коже (животных)”. *Гѣбха сауут* “станок для нанесения метки на кожу (животных)”. Ср. каб. *к1ыгхъэ* “название инструмента шорника для тиснения”, *хъэлывэик1*, *хъэлывэ-к1ыгхъэ* (где *хъэлывэ* “пирожок”) “специальный нож для обрезания краев пирожка”, адыг. *хъэлыгъэопк1* [9,394] “резец (кухонный, для теста)”. Осет. *чъыгхъэ* “форма для выбивания фигур на кожаных изделиях” считается заимствованным из кабардинского [24,27].

Губулушха, гублашха “деталь арбы, предохраняющая бока запряженных волов от трения об оглобли”. – *Жолоучу, олтуруп тургъанлай, жукълап къалгъанча, тѣгерегине да къарамай, аякъларын губулушха бла эншиге бошлады* [КЪМТАС, 613] «Путник будто заснул сидя, не оглядывая вокруг, ноги отпустил по губулушке вниз». *Директор, ашыкъмай, портфелин ачды, андан кѣп къагъытланы чыгъарып алыны салды, сора кѣлек хуржунундан алы, кѣзлюклени губулушха орнатханча, бурун сюегине орнатды* (Там же) «Директор не спеша открыл портфель, вытащил оттуда много бумаг и клал перед собой, затем из кармана рубашки достал очки и прикрепил их, будто губулушку, к гребню носа»; каб. *гублашхъэ* “облучок, передок телеги, козлы”. – *Гублашхъэм дѣст, пелуанып1э хъужау, шыгъуху п1ацэ гуэр* (1у., № 5, 1988, 15) «На облучке сидел какой-то кучер с плечами богатыря». *Гублашхъэм дѣс лы ф1ыц1э гъурым уэрэд жеп1эрт* (Н., 80) «Сидевший на облучке смуглый мужчина пел песню». *Дэ дыкъызэры1ук1ыу, псоми кхъуэр зэпаубыдри 1эжъэм гупсэху дыдэу иралъхъац: т1ум я цхъэр гублашхъэмк1э гъэзауэ, ещанэр зэпруу 1эжъанхэм ш1у* (Н.А., 148) «Как только мы отошли, все дружно взяли кабана и ловко положили в сани: двух кабанов положили вдоль саней головами к облучку, третьего – поперек в задней части саней»; адыг. *кублашхъэ* [130, 471] “облучок”.

Сложное слово из *гублэ* “предплечье телеги” и *цхъэ* “верх, голова”. Такое членение данного слова оправдано и с точки зрения адыгейского языка: *кублэ* “плечо-рама на арбе”, *цхъэ* “верх, голова”. Для кабардинского предполагается [171, 110-111] праформа **гуп1ацхъэ* (из *гуп1э* “передняя часть телеги” и *цхъэ* “верх, голова”).

Производные от него: *гублашхъэдэс* “кучер, возчик”, *гублашхъэдэсэ* “рогулина на арбе (для удержания груза)”, *гублашхъэпхъуантэ* “ящик на передке телеги (для провизии)”, *гублашхъэчыбжэ* “кольцо из скрученных прутьев, скрепляющее две оглобли арбы у ярма”.

Луза “спица колеса”. – *Исмелни жаны бла озуп бара, поручикни фатону, арба чархланы гузаларына илишит, тохтады* (Т.З., Эрирей, 101) «Проходя мимо Исмея, фатон поручика, зацепившись за спицы арбы, остановился». *И1налукъ таягъы бла чархны гузаларын ууакъ-ууакъ къакъды* (Шуёх-лукъ, № 37, 47) «И1налукъ постукал палкой по спицам колеса»; каб. *гудзэ* “спица (колеса)”. – *Хъэжы, молэхэр ерыц ек1уащи, абы и гудзэ псоми баш къыдадз* (1у., № 4, 1959, 26) «Хаджи и муллы идут наперекор и вставляют ему в спицу колеса палку»; адыг. *куцэ*.

Композит из *гу/ку* “арба, телега, повозка” и *дзэ/цэ* “зуб, зубец”. Эти корни входят в состав большого количества слов: *гульэмыжэ/кульэмыжэ* “ось (телеги, повозки)”, *гульэф/кульэшэ* “тормоз”, *гуллэ/куллэ* “передняя часть арбы, телеги”, *гуфэ/кушэуэ* “кузов арбы”, *дзэл/цэл* “десна”, *дзагу/цакуэ* “тупой (не острый)”, *дзэльэц/цэльэкI* “зубная щетка, паста”.

Различия в адыгских формах образуют звуковые соответствия: *гу=ку*, *дз=ц*. Эти звуковые соответствия между адыгскими языками подробно описаны в ряде работ [25; 27; 186; 188]. Балкарское звучание данного слова совпадает с кабардинским. Абаз. (ашх.) *гуыдза* [142,7], убых. *куыцэ* [182, 33] “спица (колеса)” соответственно из кабардинского и адыгейского.

Гурух “место соединения оглоблей в упряжке, на саях”, *гурух чюй* “деталь, с помощью которой укрепляются в упряжке оглобли брички, саней”. – *Аппа жолгъа атланьардан алгъа арбасыны чархларына, гурухуна кез жет-диреди* (Фольк.) «Прежде чем отправиться в путь, дед проверяет колеса [своей] арбы, место соединения оглоблей в упряжке». *Мухамматны арбасыны гурух чюйю сыннганды, боюнсаы чыгъарыкъды* (Фольк.) «У арбы Мухаммата сломался штырь, которым укрепляют в упряжке оглобли арбы, поэтому ярмо вылезет»; каб. *гурыгъ* “шкворень”, адыг. *гургъ* “шкворень, металлический стержень” [177,63].

Из *гу(ы)* “телега”, *ры-* – инструментальный аффикс, *-гъ* корень глагола “держатъ”. Аналогичного образования адыгск. *лъэрыгъ* “стремя”, где *лъэ* означает “нога”, этимологизируется как “ногадержатель”. Как адыгское (кабардинское) заимствованное слово в том же значении представлено в абазинском (*гуырыгъ*).

Интересно, что соответствие звонкого согласного глухому, обнаруживаемое в адыгских формах корня *гу(ы)/ку(ы)* “арба” и производных от него, исчезает в слове *гурыгъ/гургъ* “шкворень”, хотя оно тоже является производным от того же корня.

Употребление *гурыгъ* в балкарском как *гурух* обусловлено следующими обстоятельствами: 1) неупотреблением *гъ* в конце слова; 2) неупотреблением гласного *ы* после *у*. Ср. каб. *гурымыкъ* “несговорчивый, взбалмошный, капризный” > балк. *гурмук* “грубый, невежливый; уединенный, замкнутый”, *гурыцхъуэ* “подозрение, сомнение” > *гурушха* “подозрение, сомнение”.

гуфха (балк. диал.) “кузов повозки”. *Алгъын юйле салгъанда ташланы суу боюнундан арбаны гуфхасына ктуоп да ташыучу эдик* (Фольк.) «Раньше, когда строили дома, на берегу реки собирали булыжники и возили их на арбе, сложив в ее кузов»; каб. *гуицэ* “задок арбы” (из *гу* “арба, телега” и *ицэ* “зад”). – *Гублацхэм дэмхуар гутхэм пызэгъац* (Б.С., 332) «Кто не усидел на облучке, приткнулся на задке арбы».

Возможно, в балкарском произошел сдвиг в семантике или слово контаминировалось с *гуфэ* “кузов арбы” (из *гу* “арба, телега” и *фэ* “кожа, поверхность”). Балк. *гуфха* является закономерным развитием каб. *гуицэ*, ср. балк. (диал.) *гефхин* “передник, фартук” < каб. *кIэцхын* “передник, фартук”.

В кабардинском языке этот корень присутствует и в других словах: *зухэрыс* “сидящий на задке телеги”, *зухэф/эль* “деталь телеги, соединяющие задние части бортов”, *зухэ/унэ* “небольшие деревянные острые шипы, вставляемые в самом конце оглобель арбы для удержания сена или соломы”, *зухэ/лут* “шит из досок, закрывающий задок телеги, повозки”.

гюлтемиш “ось, стержень, на котором держатся колеса брички”. – *Жаила, гюлтемишни кётюрюп, чархны анга кийдирдиле* [КъМТАС, 641] «Парни подняли ось, и колесо вдели в нее»; каб. *гульэмыж* “ось, мост, на котором укрепляются колеса”, бел. *гульэмыдж*, адыг. *кульэмыдж*.

В этом слове четко прослеживаются и читаются два адыгских термина: *зу/ку* “арба, повозка, телега” и *льэмыж/льэмыдж* “мост” – собственно “мост арбы (телеги, повозки)”.

Несовпадение употребления этого слова с адыгской формой объясняется уже упоминавшимся законом сингармонизма и отсутствием *ж/дж* в конце слова. Как адыгское заимствование слово отмечается и в некоторых родственных языках: абаз. (ашх.) *гуытламыджь* [137,7], убых. *куэльэмыджь* [182,33] “ось арбы”.

Гюх (карач.) “большая бревенчатая ступа”. – *Дорбунну эшикге жууукъ къабьргъасына къысылып, от жагъада... тёрт тёнгекчик, аладан арлакъда дорбунну арасы сторемде бир ёре ташкы, гюх, дагъыда быланы жашауларына амансыз керекли талай зат кёрюне эди* [КъМТАС,645] «У стены пещеры, близко расположенной к двери, у самого очага, лежали четыре бурки, чуть дальше от них, в середине пещеры, – кокемялка, ступа и еще кое-что, очень необходимое для их жизни»; каб. *зуху* “ступа, ступка”. – *Гухуэр зуэцим ц/этиц* (Дик. из., 41) «Ступа стоит в сарае»; мезд. *зуху* “крупорушка”, адыг. *гурху*, шапс. *зухху* “ступа”. – *Гэргухуэм щыбжьый рысыубыгъ* [73,284] «В ручной ступке истолокла перец».

От глагола *гун* “рушить, толочь”, значение элемента *-ху(ы)* неясно. По А.К. Шагирову, допустима связь с абх. *а-хуара* “давить” [188,120]. Убых. *гъыхы* “ступка” примыкает к адыгейской (шапсугской) форме.

Къошун “горшок, кувшин, черепица”. Ср. каб. *кхуэцин* “горшок, кувшин, черепица”. – *Куэд мыц/эу пасэрей кхуэцин ин щ/ым къыц/ат/ык/лац* (Лу., № 1, 1995, 8) «И вскоре из земли вытащили объемистый древний кувшин». *Кърум лыбжьэ игъэхъзырати кхуэцин к/ыхъ цхъэ зэвым ирилхъэри бажэм бгъэдигъэуащ* (Нур, № 5, 1996, 12) «Журавль приготовил соус, положил в длинный кувшин с узким горлышком и поставил перед лисой»; бел. *кхуэшин*; адыг. *къошын*. – *Ащ лъыпытэу къошын /у зэжэум итэу тилат/эу бахъсымэ фыжьыр къыхы л/ыбжьым къафытыригъэуцагъ* (К.Г., 313) «Сразу после этого старик принес шипящую белую бузу в кувшине с узким горлышком и поставил».

Вместе с осет. (диг.) *гъосин* “кувшин, черепица” М.А. Хабичев возводит адыгск. лексему к кбалк. *къошун*, но предлагаемая им тюркская этимология представляется маловероятной [159,74]. А.К. Шагиров предполагает, что

в адыгские языки, как и тат. *кувшин* “кувшин” слово проникло из русского о языке [174,238]. Это представляется более вероятным, хотя само слово не получило убедительной этимологии на славянской основе [см. 120,442]. Звуковой комплекс *ку* в русском языке, как полагает М.Л. Алажев [см.15,80], перешел в лабиализованный согласный *кху*.

Къыйтхы (балк. диал.) “борона”. Слово заимствовано из кабардинского языка. Ср. каб. *къитхъ* “борона”, образованное от глагола *къитхьын* “бороновать”. – *Цъыхухам зыхуагъэхъэзыр губгъуэ лэжсыгъэхэм: хэт къитхъ зэрегъэпцъ, хэти дзей мэлъыхъуэ* (1у., № 3, 1996, 50) «Люди готовятся к полевым работам: кто ищет борону, а кто напарника». *Къитхьыр шым хуэлъэфакъым* (Дик. из., 98) «Лошадь не смогла тащить борону». *Абыхэм яцI гухъуэ, хьэпцъ, шэмджыкI, гухъIунэ, къинэмышьIхэри* (1у., № 6, 1995, 43) «Они делают вилы, лопаты, ручки для кос, бороны, кузовные штыри и другие».

В карачаево-балкарском языке после увулярных *къ, гъ* гласные переднего ряда не употребляются, концу слова нехарактерно сочетание *т* с каким-либо согласным. Этими фактами обусловлено освоение данного кабардинизма балкарцами.

Серезе (балк. диал., *санже* (уст.) “лыжи”. Ср. каб. *лъэрыжэ* “короткие лыжи с выгнутыми поручнями; коньки”. – *Сэлэтхэр экIлъхьэужыу околэм икIыурэ уэс мычым зэрыхуэу я лъэрыжэхэр ягъэтIыльырти теуэрт, замыгъэгъуэуи ежъэжхэрт* (Н.А., 265) «Солдаты, поочередно ступая на снежный наст, становились на лыжи и двигались»; черк. *лъэрыжэ* “лыжи”, адыг. *лъэрычъ* “коньки”.

В адыгских языках оно представляет собой сложное слово, образованное сочетанием существительного *лъэ* “нога” и глагольного слова *жэ/чъэ* (*жэп/чэп*) “бежать”. Интерфикс *ры-* имеет орудийное (инструментальное) значение. Ср. каб. *Iэ-ры-сэ* “культурное растение” (из *Iэ* “рука” и глагольного корня *сэ* “сеять, сажать”) и т.д.

Сире (диал.) “посудный шкаф”; каб. (зольск.) *сырэ*, черк. *сырэ* “буфет, посудный шкаф; комод”, *сырэIыхъ* “длинный шкаф для кухни со множественным отделением”. – *Назыч сырэ къыдэгъэжышыхуэм дэль хьэпшыпхэр къыдых дилъхьэжу щытт* [154,65] «Назич в большом выдвижном шкафу перебрасывала вещи с места на место». И *Iэр итхьэщIыжэри сырэ кIыхьым мэжаджэ гъуэжышыхуэ къыдыхащ* (Там же, 65) «Она, помыв свои руки, из шкафа взяла кукурузный хлеб»; куб. *сырэ* [89,238] “шкаф для хранения посуды”, адыг. *сырэ* [9,293] (уст.) «поставец”.

Ср. осет. *сыре, сре/сире* “деревянный шкаф”, монг. *šire, širee, širege* “кресло; трон”, также “стол”, бурят. *šire* “престол шамана”, тюрк. (сагайский диалект хакасского языка) *šire* “кровать, кресло, диван”, (шор.) *šire* “кровать”, (телеут.) “алтарь” [2,III,208]. Груз. *seli* “кресло”, несмотря на различие в звуковом облике, вряд ли можно отделять от этой же группы.. Кбалк. *сире* признают усвоенным непосредственно из кабардинского (кабардино-черкесского) [см. 173,139; 111, 69; 119,73].

Сыбабха “деревянная форма для вырезания из кожи ремней, шнуров, длинных узких тесемок для обшивания обуви”. Оно непосредственно связано с каб. *сыпанхъэ* “деревянная палочка, которая используется при разрезании кожи на нитки”.

Слово образовано от глагола *сынз-н* “изрезать, разрезать” и суффикса *-лхъэ*. Существительные, образованные от глагольных основ при помощи данного суффикса обозначают инструмент: *къу-лхъэ* “колотка (для обуви, шапки), форма, шаблон”, *к1ы-лхъэ* “название инструмента шорника для тиснения”, *ху-лхъэ* “скалка” (для теста), *жы-лхъэ* “шаблон, трафарет, форма для отливки из расплава металлических изделий”.

Тажеги (балк. диал.) “сапед, сапетка для арбы”. Из каб. *тажъджэ/таждэжэ* (в старом произношении *тажъгъэ/тажгъэ*) “корзина; сапед, сапетка для арбы (плетеный кузов, который ставится на арбу при перевозке кукурузы и других предметов)”. – *Абы и лъэныкъуэк1э нартхэр делэ дьдэу цытагъэнкъым, ауэ тажъдэжэр уи къуэм ымышуу уэ тхужыфын хуейц* (Н.А., 176) «В этом отношении нарты были не такими уж глупыми людьми, только корзину должен катить не твой сын, а ты сам». *Тажъдэжэм илгыр зымышыгур гуэным илгым тогурымк1* (Пс.) «Кому не достанется даже того, что есть в сапетке, зарится на закрома».

У кабардинской лексики осетинский источник [175,67], ср. осет. (диг.) *таск1а* (в ирон. *таск1*) “большая плетенная из прутьев корзина, приспособленная как для перевозки, так и для ношения на спине”. Осетинское слово примыкает к распространенному в европейских языках слову невыясненного происхождения: др.-сев. *tasca* “сумка”, швед. *tasca*, норв. *taske*, др.-в.-нем. *tasca*, нем. *tasche*, итал. *tasca* “сумка, карман”, венг. *taska* “сумка”, фин. *taski* “карман”. По В. А. Абаеву, рус. *таскать, тащить* следует рассматривать как отыменный глагол от несохранившегося в языке *таска* “сума” [2,III,281].

Узгъа “ручная мельница”. – [*Хажият Шохайгъа:*] *Бу тарыны тую этерге бир узгъа ишлет* (КъМТАС, къ.ж.) «[Хажият Шохаяю:] Чтобы сделать из этого проса пшено, попроси кого-нибудь сделать ручную мельницу». *Узгъалагъа къуюгъуз, Къабугъун а алыгъыз, Сары туючюк болгъанда, Отха къазан саныгъыз* (Там же) «Насыпьте в ручные мельницы, а оболочку снимите, когда превратится в желтое пшено, поставьте варить в котле»; каб. *ужъгъэ* “просорушка”. – *Гуэпхэр, ужъгъэхэр, джэдэцхэр нэхъ ипцэ1уэк1э, мывэ жьэгъур я гъунапкъэу, иц1ант1эм цызэхэтц* (Шу з., 116) «Амбары, просорушки, курятники расположены в верхней части двора около пограничного камня»; адыг. *ужъгъы* [9,336] “просорушка”, шапс. *ужъгъы* [73,315] “своеобразная купорушка, при помощи которой обдирают просо”.

Ср. каб. *ужъгъын* “рушить просо”. М.А. Кумахов относительно этимологии терминов *ужъгъэ, ужъгъын* в кабардинском языке пишет: «Слова *ужъгъэ* “просорушка”, *ужъгъын* “рушить просо” в современном кабардинском языке потеряли способность делиться на отдельные морфемы в результате изменения фонетического облика производящей основы. Трудно было бы связать корневой элемент

этих слов со словом *жыжьей* “мелочь”, если бы в адыгейском языке не было представлено слово *ужьжьейн* “рушить просо”. Данные адыгейского языка свидетельствуют о том, что *ужьжьэ* “просорушка”, *ужьжьын* “рушить просо” образованы от основы имени *жыжьей* “мелочь, мелкий”. Элемент *у(ы)* в этих словах представляет собой префикс, образующий от именных основ глаголы со значением «делать так, как указано в именной основе» [90,99].

Ханкешек (арх.) “двухколесная арба (для лошади)”. – *Колхозгъа практикэгъа келген студентге бир ат да, ханкешек да бердиле* (КЪМТАС, къ.ж.) «Студенту, приехавшему на практику, дали лошадь и ханкешек»; каб. *хъэмкIэшыгу* “двухколесная арба; одноконная повозка”. – *Сыкъыздэзыша хъэмкIэшыгум сыкъольэри, гъузгу ирхъIум сыкъыщызтотувылэ, аджIэ дэзунэтIыгур сымыщIэу* (Ш.Б., 13) «Спрыгиваю с одноконной повозки, которая попутно, по дороге, подвезла меня сюда, стою, гляжу и не знаю, куда идти». *Шакъ и шыр зи иэрхъхэм пхъэбэкъу ета хъэмкIэшыгум щIищIац* (Ту., № 5, 1989, 51) «Шак запряг лошадь в одноконку, колёса которой были закреплены палками».

Сложная лексема из *хъэмкIэ* “галоп” и *шыгу* “телега, бричка”. Глагол *хъэмкIэ-н* (< *хъэпкIэ-н*) означает “нестись галопом”, а *шыгу* состоит из *шы* “лошадь” и *гу* “телега, арба”.

Хызен “дырявый мешочек [41,63], сумка”. – *Артылгъан партнохлени Мухтар хызеннге къуя эди, къачан эзсе да Хурметни анасы эчки иыннтагыдан юч буруп сокъгъан чепкенден этилген хызеннге* (КЪМТАС, къ.ж.) «Очищенные початки кукурузы Мухтар складывал в мешочек, который когда-то мать Хурмет сделала из домотканого сукна, изготовленного из отходов козьей шерсти». Диалектально в балкарском встречается форма *хызе*, что в большей степени сближает его с каб. (уст.) *хъыжьей* “сетка, сеточка; авоська”, м.-каб. *хъыжьей* “авоська; шелковый ажурный платок”.

Первая часть *хъы* в адыгских языках употребляется как самостоятельное слово: каб. *хъы* “сеть (для ловли рыбы, птиц, зверей)”, (уст.) “тонкая прозрачная материя”, черк. *хъы* “сеть, невод; сетка для очистки зерна; специальный шелковый платок, которым покрывают невесту”, мзд. *хъы* “вуаль”, адыг. *хъы* (*хъы-тыу*) “сетка, невод”.

Вторая часть *жьей* “малый” в современных адыгских языках уже не является самостоятельной и встречается как компонент других слов: *джэд-жьей* “цыплёнок” (*джэд* “курица”), *цIыкIу-жьей* “малосенький, карлик” (*цIыкIу* “маленький”), *матэ-жьей* “корзинка” (*матэ* “корзина”), *шынакъ-жьей* “половник” (*шынакъ* “чашка, миска”).

Кбалк. форма М.А. Хабичев и Б.Х. Мусукаев причисляют к адыгским (кабардинским) заимствованиям [173,139; 111,70]. Если это верно, адыгизмом должно считаться и осет. *хызын/хизин* [118,490] “сума, сумка, котомка”. Еще более уверенно адыгизмом можно считать осет. *хиз/хизэ* “сеть, невод; кружевной, кисейный платок, фата”. Иначе см. у В.И. Абаева [2, IV,273,275].

Названия хозяйственных построек и их частей

Бау “хлев, конюшня, сарай (для скота)”. – *Замансыз заманда суур жа-шауундан тарыкыгъанча, баудан эшек созуп окъуйду* (КЪМТАС, 355) «В поздний час из сарая протяжно закричал мул, будто жаловался на свою тяжелую жизнь». *Къарт Азнауурну кенг бауунда жангы къурала башлагъан колхозну атлары асырала эдиле* (Там же, 356) «В просторном сарае старика Азнаура откармливались лошади вновь образуемого колхоза»; каб. *бо* (<*бзу) “хлев (обычно для буйволиц и лошадей); конюшня”, иногда также “коровник”. – *Нышэдибэ бор къэстхурэ нт си джабэр тубыдыкIащи, иджыри къэс нутIытцакъым* (Н.А., 228) «Сегодня утром, когда очищал хлев, схватило бок и не отпускает до сих пор». *Нэхъ и лъабжэжэжкIэ шэци инри, бори, цхъэ зытель чэтри, гъавэр цахъумэ духэри цызэхэтт* (М.Е., 12) «Еще ниже – обширный хозяйственный двор с конюшней, коровником, крытым загоном для овец и коз, кладовыми для хранения зерна и других продуктов»; черк. *бо* «закрытое со всех сторон помещение из нескольких секций для скота и хранения домашнего скарба» [154,125].

Слово имеет соответствия в других языках: абх. *а-бо-ра*, *а-боу-ра* “утепленное помещение для коров и буйволов”, абаз. *бо-ра* “сарай; хлев”, сван. *багъ* “хлев” [41,61], мегр. *а-боу-ра*, *а-биу-ра* “хлев”, чеч. *бо-жал* “конюшня, хлев”. А.К.Шагиров считает, что мегр. *абоура*, *абиура* заимствовано из абхазского языка [188,101]. По мнению Г.А.Книмова, в абхазский язык слово попало через адыгское посредство [76,291-292]. Кбалк. форма, по-видимому, из кабардинского, а не наоборот [см.173, 63; 119,78].

В карачаево-балкарском языке сочетанием имени *бау* с другими основами образованы *къыш бау* “зимняя кошара” (где *къыш* “зима”), *тэнгертге бау* “бревенчатый сарай” (кбалк. *тэнгертке* “бревно”).

Буджак (карач.) “кол, столб”. Неотделимо от каб. *бжэгу* “кол”. – *Чы цIыкIэ къомыгъэшар бжэгу хъуи изужь къынхузгъэшыжынкъым* (Пс.) «Если не согнул прут, не заставишь гнуться, когда станет колом». *Сымаджэм и цхъэм тес бадзэм бжэгулкIэ гуам нэхъей* (Дик.из., 15) «Подобно тому, который ударил колом по мухе, сидящей на голове большого»; адыг. *ичэгу*. – *Пчэгухэр чIасагъэх* «Коля забиты».

Слово допускает адыгскую этимологию [см.188,85; 19,57] и поэтому в карачаевском должно рассматриваться как усвоенное из кабардинского. Правильность такого мнения подтверждается еще тем, что в других тюркских языках нет этого слова.

Фонетические изменения, произошедшие в заимствуемом языке, объясняются закономерностями последнего: нехарактерностью сочетания согласных в начале слова (*бж* > *будж*) и отсутствие финального *гъ*; переход *э* в *о* объясняется лабиализованностью последующего *гъу*.

Бужукъ (балк.) “продольная балка на крыше дома”. – *Дуншда керек болмагъан зат жокъду, Юйге керекдиле эшик, бужукъ да* (КЪМТАС, 504) «Все на свете имеет применение. Для дома нужны двери и продольная бал-

ка». *Агъач не ариу да болсун, ичи тура болса, ол бужжукъгъа жарамаз* (Там же) «Каким бы красивым ни было дерево, если ствол его трухлявый, оно для продольной балки не годится»; каб. *бжыкъу/бжыкъу* “опорная балка в строениях”. – *Пицхьэщхьэм, кыфI хьуа нзужь, щIалэм жьынду кыхьери гу лъамытэу бжыкъум тригъэтIысхьащ* (Нур, № 3, 1998, 5) «Вечером, когда стемнело, парень принес сову и незаметно посадил на потолочную балку»; адыг. *бжыкъу / бжыкъу* “потолочина, потолочная балка, матица, сволок” [9,26]. – *Бжыкъуишоу кIэщIо гузэгум щызэпырыдзэгъэри ашIомакIэу, хъэжIэщ гузэгу шыткъэм кIэсэн пкъэу мытIыр хъазыри клагъэжъожьыгъ* (КI.Т., 95) «Им показалось недостаточным огромной балки посредине потолка и прямо посредине кунашкой поставили довольно крупную подпорку».

С позиции адыгских языков этимология прозрачна: *бжы* “спина, поясница; середина, посередине (чего-либо)” и *къу* “держак; перекладина”. Заднеязычный спирант *г* иногда переходит в *ж*: адыг. *хъубжыгъ*, каб. *хъубжыгъ* “скот, птица, отобранные на развод”, адыг. *цагъ*, каб. *дзжжэ* “ребро”, каб. *бжанэ*, черк. *бжанэ* “перевясло”.

Фонетические изменения представляют нормальное приспособление адыгского слова к нормам карачаево-балкарской фонетической системы (избегание начального комплекса согласных; переход *ы* в *у* объясняется законом сингармонизма, требующим употребления в слове или только «твердых», или только «мягких» гласных).

Адыгское *бжы* “поясница, талия” – исконная общезападнокавказская основа (ср. абх. – абаз. *а – бжъабжъа* “спина, поясница”) и возведение ее к кбалк. *быгъын* “область между бедром и ребрами” [см. 173,18; 119,78-81] неправомерно.

Быкъы “ствол с коротко обрезанными и заостренными ветками (для подвешивания мяса, посуды, бурдюка)”. – *Рамазан мыстындау уютулуп, быкъыгъа тагъылып тургъан чоюну алып къоиха кирди* (КЪМТАС. 543) «Рамазан снял с ветки ствола котел с заквашенным молоком и зашел в кош»; каб. *пкъо* “столб (из ствола, специально врытого в землю для хозяйственных нужд), стойка, подпорка”. – *ЩIэгъэкъуэн зымIэм пкъом зыцIегъакъуэ* (Пс.) «У кого нет опоры, тот опирается на столб»; адыг. *пкъэу*. – *Джы ичодыжъ къэси мы пкъэум, зэкIэсысу ошIыфэ, уебэныцт ыкIи, чэтыгум фэдэу, псынIкIэу удэчъаеу ахъуфэ, удэжIаезэ тIыныцт* (КI.Т., 417) «Каждое утро ты будешь бороться с этим столбом, пока не расштатаешь его, а взбираться на него будешь до тех пор, пока не научишься подниматься легко, как кошка».

Вопреки принятому мнению о тюркском происхождении слова [173, 64], следует отметить, что адыгские формы производны от общеадыгского *пкъы* “тело, корпус, каркас, остов” [90,126; 171,83]. Не может быть принят и тезис об абхазском источнике кбалк. *быкъы* [175,116]. Слов, заимствованных непосредственно из абхазского языка, по-видимому, нет в карачаево-балкарском.

Освоение *кьѡ* в виде *быкъы* в карачаево-балкарском языке объясняется спецификой последнего, для которого нехарактерно сочетание согласных и употребление *п* в начале слова.

Гедеш (балк.) “курятник, птичник” – перен. “построение нестандартное”. – *Хан кьызына гедешден ат орунга кечерге эркиллик берди* (КЪМТАС, 583) «Хан разрешил своей дочери переходить из курятника в конюшню»; *каб. джэздэц* (старая форма *гьэздэц*) “курятник, птичник” – перен. “построение нестандартное”. – *АдакьитI зы джэздэцым шIгзагьэркъым* (Пс.) «Два петуха в одном курятнике не уживаются». *Уеблэмэ выгум тету джэздэц кьыздрашэкIыу илэт Берслэн* (М.Е., 51) «Даже походный курятник на колесах был у Берслана»; *адыг. чэтэц*.

С точки зрения адыгских языков лексема этимологизируется как образованное от *джэд/чэты* (<*гьэд/кьэты*) “курица” посредством суффикса *-ци*. В именах этот суффикс выполняет словообразовательную функцию: прибавление его к именному корню образует название помещения, в котором содержится данный предмет. Вот некоторые примеры: *кхъуэц/кьоц* “свинарник” (от *кхъуэ/кьѡ* “свинья”), *жэмэц/чэмэц* “коровник” (от *жэм/чэмы* “корова”), *гуэц/коц* “сарай” (от *гу/ку* “арба, телега”).

Сюда относятся абаз. *гьадац* “курятник, птичник”, *ног. кедеш* “сарай”. Сочетанием имени *кедеш* с другими основами в ногайском образованы *бузав кедеш* (*бузав* “теленок”) “телятник”, *тавык кедеш* (*тавык* “курица”) “курятник”.

Ген (карач.) “сапетка, плетеная высокая корзина (для хранения кукурузы в початках)”. – [*Хажжи-Мурат*] *арбазда торт - мюрт этеди, кьынгьырына кете башлаган генню кэлтюрюп, кьазыкь тирейди* (КЪМТАС, 592) «[Хаджи-Мурат] во дворе [дома] ставит подпорку на скривившееся хранилище [для початков кукурузы]»; *каб. гуэн* “закром, амбар (домашний), сапетка (для хранения зерна); ящик, куда сыплется мука из-под жернова мельницы”. – *Зи гуэн изым и дзыгьуэ лIэркъым* (Пс.) «У кого закрома полны, у того и мыши живучи»; *адыг. конь* “сапетка [9, 165]; турлучная постройка, предназначенная для хранения зерновых культур” [177, 266]. – *Шьуаным ильыр зымышхьыштыр, коным ильым тегушухахьы* (Гуш.) «Кто не в состоянии съесть то, что в котле, замахивается на то, что в сапетке».

Разъяснение лексемы на карачаево-балкарском материале как “закром из кожи” [173, 67] нельзя признать правомерным. В адыгских языках название зернохранилища не связано с материалом, из которого оно сооружено. В нартских сказаниях говорится *гьуапльэ гуэн* “медное хранилище”. Вообще при постройке зернохранилищ кожа не использовалась ни в каком качестве. *Адыг. конь* (*куэны*) является закономерным соответствием к *каб. гуэн*, *ср. каб. гуэдэ* “пшеница”, *адыг. коцы* (*куэцы*) “пшеница”. В диалектах могут быть семантические сдвиги, например, в кубанском диалекте *гуэн* “строение для хранения кукурузы”. *Ср. черк. гуэн* “хранилище для кукурузных початков, зерновых и других припасов”, *м.-каб. гуэн* “кладовая, кладовка”.

В осетинском языке слово встречается в двух вариантах: *гом/гом* “закром, амбар”. Отметив связь с адыгскими, В.И. Абаев привел и картвельские формы: сван. *gwet* “кладовка”, груз. *goti* “хлев”, *gotigi* “крестьянский дом; хлев” [2,1,524]. Сюда относится и балк. *гуму* “кладовая, кладовка”.

В современном кабардинском засвидетельствована только форма *гуэн*, но и форма *гуэм* вполне закономерна и могла существовать в прошлом, т.к. чередование м // н, как и в других языках, часто встречается в кабардинском. Отсюда *мывэ* и *нывэ* “камень”, *маф!э* и *наф!э* “огонь”, *чым* и *чын* “волчок, юла”, *чымтэ* и *чынтэ* “хворостина” и др.

Гёш, гомш (балк.) “сарай, навес; конюшня”. – *Наууруз черкес жашлагъа хакъ бла гёш ишетгенди* (КЪМТАС, 593) «Парни-кабардинцы за плату построили Наурузу конюшню». *Барасбий, гитче жашчыкъ болуп, коххозну гёшюнде жсангы туугъан тайчыкъны кёргенли ненча жыл озгъанды* (Шуёх-лукъ, № 55, 54) «Сколько лет прошло с тех пор, когда Барасби был маленьким мальчиком и видел в колхозном сарае новорожденного жеребенка»; каб. *гуэц* “сарай”. – *Гуэц къуагъым къуэля пхъэхэр къуахащ* (Ш.Хъ., 240) «Дрова, лежавшие за сараем, убрали». *Гуэц к!ыхъым и къаблэ шындэбзийм къыпыт ду нэц!ым зыцигэц!к!уат* (Щ.1., 75) «Он спрятался в сапетке, расположенной к югу от длинного сарая». *Унэ къуагъым гуэц къуэц!ц* (Дик.из., 238) «За домом стоит сарай»; адыг. *коц* “навес”.

Адыги делали просторные помещения для хранения гужевого транспорта, они и назывались первоначально данным словом (из *гу* “арба, телега” и суффикса со значением помещения *-ц*). В современном кабардинском употребляется в составе сложных слов, например *гуэц!пэш* “хозяйственное строение – дополнительное к жилому дому здание”. Адыгейская форма *коц* (*куэц*) закономерно отвечает кабардинскому, ср. адыг. *ку* “арба”: *кур коцым ч!эт* «в навесе стоит арба».

Гыты (балк.) «лачуга, хибара». – *Башынгы кечиндирирча бир гыты ташла ичинде да ишлерге боллукъду, бахча этерге, бичен чалыргъа уа жерни сыйдамы, къууатлысы керекди* (КЪМТАС, къ.ж.) «Какую-нибудь лачугу можно построить и среди камней, а чтобы пригодиться для огорода, сенокоса, нужно ровное, хорошее место». *Жарныны гытысы байгъа къала кёрюнюр* (Нарт сёз) «Лачуга бедного богатому крепостью кажется»; каб. *чэт* (< *къэт*) “хлев [131,925], крытый загон для овец и коз; полевое строение на стойнке чабанов (перен. лачуга, хибарка)”. – *Нэхъ и лъабосъэжк!э ишц! шри, бори, цхъэ зытель чэтри, гъавэр цахъумэ духэри цызэхэтит* (М.Е., 12) «Еще ниже – обширный хозяйственный двор с конюшней, коровником, крытым загонном для овец и коз, кладовыми для хранения кукурузы и других продуктов»; м.-каб. *чэт* “стойло”; адыг. *чэт* “овчарная, кошара” [9,402], шапс. *къэты, чэты* “помещение” [73,298]. – *Пыжъхэр зыч!эс къэтым къэшыгумыц!цу, ч!элэ – гъуалэхэр зыч!эсым тцэ* «Не приводите его в помещение, где сидят старики, ведите туда, где молодежь»; *чэты, къэты* “овчарня” [Там же, 324].

Интересные параллели отмечаются и в других языках: осет. *кæт* (диг.) “пристройка при хлеве, открытая с одной или двух сторон; конюшня”, *кæрт* “двор”, чеч. *керт*, инг. *карт* “забор, ограда, двор”, груз. (диал.) *karta, kalta*, мегр. *karta* “огороженное место для скота” [189, 128].

По мнению А.К.Шагирова, лексема усвоена адыгами из осетинского источника [182, 164]. Балкарская форма примыкает к староадыгскому *къэты*. В речи современных балкарцев сохранилось это слово лишь в переносном значении.

Дуу “сплетенное из прутьев хранилище для початков кукурузы”. – *Къонакъ арбазгъа киргенде, юйно иеси дуу эте тура эди* (КЪМТАС, 694) «Когда гость вошел во двор, хозяин дома делал хранилище для початков кукурузы». *Къышда да ала [чыпчыкъла] арбаздан кетмейдиле, атлары чорбат чыпчыкъ болса да, жашагъан а дууда этедиле* (Там же) «Они [птички] и зимой не уходят со двора, хотя их называют «карнизными птичками», живут они в плетенном хранилище»; каб. *ду* “сапед, сапетка (большое плетеное хранилище для кукурузных початков)”. – *Гуэц къыхьым и къаблэ шындэбзийм къыпыт ду нэщым зыцигъэциккуат* (Ш.І., 75). «Он спрятался в сапетке, расположенной к югу от длинного сарая». *Ду нэщ! цыцэци, хадэ нэщ! цыцэкъым* (Нур, № 3, 1998, 12) «Сапетки бывают пустыми, а поля – нет»; шапс. *тыу* “хранилище для зерна”. – *Тыуым ибъхъуэтчы ратэкъуагъ* «В хранилище насыпали каштаны», *тыуконы* “хранилище для урожая зерна, с краном, к которому подставляют мешки” [73,314].

Сходные формы находим в нахских языках: чеч. *дуо*, инг. *доа* “хранилище для кукурузы, сапетка” [12,107]. Нет удовлетворительной этимологии с позиции адыгских, тюркских и нахских языков. Название связано с хранением кукурузы, с которой, как с сельхозкультурой, адыги раньше остальных горцев познакомились через европейское посредство (генуэзцев). Через кабардинцев с нею познакомились и другие горцы Северного Кавказа. По этой причине возможно допущение, что данное слово проникло в другие языки из адыгских (вернее, из кабардинского).

Къашбакъ, къашпакъ “навес, хлев, тепляк”. – *Колхозчула къашпакъ тюбюнде узун стоягъа олтуруп, ашан бошагъанларында, солургъа жсарашдыла* (КЪМТАС, кб.ж.) «Колхозники поели, сидя за длинным столом под навесом, и пошли отдыхать»; каб. *хъэцбэкхъ* [131,364], *хъэцпакъ* “навес”. – *Пццлантэм луэ, хъэцбэкхъ, бжэ зыхэмыл гуэц дэтт* (М.Е., 136) «Были во дворе маленькые загоны для скота, навес, открытый сарай»; адыг. *хъацтэкъ* “кладовая, чулан”, шапс. *хацэбыкъ/хъацытыкъ* [73,320].

К тюркским (карачаево-балкарским) заимствованиям в адыгских языках склонен отнести его К.А. Шагиров [189,122]. По мнению М.А. Хабичева, перед нами кбалк. *къош* “кошара” + аффикс имяобразования *-бакъ* [173,73]. Но это звучит не очень убедительно, если учесть, что в ногайском слово встречается в виде *ашпак* [182,108]. В пользу адыгского первоисточника говорит отчасти и то, что из тюркских языков оно встречается только в языке тех тюркских народов, которые долгое время имели контакт с адыгами: у

карачаевцев, балкарцев и ногойцев. И все же главное тут в том, что *хъэцпакъ* поддается разъяснению на адыгском (кабардинском) материале, ср. каб. **хъэцбжхъ* (первоначально, видимо из *хъэц* “место для собаки” и *бжхъ* “хлев”). Такая форма сохранилась и в осетинском заимствовании *хъас-бахъ/хасбахъ* “навес” [2, II, 269]. Переход *б* в *п* (*хъэцбжхъ* > *хъэцпакъ*) является следствием ассимиляции, ср. каб. *апхуэдэ* “такой” (состоит из *абы* и *хуэдэ*), *апыгыгуэ* “тогда, в то время” (из *абы* и *гыгыгуэ*), *апхуэдиз* “столько, так много” (из *абы* и *хуэдиз*).

Сэх “перекладина для ворот, засов” [111,69]; каб. *сэх* “воротные столбы; коновязь”. – *Абы къыдэкхъуи а сэхитыр цфакхъэхэм, цфопцхэм, шы лэсплэпхэм я флэдзатпэу къагъэсэбэтырт* (М.Е., 13) «Эти столбы служили еще вешалками для бурок, плетней, конских сбруй и уздечек»; черк. *сэх* в *сэхырыгъажэ* “засов”.

Представлено и в других западно-кавказских языках: абх. *а-сакъ* “засов”, абаз. (ашх.) *сакъ* “специальный шест для запираения ворот”, убых. *сыхы, сыхы* “дверная задвижка, деревянная щеколда, шест, жердь” [189,60]. Осет. *сэху, сэх* (диг.) “столб, на котором укреплены ворота” В.И.Абаев причислил к кабардинским заимствованиям [2, III, 98]. Оно является кабардинизмом и в карачаево-балкарском языке.

В адыгейском языке отмечается семантический сдвиг – *сэх* “засов”, последний в кабардинском называется *сэхырыгъажэ* (черк.) “засов, щеколда; перекладина, запирающая дверь, ворота”: *куэбжэ сэхырыгъажэ ярылт* (А.М., 15) «все ворота были закрыты на засов».

Хаух “печь, печка”. – *Оту къызыу жана турган хаухну юсоне ёре турт, орта бойлу къатын, чююн, челек бла да суу жылыта, юй сауутиланы жууады* (КъМТАС, кб. ж.) «Женщина среднего роста, теплой водой моет посуду, стоя у печки, где горит огонь»; каб. *хъэку* “печь, печка”. – *Фаризэт зыгуэрхэр итцэфу хъэкум клэрытт* (Ш.Хь., 34) «Фаризат что-то стряпала возле печи». *Фызым шыуан цфыкху хъэкум тригъэувац* (Н.А., 29) «Женщина поставила на печку казанок»; адыг. *хъаку*. – *Хъакум из хъалыгъу ыгъэжъагъ* (А.гу., 619) «Испек полную печь хлеба».

Кроме карачаево-балкарского, слово перешло и в другие соседние языки (родственные и неродственные): абаз. *хъаку*, убых. *хъаку* “печь, печка”, осет. (диг.) *хаку* “мастерская, где делают ободья для колес”.

По Б.Х.Балкарову, семантический сдвиг в осетинском закономерен, так как печь являлась для мастерской основным элементом [24,39].

Слова, связанные с одеждой

Бэхция (балк. диал.) “женское платье” – слово употребляется и в виде *бэхсия* [121,115]. – *Азийнатны жангы бэхциясына къызла сужьланып къарадына* (КъМТАС, 418) «Девушки с завистью посмотрели на новое платье Азината». *Къызчыкъ тойгъа ариу бэхция кийип келди* (Там же) «Девочка пришла на свадьбу в красивом платье»; каб. *бостей* “женское платье”. – *Лацэ и пэиым цфыхъэри*

и бостейр зэрхсэжлац, нэгэуцил вакъэ цитлагъэри къыцлэжыжац (Ш.Хь., 43) «Ляца вернулась в свою комнату, передела платье, надела другие туфли и вышла»; бакс. *босцей* [104,72]. – *Софят къыхыхынуур ымьцлэу, и босцейтыр зылэнх – зылэнельхэ, и плэм ирегъатцэ* (Щ.І., 8) «Софият не знает, что выбрать, примеряет на плечи то одно, то другое платье»; черк. *бэхуцей*. – *И клэр тыздэжэм, бэхуцейр дын сыхац* [154,108] «Осталось пришить низ к кофе, и платье готово»; мзд. *бонцей*. – *Мы бонцейр НалшыкчІэ къысуахъыс* [87,157] «Это платье привезли мне из Нальчика».

Судя по форме, слово проникло в собственно балкарский диалект из черкесских говоров и бесланеевского диалекта, что вряд ли возможно. Черкесские говоры образовались после ухода кабардинцев за Кубань (со второй половины XVIII века). Носители черкесских говоров не имели никакого контакта с носителями верхнебалкарского диалекта карачаево-балкарского языка. Остается предположить, что форма *бэхуцей* как архаичная форма еще существовала в речи сопредельных с Верхней Балкарией кабардинцев и сохранена носителями закубанских говоров кабардинского языка. В нарских сказаниях адыгов встречается слово *бэхуджанэ* [Н.,115] “женская рубашка”. Таким образом, в балкарском *бэхуця/бэхсия* следует видеть архаичную кабардинскую форму *бэхуцей* (или *бохуцей*), замененную в речи кабардинского населения Кабардино-Балкарской республики формой *бостей*, а в баксанском диалекте – *босцей*. Кабардинский источник предполагается и для осетинского *плэци* “женское платье” [2,11,251; 3,459].

Слово *бостей* (*босцей*) считается сложным, состоящим из *бос* (<боз) “бязь”, и *цей* “черкеска, домотканное сукно” [см. 16,192; 188,101], что допускает этимологию “черкеска из бязи”.

Гехин/гефхин/гефгин (балк. диал.) “фартук, передник”. – *Жеминат гехин къыйыры бла бетин сыйпады* (КЪМТАС, 587) «Жеминат краем фартука вытерла лицо». *Сора къатын агъант да былай гефгинине салганды укуну* (МИБД, 28) «Тогда жена взяла сову и в фартук ее положила»; каб. *клэхын* “фартук, передник”. – *Итланэ клэхын цыкхур къыткІэрауници, плъантІу жапті къуаамытыжу жьэгуи удадзэжышц* (Дик. из., 139) «Потом нацепят на тебя передник, привяжут к котлу, бросят к очагу и пикнуть не посмеешь». *КІэхыныр зууапхъэжери, лыжъым иужь иуац цІалитыр* (Іу., № 3, 1970, 33) «Ребята надели снова фартуки и пошли вслед за стариком»; черк. *клэхын* “юбка”. – *И клэхын быхуихуэр бгыцлэхэ хыдан фтыцлэм диуцлац* (А.М.,28) «Свою широкую юбку она подобрала и заправила в пояс»; адыг. *клэхын* “юбка”. – *Пыгаштэм клэхын шуцІэрэ кофтэ фыжъырэ цыгэ* «На девушке черная юбка и белая кофта»; шапс. *кІьанх, кІьэлхын* [73,298] “юбка”.

Сложение из *клэ* “юбка, пола; хвост, конец” и *пхын* “завязать, связать”. В адыгейском языке и в закубанских диалектах и говорах кабардинского языка слово означает “юбка”, а “фартук” словом *кІэлупхуэ* (адыг. *пэлупху*). Из-за этимологической прозрачности (*клэ* “пола” и *лупхуэ*-н “заванесить”) общепонятно для всех носителей кабардинского языка.

Балк. *гепхин/гефхин* проникло в относительно поздний период из речи пограничных кабардинцев после замещения общеадыгского обозначения фартука – *кIэIупхъуэ* словом *кIэпхын* (старое значение которого, как и у всех других адыгов, было “юбка”). Сюда же абаз. *кIьапхын* “юбка”.

Кепис “кепис (серебряные застёжки-пластины на рукавах девичьего платья; драгоценные подвески на серьгах, на поясе и т.д.)”. Ср. каб. *кIэпыс* “подвесок”, *кIэпс* “ремешок”.

Къодана/къудана: *къодана (къудана) халы* [123,56] “суровая льняная нитка”; каб. *луданэ* “нитки, нитка, нить”. – *Пуфыр луданэ хужькIэ дац* (Пс.) «Ложь белыми нитками шита». *Мыдэф и луданэ кIэциц* (Пс.) «У того, кто плохо шьет, нитка коротка»; адыг. *лудан*. – *Башлыкъым дэнэ луданэкIэ пцым ыцIэрэ ылIэкъуацIэрэ хэдыдыгъагъ, ац фэигъхафэуи, цэ къытримыгъэфэнэу аIоу, арапыбэкIэ дыухъхэр хэдыкыгъагъ* (КI.Т., 452) «На башлыке шелковыми нитками были вышиты имя и фамилия князя и, кроме того, были вышиты молитвы на арабском языке, предназначенные предохранять его от пули».

В исследованиях по исторической фонетике адыгских языков ларингальный абруптив *Iy* возводится к фарингальному абруптиву *кью* [25; 27]. Из этого следует, что современная каб. форма *луданэ* восходит к праадыгскому **къуданэ* (ср. хакуч. *къудан* “нитка”). По А.К. Шагирову, слово проникло и в убыхский язык [182,65], ср. убых. *къудэнэ* “нитка, нитки”. Карачаево-балкарский и убыхский языки сохраняют праадыгскую форму, что сохраняется, как правило, и в хакучинском говоре шапсугского диалекта адыгейского языка.

Кбалк. слово представляет собой адыгско-тюркский композит, где *халы* восходит к карачаево-балкарскому обозначению нитки. В значении “нитка” это слово употребляется также в осетинском, чеченском, лакском и лезгинском языках.

Лаудан “лудан, камка (вид шелковой ткани)” – в балкарском диалектально встречается и *лаулан* [123,48]. – *Ай чыкды тар къолгъа, алтын майдашча, эсер да бек айбатды, тап, мор лауданча* (КъМТАС, 70) «Луна озарила тесное ущелье, словно золотая медаль, и земля очень нарядна, будто коричневый лудан». *Кюнню таякълары жумушакъ тегюлгенден болур, жол жанлары кез тутхан къадар сары лаудан жыйылгъаннга ушайдыла* (КъМТАС, къ.ж.) «Видимо потому, что лучи солнца щедро льются, обочины дороги на обозримом расстоянии будто покрыты желтой камкой»; каб. *лодан* (<*лэудан*) “лудан, сорт камки с лоском”. – *Ахэр дахэу хуэпац, лодан, гуэлмадын дахэ-хэр ятелъци, дыцэ, дыжъын бгырытхэр ябгырылъци* (А.М., 38) «Они (девушки) одеты красиво, на голове у них красивые шелковые платки, шарфы, они подпоясаны серебряными и позолоченными поясами». *Лэуданэ гулэз къешэри къокIуж...* (А.у., 54) «Целый воз шелковой ткани (он) везет домой...».

В.И.Абаев *лэудан* считает исконно адыгским сложным термином и предполагает соединение адыгского слова *данэ* “шелк, шелковая ткань” с названием причерноморского портового пункта *Лоо (Лоу)*, через которые адыги поддерживали связь с другими причерноморскими странами. Этимоло-

логизировал как “лоовский шелк; шелк доставленный из Лоо” [1, [118-119]. Материал *лодан* напоминал парчу, ввозимую в Черкессию из стран Ближнего Востока, видимо, через *Лоо*, что и обусловило ее название в адыгских языках, перешедшие потом в другие (родственные и неродственные) языки. Неправомерность этимологии” на тюркской почве объясняется не только ее натянутостью [см. 173,75-76], но и закономерностями структурного порядка: в карачаево-балкарском языке в начале слова фонема *л* употребляется очень редко, и то, главным образом, в заимствованных словах [45,57].

В кабардинском языке гласный *о* восходит к дифтонгу *зу*: *лодан* < *лзудан* < **лзуданэ*. И в данном случае карачаево-балкарский язык сохраняет старую кабардинскую форму. Старым кабардинизмом является и осет. (диг.) *лэуданэ* “шелковый платок” [2, II, 37] по звучанию и по значению. Сюда же рус. *лудан* (др.-рус. *лудань*, *лаудань*) “камка; шелковый платок, передник”, укр. *лудан* “род блестящей шелковой ткани”, абаз. *лудан* “косынка (из тонкой шелковой ткани)”.

Санджох/санжох, санжѣх, жанжѣх [123,24], “оторочка, подшивка, оборка”. – *Журтну къары да зрип, жарладан Къобаннга саркыа, сууну ол къыйырын саз санжох бла къайгъанды* (КъМТАС, къ.ж.) «Снег в крае растаял, и с оврагов (вода) стекает в Кубань, ту сторону воды окаймляя мутной оторочкой». *Къаниймат жыйрыгыны этегине санжох тикди* (Фольк.) «Канимат к подолу платья подшила оторочку»; каб. *санджэху, сэнжэху* “подпушка, подшивка, оторочка; узкая полоса краски, выделяющая нижнюю часть стены от остальной площади”; адыг. (уст.) *санджэф* [9,295].

О кабардинском источнике свидетельствует лабиализованный гласный *о* перед конечным согласным *х*, который в кабардинском был лабиализованным. В самих адыгских языках слово неисконное. Об этом, видимо, свидетельствует тот факт, что этимологическое значение элемента *-ху/-ф* “белый, светлый” (*санджэху/санджэф*) не соответствует цвету обозначаемого понятия – полоски краски, выделяющей нижнюю часть стены от остальной площади, почти никогда не бывает светлой, чаще она темная. Ср. араб. *sajf, sijf* “заневес, портьера; отделка (платья)”, перс. *sanjaf* “оторочка, опушка, оборка, кайма”, тур. *sincef* (из перс.) “ меховая или шелковая кайма, оторочка”, абх. *и-шьандзаф* “оборотка женского платья”, осет. *санджэф, санджѣф, санджох* “складка и шов с изнанки для ушивки платья по форме, например по талии; выпачка”.

Хазыр “газыри (в прошлом – патроны, теперь – символы)”. – *Хазырны хазыр орундап тышына къарап тургъан къыйыры* (КъМТАС, къ.ж.) “Край газыря, торчащий из кармашки [на груди черкески]». *Махмут удуу башында къара мухар бѣрку, юсюнде уа кююш хазырлары болгъан мор чепкени бар эди* (Там же) «На голове у Махмута была чёрная бухарская шапка, одет он был в черкеску с серебряными газырями»; каб. *хъзыр* –готовый (заряд, патрон), вошедшее в литературу, как газыри . – *И хъзыр гупэхэри бжъэ фыццэт, и къамэ тэццэри апхуэдэт* (Дик. из., 5) «Рукоять кинжала и верхние ободки газырей – из черной кости». *Хъзыр гупэхуц, хуьмуху ццэраццэц*

(Пс.) «Белоголовые газыри, нарядный лентай»; адыг. *хъазыр*. – *Хъазыр лутэхэмрэ бгырылх-хъамэхэмрэ дышхъэпсыккэ гъэлагъэх, икхэлат ллэнси дышхъэ шъэгъэ шъуабгъоу цыешхъо чIапцэм кыкхэлыдыккы* (КI.Т.,24) «Газыри, пояс, кинжал покрыты позолотой, тесемка от пистолета, шитая золотом, четко выделялась на темно-синей черкеске».

Хорошо известно, что черкеска кавказских народов украшалась небольшими кармашками по обеим сторонам груди. В мелкие отделения этих кармашков вставлялись так называемые теперь “газыри” – круглые деревянные, костяные или серебряные трубочки, куда раньше закладывались готовые заряды для огнестрельного оружия. Это указывает и само слово *хъэзыр/хъазыр* “готовый (заряд, патрон)”. Назначению газырей соответствуют их названия и у других народов, например, у осетин газыри называются *барц* “мера”, т.е. мера пороха на один заряд [100,273], у аварцев – *рубаци*, что тоже значит “мера” [123,17], у чеченцев – *бустам* “газырь” от *буста* «мерить, измерять» [13,84].

Из адыгского источника идет, как справедливо отмечено в специальной литературе, рус. *газырь, газыри* (что приобрело в русском языке и другое значение [см.16,11] – “гнезда для карандашей в полевой сумке”), абх.-абаз. *а-хъазыр/хъазыр*, карач.-балк. *хазыр*, ног. *азыр*, кумык. *гъазыр* “газыри” [189, 117].

Хар (карач.) “тюль, кружево”. – *Тиширью кюн тууида хар эше турады* (КъМТАС, кь.ж.) «Женщина сидит на солнцепеке и вяжет кружева»; каб. *хъар*. – *Мыбы кыицдыгъуэтыжаци Тузар и жыр пылэр, ницэр лъэныкыуицккэ цIлэзыхъумэ жыр хъархэр зыкIэрыщIар* (М.Е., 38) «Тут валялась еще тузаровская шапка со стальным верхом и кольчужной сеткой, закрывающей с трех сторон шеню»; мезд. *хъар* [87,167] “фата”, черк. *хъар* (от глагола *хъэ-н, хъы-н* “плести, вязать”).

Этим словом называются вещи из сетевидных материалов: тюль, кружево, рыболовная сеть, кольчужная сеть, прикрепляемая к шлему для защиты шеи и т.д. Адыг. *хъагъэ* [130,336] – отглагольное имя со значением “кружево”, образованное суффиксом -гъэ от глагольного корня *хъэ-* “вязать”, ср. *ихагъэ* “заклееное” от глагола *ихэ-н* “клеить”.

Ног. *хар* “кружево, тюль” заимствовано у черкесов. Сюда же абаз. *хар* “кружево, тюль, сеть”.

Хедик “вышивка”. Оно непосредственно связано с каб. *хэдыкI* “вышивка”. – *ЗкхуэцIыгъэдджэрэза тепIэнцIлэлыныр пIэтенхъуэ хэдыкI дахэм егъэцIэращIэ* (Дик.из., 27) «Свернутая постель покрыта нарядным вышитым покрывалом»; адыг. *хэдыкI*. – *Башлыкъым дэнэ йудаккIэ пIцым ыцIэрэ ылIэкуауцIэрэ хэдыкIыгъагъ, ацI фэишхъафэуи, шэ кытримыгъэфэнэу абу, арапыбээкIэ дуаххэр хэдыкIыгъагъ* (КI.Т., 452) «На башлыке шелковыми нитками были вышиты имя и фамилия князя, а также были вышиты молитвы на арабском языке, предназначенные предохранять его от пули».

Адыгск. *хэдыкI* “вышивка” – отглагольное имя, образованное от глагола *хэдыкI* “вышивай” способом конверсии; *хэдыкIы-н* “вышить (что-либо)”. Элемент *хэ-* преверб, указывающий на действие в сплошной массе, ср. *хэ-*

тын “стоять (в воде, лесу, траве и т.д.)”, хэ-сын “сидеть в”, хэ-ильэн “смотреть в”, хэ-к/ын “выйти из”. Элемент -ды- глагол ды-н “шить”, конечный -к/ указывает на центробежное направление, соответствует русской приставке вы-.

Термины кулинарии

Баста “паста (пшеничная или рисовая каша)”. – Тюлюк *баста биширгенди да кенг табакны тюбене жайганды* (Фольк.) «Лиса сварила кашу (крутую) и налила на широкую миску». *Къонакъбай, аланы [къонакъланы] шыкъгъанларын билип, хазыр баста бла къуурукъ къууурун, алларына салганды* (КЪМТАС, 346) «Хозяин дома знал, что гости торопятся, поэтому он зажарил курдюк и предложил его имя с готовой пастой»; каб. *пастэ* “паста (крутая каша типа мамалыги из пшена или кукурузной крупы, подаваемая к различным блюдам в адыгской национальной кухне)”. – *Абы и пащхэм къит Гэнэ лъакъушым махъсымэ кхъуэщын тетт, кхъуей, пастэ, пхъэцхъэмшхъэ гъэгъуа тельт, ихъэ шыгъульэм шыгъу пхъашэ илт* (М.Е., 192) «Перед ним на столике-трехножке стоял кувшин с махсымой, лежали ломтики сыра и пасты, сушеные фрукты, в деревянной солонке – крупная соль». *Кхъуейм и хъэтыркIэ пастэри яих* (Пс.) «Ради сыра едят и пасту»; адыг. *пастэ*. – *Пастэм псыр кIшъэшъуагъ* (А.гу., 497) «Крутая каша впитала в себя воду». *Бысымгуащэм пастэм балагъышхъэ гуихыгъ* (Там же, 60) «Хозяйка от крутой каши взяла кусок (т.е. сколько поместилось на мешалке)»; шапс. *пастэ* [73, 310] – мамалыга.

Ср. абаз. *баста* [4, 114] “баста (крутая каша, кукурузная или пшеничная)”, *паста* [Там же, 313] “паста (крутая каша)”, абх. *а-быста* [191, 115] “мамалыга”, ног. *баста* [156, 11] “каша (преимущественно из пшена или кукурузной крупы)”, рус. диал. (терское) *паста* “крутая пшеничная каша, которую режут на куски и подают вместо хлеба к рыбе”. Можно было бы думать, что во все перечисленные языки слово вошло из адыгского. Но в самих адыгских языках слово неисконное. Н.Ф.Яковлев считает *пастэ* заимствованием из ср.-греч. *pastā* “ячменная каша с сыром”, в новогреческом (понтийском) “мамалыга” [198, 137].

Бегене “кисель; солод (из овсяной и кукурузной муки для приготовления бузы)”. – *Бозаны бегенеси хазырды* «Солод для бузы готов». *Бегенеси – Къобалада, тмы – Чомалада* (Нарт сёз) «Подлива – у Кобаевых, гарнир – у Чомаевых»; каб. *бэдджынэ* (< *бэгъынэ*) “багина (древнее адыгское блюдо, приготовляемое из ячменной, овсяной или кукурузной муки и сметаны); сладко-кислая кашница; кисель”. – *Бэдджынэ Хъуэжэ хуабжэу игу ирхъати, абы и щIыкIэмрэ и цIэмрэ унэгуащэм жеригъэIэри, къыщыкIуэжкIэ шхыным и цIэр щымыгъутицъжын пащIэ «бэдджынэ», «бэдджынэ», «бэдджынэ» жиIэурэ къэсыжыным кхъхуэпIащIэу гъуэгу къытеуэжжащ* (Хьут., 119) «Багина очень понравилась Ходже, и он заставил хозяйку повторить, как его изготавливают и название его, и чтобы не забыть его название по дороге, говоря «багина», «багина», «багина», собрался в путь, торопясь попасть до-

мой»; адыг. *бэджын* (бэжьын). – *Зэнтхъ бэджынэ стырырэ шъоу чынарэ зэхэлъу сыхы ситонгъоу сызу къэкIыгъ...* (А.гу.,35) «Горячей овсяной кашиче с молодым медом захотелось мне покушать...». *Бэджынэр нэсэрэ ихын* (Там же) «Багина старинный продукт питания»; шапс. бэжьын “овес”.

Разъяснение лексемы на адыгской почве как *бэдж/бэджы* “паук” + *нэ* “глаз” было бы, по-видимому, народно-этимологическим. Происхождение, видимо, иранское. Ср. перс. *багни* “напиток из риса, проса или ячменя”, хорезм. *bakanin* “пиво, буза”, осет. *багааны, баганы* “пиво”, тюрк. *бгны, багни* “хмельной напиток из пшеницы, проса и ячменя” [2, 1, 245].

М.А. Хабичев возводит адыгск. *бэджынэ/бэджын* (<*бэжьынэ/бэжьын*) к кбалк. *бегене*, но предлагаемую им тюркскую этимологию [173,51] нельзя признать убедительной как с семантической, так и с фонетической точки зрения. Не исключено, что здесь обратная зависимость. Как правило, блюда из сельхозпродуктов в карачаево-балкарскую среду попали из адыгской среды.

Галау, халыу “круглая кукурузная лепешка”. – *Хажы-Осман, ышымына скортюп, къош галаучкъуну Мазанга узатды* (КъМТАС, 576) «Хажы-Осман потёр лепешку (золистую) о свои ноговицы и передал Мазану». *Бар эсе, исси къалмухъ шай бла таба халыудан сора жукъ кереклим жокъду* (КъМТАС, къ.ж.) «Если есть, то дайте горячий калмыцкий чай с лепешкой, испеченной на сковороде, больше ничего не нужно». *Ала (сабийле) алыкъын бишмеген халыу юлюшлерин ашамай, аталары токъяхын бла къазып шилеген агъач аякъ бла бир жылы билямукъ да ичмей жатмазла* (Там же) «Они (дети) спать не будут ложиться, пока не покушают свои еще не испеченные лепешки с горячей похлебкой из деревянной миски, которую смастерил шабером их отец»; каб. *хъэлу* (< *хъэлыу* <* *хъэлыгъу*) “чурек, лепёшка; хлеб (вообще)”. – *Абы хъэ хъэлум Iэпэтэз къыгушIэскукIиц, игъэныцкIури псы трифыхыжсац* (М.Е.,194) «Он отщипнул кусочек яичной лепешки, прожевал его и запил водой»; кубан. *хъэлыгъу* [89,239], адыг. *хъэлыгъу* “хлеб”. – *Хъэлыгъур зэфэдэ Iахыщэзу ыгощи зы щанэр клалэм ритыгъ* «Он разделил хлеб на три равные доли и одну треть дал мальчику»; шапс. *хъэлыгъу* [73, 320] “всё печеное, жареное из пшеничной муки; тесто”. – *Хъуаер хъэлыгъуым къуэцIалгъхы ажгъуэ* «Сыр кладут в тесто и варят».

Данное слово состоит из двух корней: *хъэ* и *лыгъу*. Первая часть совпадает с адыгским названием злаковой культуры *хъэ* “ячмень”. Этимология адыгских названий мучных изделий свидетельствует о том, что ячмень, как утверждал проф. Н.Ф.Яковлев, является самой древней злаковой культурой у адыгских народов [198, 114]. Это подтверждается тем, что он служил основным пищевым продуктом: из него изготавливались самые разнообразные блюда. В связи с этим корень *хъэ* входит в названия пищевых продуктов и изделий из них: *хъэжыгъэ/хъаджыгъэ* “мука”, *хъэнтхъупс/хъантхъупс* “суп”, *хъэлыгъэ/хъэлыжъу* “жареные пирожки с творогом, наподобие ватрушек”, *хъэлыгъуангъэ/хъэлыжъый* “бублик, баранка”, *хъэулыгъэ* “ячменный суп” и др.

Вторая часть *лыгъу* (>лыу >лу) ассоциируется с корнем глагола *лыгъуэ-н* “опалить, обжечь” (*гъэ-лыгъуэ-н* [68,45] “жарить, поджарить, зажарить; палить, опалить”), ср. черк. *хьэллушыхь*, м.-каб. *хьэлыгъушыхь* “фигурные лепешки, жареные в масле”.

Созвучие слова с маньч. *хану* “тонкая лапша из рисовой муки” [см. 173,55], должно быть, случайное.

Гырджын/гыржын, кыржын “чурек, лепёшка”. – *Кече чууикъ, кюн бууакъ – жыл ауруу, сууукъ айран, жылы гыржын – тиш ауруу, эки къатын бир кишиге – ич ауруу* (Нарт сёз) «Ясная ночь, морозный день – болезнь надолго; холодный айран, теплый чурек – зубная боль; две жены для одного мужчины – мука». *Аман къатынны хурджунунда гырджыны болур, иги къатынны кюбюрюнде мёзю болур* (Нарт сёз) «У плохой жены чурек в кармане, у хорошей жены ткань в сундуке». *Солтанхамитни айраны, бишлагъы, жарагъан нартох гыржыны, сени жазуунг, бирге ашайыкъ* [45, 486] «У Солтанхамита айран, сыр, хорошая кукурузная лепешка из ячменной муки, давайте поедим вместе»; каб. *чыржын, чэржын* (в старом произношении *кыржын, кьэржын*) “чурек (хлеб из кукурузной муки)”. – *Мысыхьэткиз дьейктым, чыржын догъуэт* (Иу., № 6, 1970, 15) «Пока неплохо живем, имеем чурек».

Каб. *чыржын* (< *кыржын*) бытует только в Большой Кабарде, в Малой Кабарде и Черкессии, а также в Адыгее – *хьэтыкъ*. Видимо, позднее заимствование из осетинского языка, ср. осет. *карджын/карджин* “хлеб не пшеничный (ячменный, кукурузный, просяной)”.

Слово *карджын/карджин* из осетинского распространилось и в другие соседние языки, обозначая особый вид хлеба: сван. *кырджин* “хлеб, испеченный в золе”, груз. *карджина* “пресный хлеб”. Балк. *гыржын* признают усвоенным непосредственно из кабардинского [105,138], но осетинский источник не может быть отвергнут в категорической форме. Тюркская этимология [см. 173,53] не может быть принята ввиду явной осетинской этимологии [см. 2,1585].

Илибже, илибже, либжа, либжа, либже “блюдо из курятины или мяса в белом соусе”. – *Энди къан къызыл адакъа кесигиз, Шамкыызгъа шибжесин ашатыгъыз* (КЪМТАС, къ.ж.) «Теперь нарежьте ярко-красного петуха, накормите Шамкыз гедлибже из него». *Сабийле жангы юйге келгенлери ючюн деп, Малжеини къызлары ушхуургъа либжа этдиле* (Там же) «В честь прихода детей в новый дом дочери Малжея на ужин приготовили либжа (мясо в соусе)». *Тауукъну эрттенбна кесерме да, манга илибже этип ашатырса* (Т.З., Эрирей, 137) «Утром я нарежу курицу, а ты приготовишь гедлибже и накормишь меня». *Къатынына айтханды: «Хи маржа, къатын, – дегенди (укуну къалунда тутханлай), – кес да бу кийик тауукъну, сой да илибже эт», – дегенди* (МИБД,28) «Жене сказал, держа сову в руках: «Пожалуйста, жена, нарежь эту дикую птицу, общипай и соус приготовь»; каб. *лыбжэ* “соус мясной”. – *Кърум лыбжэ игъэхъзырати кхъуэуцын кыхъ зэвым иригъхъэри бажэм бгъэдигъэуащ* (Нур, № 5, 1996, 12) «Журавль приготовил либжа, по-

ложил в длинный кувшин с узким горлышком и поставил перед лисой»; адыг. *лыбжь* “поджарка, жареный”.

В адыгских языках встречаются и другие названия кушаний, в основе которых лежит данный корень: каб. *джэдлыбжьэ* “курятина под белым (сметанным) соусом”, *джэшылыбжьэ* “соус фасолевый”, *лыбжьэахуэ* “шкварка (поджарившиеся твердые кусочки, получающиеся при вытапливании жира)”, *лыбжьэаку* “название национального кабардинского блюда из индюшатины с подливой особого приготовления”, *лыгъуэлыбжьэ* “мясные блюда”, *лыгъуэцъапыбжьэ* “соус из вяленого мяса”, *лыцъыкълулыбжьэ* “блюдо из мелко нарезанного мяса в сметанном соусе”, адыг. *чэтлыбжьэ* “жареная курица”, *бжэынлыбжьэ* “соус из лука”, *лылыбжьэ* “мясо, поджаренное в масле”, *лыцъыкълулыбжьэ* “блюдо из поджаренных мелких кусочков мяса”.

Кабардинское название вместе с блюдом заимствовано и в другие соседние языки: осет. *лывзэ, лыбзэ, ливзэ, либзэ* “соус, мясное рагу”, ног. *либже* “отварная курица под соусом”.

Къояжапха, къояжапхе (балк.) “блюдо из мелко накрошенного сыра, муки, сметаны и яиц” [122,59; 175,115]. – *Танг аласында Астемир, уянып, къарагъанында, къатыны от да этип, къояжапха бишире, къанга юсюнде да боза аякъ салынып, жангы бишген гыржын да, бишлакъ да, жасу да аны тѣгерезинде* (КЪМТАС, кь.ж.) «Рано утром Астемир просыпается и видит: жена растопила печку, варит кояжапху, на столе чашка с бузой, свежее испеченный хлеб, сыр и масло. *Чоллай бла Ибрахим, сабан къыйырында къыртшиге олтуруп, ... терен агъач табакъ ичинде къояжапханы, гыржын гирахла бла бѣксере, ошайдыла* (Там же) «Чоллай и Ибрагим сидели на краю пашни на травке и из глубокой деревянной чашки ели кушанье из сыра и муки хлебной коркой»; каб. *кхъуейжъапхэ* “койжапха (национальное блюдо кабардинцев, приготовляемое из молочных продуктов, преимущественно из сметаны, с примешиванием кукурузной муки, сыра и яиц”. – *Кхъуейжъапхэр тцъыру пластэ цъыгъуу Iэнэм трагъэувэ* (Адыгэ шх., 122) «Койжапха подается в горячем виде с пастой». *Къулхолэм ззырнэсу, адрейхэм джэсэдлыбжьэи кхъуейжъапхэи хуахъащ хъстазым* (Т.Хь., 42) «Когда стали учить суру «Кулхола», другие принесли учителю и гедлибже, и койжапхе»; бел. *кхъуейжъэ* [28,104], черк. *кхъуейжэ* [19,109] “национальное блюдо, приготовляемое из сметаны, сыра и муки”.

Кабардинское название состоит из следующих трех частей: *кхъуей* “сыр”, *жэа* “жареный, печеный” от глагола *жэа-н* “жариться, печься” и суффикс *-нхэ*, указывающий на материал, подлежащий действию, выраженному в глаголе (*нхэ* “подлежащее съедению” от глагола *нхэ-н* “съесть”, *жы Iэ-нхэ* “то, что нужно говорить” от глагола *жы Iэ-н* “говорить” и т. д.). Без суффиксального *-нхэ* слово представлено в черкесском, бесленеевском диалектах и адыгейском языке: *кхъуейжэ* [19,109], *кхъуейжэ* [28,104], *къояжэ* [9,172] букв. “печеный (жареный) сыр”. Из тех же компонентов составлено абаз. *ашывджэ* “кушанье, приготовляемое из сыра и сметаны”.

Кбалк. *бишлакь биширген (бишген)* “карачаевское и балкарское национальное блюдо, приготовляемое из сыра, сметаны и кукурузной муки” (из *бишлакь* “сыр” и *бишген* “печеный, жареный” от глагола *бишерге* “печься, жариться”) является структурно-семантической калькой черк. (бесл.) *кхъуе-жъэ* “национальное блюдо из сметаны, сыра и кукурузной муки” (*кхъуей* “сыр”, *жъэ* “печеный, жареный” от глагола *жъэ-н* “жариться, печься”).

В речи многих русских, проживающих в Кабардино-Балкарии, вышеприведенный кабардинский термин (*кхъуейжъанхъэ*) используется без перевода.

Мижеге (балк.) “хлеб из пшеничной муки, в тесто которой добавляются сахар и масло” – в селах Черекского ущелья слово встречается и в виде *мижсаги* [122,41]. – *Шакманы къатыны мижеге биширди* (КьМТАС, къ.ж.) «Жена Шакмана приготовила мижеге». *Къарта мижегени бек стойоучюле* (Там же) «Старые люди очень любят мижеге»; каб. *мэжаджэ* “чурек в виде большой плоской лепешки из кукурузной муки” – в старом произношении *мэжагъэ*. – *Факъырэм иджыпсту зым и Луэхуи зэрхуэртэкъым, и мэжаджэм цыкхъуей к'эрымыцъицу и жъэм зэрынигъэсын ф'Іэк'І* (Н.А.,28) «Нищему сей-час не было дела ни до чего, лишь бы съест чурек так, чтобы не потерять и крошки». *Мэжаджэр хуабзэуи цыгъэуи тхъуцъынэм, кхъуей шыгуэзм, шатэм, шхум, шэм, лым, къалмыкъ шейм цыгъэуи Іэнэм трагъэуэ* (Адыгэ шх., 136) «Чуреки подаются в горячем и холодном виде с маслом, сыром (острым), сметаной, кислым молоком, каймаком, молоком, калмыцким чаем, мясом». *Датхъэм шатэ шынакъ къесхъэжц, мэжаджэ хуабэр тебэм къысхц, сыххэри сэжъэжац* (Б.Хь., 7) «С полки взял чашку сметаны, теплый чурек вытащил из сковородки, поел и пошел по своим делам»; мезд. *мызаджэ*, м.-каб. *мыжаджэ* [87,121], адыг. *мэджаджэ*. – *Натрыф мэджаджэм ынэз цыгъом т'экху гуишхыкыгъ* (А.Гу., 60) «Край кукурузной маджаджимышь немного отгрызла»; шапс. *мэжъагъэ* “особый хлеб из пшеничной муки”.

Ср. греч. *таза* “тесто; лепешка, ячменный хлеб”, абх. *а-мажуа*, (бзыб.) *а-мажъуа* “тесто (преимущественно кукурузного хлеба); лепешка из муки и меда, приготовляемая у абхазов”, абаз. *мажуа* в *мажуадза* “тесто” (во второй части имеем *дза* “сырой”), адыгск. *мэжа/мэджа* в *мэжаджэ/мэджаджэ(э)*. По А.К.Шагирову, адыгские языки заимствовали слово через абхазский в значении “лепешка из муки и меда” с дальнейшим прибавлением суффикса *-джэ(с-гъэ)* “плохой” по типу *зэрыджэ/зэрыджэ(э)* “калина” [см. 182,172]. Ног. *мажьеге, мажьек* “чурек из кукурузной муки” заимствовано у черкесов.

мырзай “фруктовая пастила (чаще из алычи и сливы, в форме тонких высушенных пластов)”. – *Чум мырзай* [70,477] «Кизиловая пастила». Фонетически и семантически допустимо сближение с каб. *мэрзей* “фруктовая пастила (чаще из алычи и сливы, в форме тонких пластов)” – слово встречается и в виде *мэрзей*. – *Адыгэхэм абрикосейр куэд ц'Іауэ къагъэк'І, пхъэщхъэмцхъэр ягъэгъу, мэрзей ящ'І, фощыгъу хэлы ягъавэ* (Хь.Б.,17) «Кабардинцы с давних времен выращивают абрикосовые деревья, сушат их плоды, делают пас-

тилу, варят с сахаром»; черк. *зэрмзэй* [19,105], *зэмырзэй* (в первой части может быть ээ “кизил”).

Ср. абаз. *зармазай* “род сухой пастилы из фруктов” (где *зар* “кизил”: *зар варена*: “киислое варенье”, *зары бна* “кишиловая роща”), чеч.-инг. *мерза* “сладкий”. На заимствование кбалк. лексемы из кабардинского указал И.М. Отаров [122,48].

Нарзан “нарзан”. – *Жаш, суусан болуп термилгенча, нарзанны жут ичди* (КъМТАС, къ. ж.) «Парень с жадностью выпил нарзан, будто испытывал сильную жажду». *Яцикден нарзан шешаны чыгъарып, башын ача теби-редим* (Там же) «Я вытащил из ящика бутылку с нарзаном и начал откупоривать ее»; каб. (уст.) *нарзанэ* (< *нартсанэ*) “целебная минеральная вода”, вошедшее в литературу, как *нарзан*; адыг. *нартсан*.

Считается установленным [1,119], что *нарзан* в русском языке представляет собой адыгское заимствование (как и *шашка*, *лудан*, *абрек*). Судя по форме, кбалк. слово непосредственно сближается с русским.

Ушкубаста, цукубаста “рассыпчатая каша из пшена”. Оно связано с каб. *ихупластэ* “кушанье из кислого молока с крошенной крутой пшенной кашей”, адыг. *ихьупласт* “каша с кислым молоком”.

Этимология данного слова прозрачна: в нем выделяются корни *ушкучу* и *баста*. Ср. каб. *шху* “кислое молоко”, *пластэ* “паста (крутая каша типа мамалыги из пшена или кукурузной крупы, подаваемая к различным блюдам в адыгской национальной кухне)”, адыг. *ихьу*, *пластэ*. Полное кабардинское название – *ихупластэпальтэ*, где *пальтэ* означает “рассыпчатый”, что содержится в значении кбалк. слова.

Ушхууур, шхууур “пища, еда (в речи карачаевцев); ужин (в речи балкарцев)”. – *Ёзденлик этгенликге, ушхууургеа тохтама* (Нарт сёз) «Если предложат из приличия, на ужин не оставайся». *Сабийле жангы юйге келгенлери ючюн деп, Малжеини къызлары ушхууургеа либжеа этдиле* (КъМТАС, къ.ж.) «В честь прихода детей в новый дом дочери Малжея на ужин приготовили гедлибже». *Шхууур – адамны аркъауу* (Нарт сёз) «Еда - спинной хребет человека». *Ётюрюк бла ашалган азыкь ушхууургеа дери ёз тутмаз* (Нарт сёз) «Еда, добытая нечестным путем, не бывает колоритной»; каб. *шхын* “пища, еда, кушанье”. – *Шхын зи һуэху шхын хуозэри, һуэху зи һуэху һуэху хуозэ* (Пс.) «Кто думает о пище, находит ее, кто ищет дело – находит дело». *Унэм цьыху шьэмьсмэ, зы бгьуэницагьщ, Ёнэм шхын темьльмэ, зы пхьэбгьуожьщ* (Пс.) «Дом без людей – пещера, стол без пищи – простая доска».

Несмотря на затруднение в отношении фонетики, признается заимствованием из кабардинского [17,20]. На адыгское происхождение кбалк. лексемы указала и Р.Х. Темирова [156,17].

Старая масдарная форма *шхыны* (ср. адыг. *шхыны* “продукты питания, пища”) совпала с неопределенной формой глагола *шхы-н* “есть”.

Халыуа “халва (сладкое блюдо домашнего приготовления из муки, масла и сахара)”. – *Ачлыкьда тары гьржсын да халыуадан татлы* (КъМТАС,

кь.ж.) «В голод и просяной хлеб вкуснее халвы». *Маржан кьонишудукьъа келген докьумла бла халыуаны сахан табакь бла жашыны аллына салды* (Там же) «Лакумы и халву, которые соседи принесли для угощения, Маржан в лохани (большой чашке) поставила перед своим сыном». *Халыуа, халыуа дегенликге, ауузунг татлы болмаз* (Нарт сёз) «Сколько ни говори слово «халва», «халва», во рту слаще не станет»; каб. *хьэлыуэ* “халва (национальное кабардинское блюдо, приготовленное из пшеничной муки, масла и меда или сахара)”. – *Зы ихынгьур тепцэц, хьэлыуэ лупццщ телгьу нэхъыжьбьым ибьгьц* (Ад.лу.,217) «В руках самого старшего находится одна тарелка фигурных лепешек, три куска халвы»; мезд. *мэжIарэхьэлыуэ* (букв. “маджарская халва”), адыг. *хьалыу* – кондитерское изделие из пшена с медом или сахаром [177, 620].

Восходит к арабскому источнику, ср. араб. *халуа* “сладость, кондитерские изделия; халва”. Представлено и в некоторых других языках абхазо-адыгской группы: абх. *а-хьалуа* “халва из муки, масла и меда или сахара”, абаз. *хьалыуа* “род халвы (из пшеничной или кукурузной муки, масла и сахара)”. В карачаево-балкарском слово считается заимствованным непосредственно из кабардинского [111,70].

Хамеши “верхний плотный слой кислого молока”. – *Огъай, Азрет, анангь хамешицине дамы тансыжь болмагъанса* (КьМТАС, кь.ж.) «Неужели, Азрет, ты не тоскуешь о верхнем плотном слое кислого молока, который тебе давала мать?». *Жандет жуууртну баш хамешицин кьамыш аякъгьа аулап, жашыны аллына салды* (Там же) «Жандет сняла верхний слой варенца в деревянную чашку и поставила его перед своим сыном»; каб. *шащхэ* “пенки (на кипяченном молоке), сливки (на поверхности молока)”. – *Абы шащхэз лъысац* (Дик. из., 197) «Ему достались сливки»; адыг. *цащхэ*.

Данное слово, по-видимому, является специфическим словом для одного карачаево-балкарского языка в данном значении. Соответствий в остальных тюркских языках не наблюдается.

В адыгских языках слово имеет прозрачную структуру: *шэ/цэ* “молоко” и *шхэ/шхэ* “верх (голова)”. Такое образование представляет один из ярких примеров семантического схождения с другими языками, ср. осет. *ахсыры сар*, кбалк. *сют баш* “сливки”. Сравнимые слова совпадают по структуре и по значению компонентов: *ахсыры*, *сют* “молоко” и *сар*, *баш* “верх (голова)”. Таким образом, как и осет. *ахсыры сар* и кбалк. *сют баш*, адыгск. *шащхэ/цащхэ* означает буквально “молока голова (верх)”. Кбалк. *хамеши* – видоизмененное каб. *шащхэ*.

Хантус “жидкая похлёбка (из крупы), суп”. – *О, хантус этерге кьалай уста болуучу эди Айчолпан* (КьМТАС, кь.ж.) «О, как умело готовила Айчолпан жидкую похлёбку!». *Исмайыл хар кюн сайын, кёкбаш эшекге да минип, чонончукь бла ары пиринч хантусну сууутмай элтичукь эди* (Там же) «Каждый день Исмаил садилч на сероголового осла и рисовый суп в теплом виде отвозил в чугуничке туда». *Айран кьошул, хантусну агьартыу* (КьМТАС, 44) «Забеливание похлёбки (жидкий суп) кислым молоком»; каб. *хьэнтхэ*–

ун/хьэнтхьунс “похлёбка, суп (из пшена, риса, кукурузной крупы и т.д.)”. - *Хьэнтхьунсыр титыру лэнэм трагъэуэз* (Адыгэ шх., 143) «Суп подается на стол в горячем виде». *Бэгъуэт хьэнтхьунсым еубыну хьунымыкIэ щыхIэбэм, Гъузугъуэт лэнэм жьэхъуэри хьэнтхьунсыр ирикхутац* (Ад.гу.,44) «Только Богот взял ложку и стал есть суп, Гогот толкнул столик и, опрокинув его, разлил суп»; адыг. *хьэнтхьунс*. - *А хьэнтхьунс дэдэр ары тибыщтыгъэр, кло, тIкху дэдэ нахь хужьуло тибыныекIи мэху* (КI.Т., 116) «Ты все равно пригостишь тот же суп, но, возможно, сделаешь чуть-чуть гуще его».

На адыгской почве здесь справедливо находят хъэ “ячмень” (следовательно, первоначально речь шла о ячменном супе), и – фонетическое наращение, *тхъу* “масло (топленное)” и *псы* “вода” [см. 189, 120]. В научной литературе есть и иное толкование на тюрко-монгольской основе. Например, М.А.Хабичев считает, что перед нами кбалк. *хант* “пища” + *ус* (ср. монг. *ус* “вода”), т.е. “пища с водой” [173, 55]. Однако очевидная связь с кабардинским делает этимологические поиски в каких-либо иных направлениях излишними.

Хулгу (карач.) – горсть муки, используемой для раскатки теста, чтобы оно не прилипало к деревянному корыту (где обычно месили тесто). – *Тирменчини хулгусу къурумаз* (Нарт сёз) букв. «У мельника всегда найдется хулгу». *Къатын тегене къыргъыч бла унну хулуларын бир эсерге жьыды* (ЖМТАС, кь. ж.) «Женщина собрала подсыпку муки в одно местечко». *Таужан, кесин тыялмай, жумдуругъун къол аязына уруп, тегерегине хулгу чача, эжорези бла айтды...* (Там же) «Таужан, с трудом удерживая себя, ударяя кулаком в ладонь, рассыпая мучную подсыпку, сказала от души...»; каб. *хугъуэ* - лучший сорт проса, собственно “просо (ху) желтое (гъуэ)”. – *Абы хугъуэ мэжаджэр, щыхь куцIыр, фо цынэр, бланэ куэцIэлыр шыхыныгъуэт* (Фольк.) «Хлеб из проса, мозг оленя, свежий мед, бедренное мясо лани были его едой»; адыг. *фыгъо*.

Хурбай, къурбай “маленький чурек” [70,713]. Неотделимо от каб. *тхурымбей* – сладкое домашнее печенье величиной с грецкий орех, приготовляемое из пшеничной муки и молока с добавлением сметаны, яиц, масла и меда, которое жарили на масле. Известны и другие способы и формы приготовления этого долго не портящегося национального кондитерского изделия, «известного кабардинцам с отдаленных времен и считавшегося пищей наездников и всех тех, кто отправлялся в долгий путь. С конца XIX в. его стали готовить реже, и он превратился в празднично-свадебную пищу» [103,105].

Культурная лексика

Носители карачаево-балкарского языка по своей культуре заметно отличаются от остальных тюркских народов. В этом отношении они ближе всего стоят к адыгам. Такие консервативные стороны жизни, как народное мировосприятие, народная магия, обрядность, религиозные представления, песенная и танцевальная культура скорее всего имеют общие истоки, восходящие, по нашему мнению, к палеокавказской общности, которая, по всей ве-

роятности, стала этническим субстратом карачаевцев и балкарцев, что и определило их культурную близость к окружающим их кавказским аборигенам, а также заметное отличие от остальных тюркоязычных народов. Эта близость способствовала проникновению в язык карачаевцев и балкарцев значительного числа адыгских терминов, связанных с обозначением понятий культуры. К ним относятся следующие:

Абезек/абезех – карачаевский и балкарский круговой парный танец, в котором парень берет девушку под руку и они движутся легкими приставными шагами. – *Жыйынгга чырайны биз салабыз, абезекге къыз бла барабыз* (КъМТАС, 32) «Мы украшаем группу людей, с девушками танцуем абезек». *Нарт чыракъла жарытадыла абезекге борган къызланы* (КъМТАС, к.ж.) «Сосновые лучины освещают девушек, танцующих абезех». *Абезекде къыз бла сёлеширге онг болганлыкъгъа, кён татыу ол да бермейди, нек десенг, жашла бир бирлеринден къызланы терк-терк сыйыручудула* (КъМТАС, 32) «Хотя во время танца абезек есть возможность поговорить с девушкой, это удовольствие длится не надолго, потому что парни быстро отнимают девушек друг у друга»; каб. (арх.) *абазэхэудж* (*абазэхэ* – кабардинская форма адыгского субэтнонима “абадзех”, *удж* – хороводный адыгский танец) – массовый круговой хороводный танец. Это слово обозначает не только танец, но и музыку к этому танцу. У адыгейцев он называется *уджыхъурай*, что означает “круговой удж”. И закубанские кабардинцы называли этот танец *уджыхъурей*.

У адыгов различаются несколько видов хороводных танцев: *удж/уджы, уджэхэи, уджетегуэж, уджытуху, уджышхуэ, къафэудж, абазэхэудж* или *уджыхъурей/уджыхъурай*.

Балкарцы, теснее общающиеся с кабардинцами, употребляли более близкое к первоисточнику произношение *абезех*, а карачаевцы заменяли чуждый для тюркских языков звук *х* через *к*. О неоригинальности кбалк. слова свидетельствует несоответствие тюркскому сингармонизму.

Джезокъа/жезокъа карач. (уст.) “вид (сольного) танца”. – *Къатыны иги киши жезокъагъа брады* (Нарт сёз). «У кого хорошая жена, тот танцует джезоку». Допустимо сопоставление с каб. *зи закъуэ* или *закъуэкъафэ* (*зи закъуэ, закъуэ* “одиночный, единственный” и *къафэ* “танец, пляска”) “сольный танец (исполняемый девушкой или парнем)”; адыг. *экъокъашу*. – *Джэгур ыкӀэ нзыгъэу Суанд тигъэшэ экъокъашгор фэгъэшешошагъэу кычыӀкыгъ* (К.Т., 75). «Джегу приближался к концу, и Суанд была удостоена почетного права – исполнить закокаш / танец одной девушки /».

Почетное право танцевать сольный танец представлялось в виде поощрения чаще девушкам. На одних торжествах *закъуэкъафэ* исполнялся только один раз для оказания почестей только одной девушке. Этот танец незаслуженно прекратил свое существование в наши дни, но о нем помнят старики. Традиции поощрения, воздаяния почестей наиболее уважаемой девушке сохранились у причерноморских шапсугов.

Замена адыгского фарингального з через шипящие (дж или ж) не встречается в карачаево-балкарском: *джойюосхан/жойюосхан* (см. об этом подробнее во втором разделе данной главы).

Кашеук/кешеук “массовый танец”. По мнению М.А. Хабичева, от *кише-* “переставлять ноги попеременно; скрещивать ноги; наложить пути” [173,58]. Не выдерживает никакой критики и мнение о карачаево-балкарском происхождении адыгейского *къашьу* “танец” (Там же). Скорее всего наоборот: разбираемая единица имеет адыгское происхождение и представляет сложное образование: *къашьуэудж* (из адыг. *къашьуэ* “танец (вообще)” и *удж(ы)* “хороводный танец”). Кабардинский вариант звучал бы как *къафэуэ* (> *къафэудж*). Наиболее архаичной из всех форм является шапс. *къашь-уэуыгь*, которая является исходной для карачаево-балкарского *кашеук*. Однако следует заметить, что слово не могло проникнуть непосредственно из шапсугского диалекта, а могло проникнуть из общеадыгского **къашьуэуыгь*.

В этом слове (по первой части) праформа ближе к адыгейскому, так как шапс. **шьу* отвечает каб. *ф*, что отражает переход в последнем лабиализованных согласных в нелабиализованные губно-зубные спиранты. Оглушение конечного г в карачаево-балкарском закономерно (ср. *жюрек* – *жюрегим* “сердце” – “мое сердце”; *кёлек* – *кёлеги* “рубашка” – “его рубашка”).

Къана, къафа (уст.) “название плавного танца”. – *Жаш да, къыз да къафаны уста телсей эдиле* (КЪМТАС, къ.ж.) «И парень, и девушка искусно танцевали кафа». *Къана бийди, баиша сыйды* (Нарт сёз) «Капа – танец приносит честь». *Къобузчу къафаны согьун тебиреди* (КЪМТАС, къ.ж.) «Гармонистка начала играть кафа»; каб. *къафэ* “кафа (одна из разновидностей кабардинского национального танца); танец (вообще); пляска”. – *Цыхухъум къафэ цигъэзаццэкэ и гъусу къафэ тцццэм и нэгум куэдрэ иплъэну хабзэм къезэгъыртэжым* (Дик.из.,231) «Танцующий мужчина во время исполнения «кафы» по обычаю не имел права долго смотреть в лицо танцующей с ним девушки». *Игъаццэкэ узрамышэн къафэжыц* (Пс.) «С помощью этой старой кафы никогда замуж не возьмут»; мозд. *къафэ* [87,164] “лезгинка”; адыг. *къашьу*.

Замена каб. *ф* через губно-губной *п* закономерна, так как звук *ф* представлен в карачаево-балкарском только в одном верхнебалкарском (цокаюшем) говоре.

В области танцевального искусства кабардинцы оказали влияние и на осетин. В пользу этого В.И. Абаев приводит выражение *каггон кафт* [2,1, 567] “кабардинская пляска”, не оставляющая сомнения о его источнике. Судя по значению, в осетинском языке термин *кафт* охватывает как кафу, так и лезгинку.

Къапатейна (карач.) “название хороводного танца”. У карачаевской лексики кабардинский источник. Ср. каб. (уст.) *къафэтеиэ* – пленение девушки – танцорки распорядителем танцев и последующий ее выкуп; в речи черкесов – *утыкурыиэ*. Сюда, быть может, балк. *тепена* (арх.) “хороводный танец” [173,57]. Такое сопоставление оправдано в том случае, если *къана-*

тейна и *тенена* рассматривать как два варианта одной и той же этимологической базы. Для этого есть все основания.

В первой части сложного слова М.А. Хабичев справедливо находит каб. *къафэ* “танец, пляска” [Там же, 141]. Вторая часть тоже мотивирована с точки зрения адыгских языков – это причастная форма от глагола *тенэ-н* “застрять, застревать”. По обычаю, на свадьбах какой-то близкий родственник или родственница не выпускались из круга, а близкие вносили выкуп. “Застрывшего” выпускали из круга после удовлетворения требования участников танца внесением выкупа.

Сюда же относится осет. *келена* [3,284] “особый хороводный танец”. В осетинский слово проникло, видимо, через балкарцев, так как по форме напоминает балк. (диал.) *келена/кефена*. Балкарская форма представляет собой упрощение кабардинского.

Фрайда – многоголосая мелодия, исполняемая на торжествах (свадьбах, скачках, рожденьях детей, в походах). – *Бешикден энди айырылган сабийлени, гыльулагъа минни, жортханларын, бирле уа ат боюнларына алып, фрайда бла къыз къачыргъанларын* [Азреталий] *кюн сайын кѳреди* (КЪМТАС, 632) «[Азреталий] каждый день видит, как мальчишки скачут на осликах, мужчины умыкают девушек с песней». *О, орайда, о, орайда! Келнибизни беригиз, Кетген этебиз* [101,112] «О, орайда, о, орайда! Дайте нашу невестку, мы уезжаем». *Киеу нѳгерне орайданы айтып, отоу аллына келдиле* (КЪМТАС, къ.ж.) «Дружки, напевая орайду, подошли к комнате девушки»; адыгск. *уэрэдэ* (варианты: *уэрейдэ, уэрайдэ, уэрэдэ, уоредэ, уэройдэ, арэдэ* и др.) “припев к старинным народным песням адыгов”. – *Сосрыкъуи стѳгъуакъым. Уойрэ, уэрэдэ... И хъыбари зэхэсащ. Уо уэрэдэ, уэрэдэ* (А.у., 64) «Сосруко я не видел. Уойра, уаредэ... О нем рассказы слышал. Уо уарада, уаредэ!»; каб. *уэрэдадэ* “старинная свадебная песня”.

Ср. абаз. *уарайда* [4,375] “припев (в старинных свадебных песнях)”, абх., груз. (диал.) *уарайда*, убых. *уэрэдэ*, осет. *уарæйда* [2,IV,90] “асемантический припев в народных песнях”, ног. *орайда/варайда* [155,51] “свадебная обрядовая песня” (исполняется при сопровождении невесты в дом жениха), рус. *ойреди, ойряди, уряди* [189, 93]. Во все перечисленные языки слово вошло из адыгского источника. (Об адыгском происхождении припева см. 187,368-371; 91,311-314).

Стемей/истемей/истемей (карач.), *исламей* (балк.) “кабардинка (танец типа лезгинки)”. – *Гитче жасичыкыла истемейге барып, чанчылып кюрешедиле* (КЪМТАС, къ.ж.) «Мальчишки танцуют истемей, разом пускаясь в пляс». *Осман, къойланы кютюуге жайып, къойчу таягъын жерге уруп, аны тѳгерегине исламейге барып, кѳн кере аякъ бюкгенди* (КЪМТАС, 769) «Осман, пустив овца пастишь и воткнув свой посох в землю, много раз танцевал вокруг него исламей и делал колено». *Къобузчу исламейни аякъ жеринде тохтамазча, алай жарыкъ согъа эди* (Шуѳхлукъ, № 14, 110) «Гармонист так искусно играет исламей, что ноги не могут остановиться». *Истемеге барадыла жарашып, Адам тукъум харс урады басынып, Бир бири бетине жети*

къарашып (КъМТАС, къ.ж.) «Искусно танцуют истеме, люди все хлопают в ладоши, пристально глядя друг на друга»; каб. *ислъэмей* “кабардинка (род лезгинки)”, иначе “исламей”. – *Штэлэри, хьыджэбэри Изэу къэфаци слъэмей* (Нур, № 5, 1998. 6) «И парень, и девушка искусно танцевали исламей».

Относительно происхождения танца и его названия в народе бытует ряд версий [см. 112,32; 193,37]. По одной из них, чтобы овладеть секретом производства шелка (примерно в середине XVIII века), два брата княжеской фамилии Мурадовых – Каншао и Ислам со своими людьми переселились в Дагестан. Достигнув своей цели, братья вернулись на родину и основали два селения: Каншао – в том месте, где Курп впадает в Терек, а Ислам – выше по течению р. Курп и названы по имени братьев Каншаовским и Исламовским (ныне Нижний и Верхний Курп).

Несколько лет спустя, малокабардинское село Инароково, в свое время переселившееся в Ингушетию, тоже вернулось в Кабарду и слилось с селом Ислама Мурадова. Исламовцы привезли из Дагестана некоторые элементы танца лезгинки, а инароковцы – элементы ингушской круговой пляски (ср. м.-каб. *мышкыши къафэ* [87,162] “лезгинка”, букв. “ингушский танец”, мезд. *къэклуэки* – название кругового танца лезгинки, букв. “обходить круг”). В результате этого в селе Ислама Мурадова начали исполнять своеобразный танец, впитавший в себя некоторые приемы и рисунки дагестанского, ингушского и кабардинского танцев. «Когда этот танец перешел из Малой Кабарды в Большую, там он получил название «Исламей» – по названию села, из которого пришел» [112,32]. Приняв некоторые элементы дагестанского и ингушского танцев, «кабардинцы дали новому танцу свое название, но и значительно изменили привнесенные в танец детали, внесли в него свои определенные специфические дополнения и придали ему своеобразный адыгский колорит» [193,37].

Известный русский композитор прошлого века М.А.Балакирев написал свою знаменитую восточную фантазию «Исламей» в 1869 году, как результат трех его поездок на Кавказ и близкого знакомства с кабардинским народным музыкальным творчеством. К тому времени кабардинский *исламей* был популярен и широко распространен. Танец «*исламей*» под названием «*исламый*» известен и в Адыгее и имеет своеобразную мелодию, несколько отличающуюся от кабардинской.

Кабардинский глухой латеральный согласный *лъ* в карачаево-балкарском замещается зубным *т* (в речи карачаевцев, а в речи балкарцев, имеющих более близкий контакт, произношение максимально приближается к исходной кабардинской форме).

Шепшока “название игры, где изображается больной с переломом или роженица” – в балкарском употребляется и как *шепшоркья*. Фонетический рисунок данного слова сближает его с каб. *цлтонцакхуэ/цлэтцакхуэ* “ритуальная игра, устраиваемая в помещении, где лежал раненый или больной с переломом кости”. – *Штэтцакхуэр шрагэкхуэкидэ ятэ уэрэд жэлэт, итланэ джэгулкэ Издэб шрагэкхуэкит* (Лу., № 1, 1974, 105) «Во время болезни, у по-

стели больного сначала пели песни, потом играли в спокойные игры». *Штотцаклуэ хуацлри нхуу цыху ягъэжсякъым - къафэхэмрэ уэрэдхэмрэкIэ трагъэуац, джыдэ тIыгукIэ вабдзэм еуац, нхъэцIыч ягъэджац, арицхъэкIэ а нсоми зыри къиклакъым* (М.Е., 61) «Не давали спать всю ночь, развлекали его /Мысроко/песнями и танцами, стучали обухом топора по лемеху плуга, били в барабан, но все было напрасно». Ср. бесл. *еуIатIыч* [33,37] “национальный обряд, игры перед больным”, черк. *цIатIцэ* [114,8], адыг. *кIатIцэ* [177,359] – вечеринка, устраиваемая друзьями, родственниками для раненого; раненому или больному с переломом не дают спать, чтобы он не вздрогнул во сне и не повредил склеенную и перевязанную кость.

Участники этой игры у адыгейцев и черкесов называются *кIэтцакIо* и *цIэтцакIуэ*. Последняя форма и вытеснила название ритуала в Кабарде, что и стало источником для карачаево-балкарского *шетшокъа/шетшоркъа* (из более старой формы *цIэтцакIуэ*, а современная форма *цIотцакIуэ* – вторична. Элемент *кIуэ* является суффиксом лица: *зэуакIуэ* (из *зэуэ-н* “воевать”) “воитель”, *ихакIуэ* (из *ихэ-н* “есть, кушать”) “едок”).

Для пожилых балкарцев *шетшокъа/шетшоркъа* стало эвфемистическим синонимом слова *къатын* “жена”.

Эжюу – хоровое сопровождение сольного пения. – *Жыр эжюу бла ай-тылады* (Нарт сёз) «Песня сопровождается мелодией». *Бир къауум къарт эжюу этеди* (КЪМТАС, къ.ж.) «Несколько стариков подпевают». *Эжюуге къартла, сабийле да къошулдуга* (Шуэхлукъ, № 34, 67) «К мелодии сопровождения присоединяются старики и дети»; каб. *ежуу (йэжью)* – голосовое сопровождение, подпевание без слов при исполнении адыгских народных песен. – *Уэрэдым и цIотпыр ежьюуц* (Пс.) «Песню, словно плетя, подгоняет ежу»; адыг. *жьюу*. – *АпэрэмкIэ шыкIэтцынаом зэфэкIо къэшьо оредыр къыхыригъэдзагъ, къамлатцэхэм и ац дежьюу рагъэжсягъ* (КI.Т., 75) «В первую очередь скрипач заиграл мелодию танца «зафак», а зурнисты стали ему подыгрывать (подпевать)».

Каб. *йэжьюу (ежьюу)* состоит из показателя третьего лица *йэ-* и корневого *жьюу* (ср. адыг. *жьюу* [9,125] “припев, вторы”); *йэжьюу* – причастная форма от глагола *йэжьюу-ун* “подпевать” (*сожьюу* “подпеваю”, *уожьюу* “подпеваешь”, *дэ дожьюу* “мы подпеваем”, *фэ фожьюу* “вы подпеваете”, *ар йожьюу* “он подпевает”). Кбалк. *эжюу* восходит к кабардинской причастной форме *йэжьюу (ежьюу)*.

Медицинские термины

Габу “перхоть”. – *Башым габу болгъанды* [70,180] «У меня вся голова в перхоти». *Къызчыкъ, чачыны габусун кетерир ючюн, башым шампунь бла жууады* (КЪМТАС, 571). «Чтобы убрать перхоть, девочка моет голову шампунем»; каб. *къъанIэ* “перхоть; шелуха (зерна)”. – *Си цхъэр къъанIэ зацIэцIэ* (Нур, № 3, 1996, 9) «Моя голова вся в перхоти»; адыг. *къамI*.

Ср. убых. **къхэ* “мелкие прыщики, трещина на коже”, абаз. *канIа* [183,130], *хъанIа* [4,393] “перхоть, шелуха (зерна)”. М.М. Сакиев [135,113]

ошибочно считал кабардинскую основу тюркско-арабским заимствованием. К абазинизмам (полагая производным от абаз. *хъа* “голова”) в адыгских языках склонен отнести его Н.Б.Экба [196, 32]. Однако адыгское слово содержит исконное *п/э* “скорлупа, оболочка, шелуха”, ср. *хуэсанп/э* “просяная шелуха”, *фамп/э* “кутикула”.

Габох, гебох “сибирская язва [158,582]; эмфизематозный карбункул”. По всей вероятности, восходит к каб. *джабэгу* “эмфизематозный карбункул” [139,133].

Сложение из *джабэ* “бок (часть туловища)” и основы глагола *гу-н* “сохнуть” – собственно “сухобокий”.

Гъыйы (диал.) “парша; гной”. В форме *гъйы* отмечено М.А. Хабичевым [173,138; см.тж. 111,71] как адыго-абхазское заимствование в карачаево-балкарском. Ср. каб. *кэуий* (встречается и в виде *кэуей*, например, *хэжкэуей* “без зерен; редкий” (где *хэ* “ячмень”), *цыккэуей* “крошки, крупинки”) “парша; паршивый [68,241], шелудивый; лысый, плешивый”, адыг. *кэуыйы* (*кэуи*) “плешивый”.

Этимологически связан с глаголом *уы-кэуэйы-н* (орфографически *укэуейн*) “лнить, вытереться, шелушиться, облысеть, потерять вид”. Ср. адыгск. *фэжкэуишэокэу* “лысый”, где в первой части *фэишэ* “кожа, шкура; кора, кожа, оболочка; внешний вид, внешность; цвет”. Возможно *-й/-йы* - суффикс со значением относительного качества. В виде *кэуи* “парша” основа вошла и в абазинский язык.

Сахуран “изжога”. – [*Жулдуз Ахматха:*] *Сахураным кьозгьалгьанды да, тюненели бери ичине ат бармаиды* (Б.Гуляев. Жаяу жолчукъ, 67) [*Жулдуз Ахмату*] Из-за обострения изжоги со вчерашнего дня желудок мой ничего не принимает; каб. *сэхуран* – народное название болезни, характеризующейся расстройством желудка, рвотами; “желчь”, м.-каб. *сэхуран* “изжога”, адыг. *сафран* “желчь”.

Ср. абаз. *сахуран* “желтуха; народное название болезни, проявляющейся расстройством желудка и рвотой; желудочный сок”, кбалк. *сапыран* “желтуха”, кумык. *сапыран* “желчь”. Восходит к араб. *safra* “желчь” [189,60].

Хыйны “яд, отрава; колдовство [173,138; 111, 69]; порча, заклинание, ворожба”. – *Хыйны этилгенча, аны бла /Мусса бла/ бирге тепперге асламы-сында Мадина чыгьады* (КьМТАС, кь.ж.) «Танцевать с ним /Муссой/ почти всегда выходила Мадина, которую будто околдовали»; каб. *гын* “порох; яд, отрава”. – *Абыхэм япэк/э шыгу, сабын, нэхъыщхэрэици, гын кээтцэхурт* (Ш.Б., 30) «Вместо них покупали себе соль, мыло, а главное, порошок»; черк. *гын* “лекарство, название корнеплода”. – *Абы кьыхь удэхэр игьэгьут, гын иц/ити сьмаджэхэм ярихьэл/эт* [154, 91] «Эти травы она сушила, потом готовила лекарства и лечила больных»; адыг. *гыны* “порох”. – *Шыхэри цыфыхэри гын гьозым кьыхьэщыжьыхэрэп* [197,119] «И люди, и кони уже не видны в пороховом дыму»; шапс. *гыны* “капуста; квашеная капуста” [73,287].

Надежной этимологии нет. Ср. убых. *чыгыс* “порох; зелье” [8,45], осет. *хин / хина* “хитрость (злостная), лукавство, козни; хитрый, лукавый”, “колдовство” [2,IV,201-202]. Не лишним кажется отметить и карач. *гына* [173,104] “вспыльчивый, злой”, м.-каб. *гын жылуэн* “проклинать”. Другие известные соответствия стоят дальше по образованию или значению. На адыгское происхождение карачаево-балкарской лексемы впервые указал М.А. Хабичев [173,138; см.тж. 111,69; 119,74].

Эмина “чума, чумной; мор”. – *Эминаны ёлтюргенинден аурутханы кыйын* [70,768] «Легче умереть от чумы, чем болеть чумой»; каб. *йэмынэ (емынэ)* “чума, чумной; мор”, “бойкий, удалой, лихой (о человеке); хороший, качественный, ошеломляющий, сногшибательный”, перен. “чудовище”, *йэмынэ тало* “эпидемия” (где *тало* “холера”). – *Емынэрэ пэт зырыхэм зыгуэр кьренэ* (Пс.) «Чума и та кого - что - либо оставляет там, где она побывает»; адыг. *йэмын (емын)*. – *Емынэм кьели, тэлаом ыхьыжьыгь* [9, 110] «От чумы уцелел, а от холеры умер».

Встречается и в ряде других языков Кавказа, родственных и неродственных, ср. убых. *йаманэ* (в выражении *йаманэ хьэышгьэуыхь* “накажи его бог!”), лак. *йаман* “рожа (болезнь)” [188,175], осет. *йэмына (емына)*, *йэмина (емина)* “чума; мор”, груз. *йатани* “болезнь лошадей” [2,1,412], абаз. *йамына* [4,230] “чума”. В осетинский [см.29,121] и карачаево-балкарский лексема попала, по всей вероятности, через адыгское посредство. Уверенно кбалк. слово возводит к кабардинскому К.М. Мусаев [110,27].

Слова, характеризующие человека

Абрек, абирек “абрек, изгой; тот, кто долго не возвращается домой, на место работы и т.п., пропадая где-либо”. – *Бекмырза абирек чыкъгъанда, ит кадетле ызындан болгъанлай турдула* (Шуёхлукъ, № 70,21) «Когда Бекмурза ушел в абреки, проклятые кадеты его постоянно преследовали»; каб. *абрэддж, абырэддж* (<*абрэгъ, абырэгъ*) “абрек, беглец, изгой; человек, давший обет жить отшельником до определенного времени, в бою вел себя как смертник”. – *Самп/эмрэ къамэ /эццэмрэ дыццэ телъыр щильгъагъум, Къубатий лъэлуат моуэ нэхъ кьызэрыгуэк/ гуэр кьритыну, арихъэк/э абрэддж нэ закъуэр, лы псалъэ къабзэр, дыхъэыха кудейщ* (М.Е., 264) «Увидев столько золота на ножнах и рукояти, Кубати смущенно попросил «что-нибудь» попроще, но одноглазый абрек человек очень милый и душевный, только рассмеялся».

К абречеству прибегали люди, желающие искупить какой-либо тяжелый поступок. Абреки промышляли в набегах, но их отличали от разбойников. Те же значения имеет слово в адыгейском, однако оно приобрело и иные: *абрэддж* [9,19] “абрек; бездомный, бесприютный”. Это произошло ввиду перехода некоторых из старых значений к слову *хьаджэрэт* [177,619], *хьаджырэт* [9,393] “беглец (по политическим мотивам)”. – *Тихэку сыбгынэну егъэзыгъэ сызаш/к/э, хьаджэрэтэу сыхъхъажьыцт* (К.Т., 211) «Если меня вынудят покинуть мою страну, уйду в абреки». Уход человека, признанного

абреком, имел мотив, связанный с необходимостью оправдаться перед обществом, желание искупить тяжелую вину, даже геройской смертью. Абречество как социальное явление имело широкое распространение у адыгов до революции и представляло собой одну из форм социального протеста.

Слово встречается во многих кавказских языках: абх. *абрагъ*, абаз. *абрагъ*, мегр. *абраги*, сван. *абрег*, груз. (диал.) *абракли*, *абраги*, мегр. *абраги*, осет. *абьрагъ/абаргъ*, *абарег*, инг. *эбарг*, чеч. *обург*, авар. *абурик* “абрек” [2,1,25]. Русское *абрек* считается заимствованным непосредственно из черкесского (кабардинского) [172,1,57]. В карачаево-балкарском либо слово заимствовано через русский язык, либо русский повлиял на его форму.

Гепсоркъа, (балх. диал.) *капсорка*, *касборка* “циркач, акробат (в народном театре)”. – *Гепсоркъала да келдиле сизге, Жойкъуллана халкъны аллында, Чомарт болуп, омакъ-омакъ сёзге, Сылы нохтабула алыргъа* [КъМТАС, 587] «К вам пришли и циркачи, заискивая перед народом, Щедро говоря красивые слова, Чтобы получить дорогие подарки». [*Айыу*] *мазалы, юйюкген толлу, гялчи кибик, жубу къоллу, гепсоркъача ойнайды* (Там же, 645) «[Медведь] огромный, в шубе лохматой, как шут, с волосатыми лапами, играет словно акробат»; каб. *кIапсэрыкIуэ* “канатоходец”. – *КIапсэрыкIуэр кIапсэ укьэудиям Iэзэу ирикIуэрт* (Дик. из., 10) «Канатоходец ловко ходил по натянутой веревке».

Это слово образовано соединением именного корня *кIапсэ* “канат, веревка” и глагольной основы *-кIуэ* “идти” при помощи интерфикса *-ры-*. По сходной модели образовано заимствованное карачаево-балкарским адыгское *цIэрыкIуэ/чIэрыкIуэ* “топинамбур”.

Гёджэб, *гёжэсф* “борец, силач”. В диалекте (верхнебалкарском) встречается форма *гацэф*. – *Эки тултар гёжэсф кюйшозге чыгъар-чыкъмаз къолланы, аякъланы хышы-хыны сермен, бюгюшоп баиладыла* [КъМТАС, 551] «Два сильных борца, как только ступили на ковер, начали сражаться резко хватая друг друга за руки, ноги». *Мени эрим гацэф эди, аны Малкъарда киши да жыгъалмаучу эди, - деди къарт къатын* (Там же, 581) «Мой муж был борцом (силачом), в Балкарии его никто не мог побороть, – сказала старуха». *Бизни областны миллеттеринден айтылгъан гёжэсфле чыгъа келгендери хакъды* (Шуёхлукъ, № 74, 45) «Известно, что из народов нашей области вышли замечательные борцы (спортсмены)». Кабардинский источник мог иметь различные формы: *гуацIафIэ* (из *гуацIэ* “сила, мощь” и суффикса *-фIэ*, ср. *насып* “счастье”, *насыпфыIэ* “счастливый”); *гуацIэфI* (из *гуацIэ* “сила, мощь” и *фы* “хороший”).

Хотя замена губно-зубного согласного на губно-губной нормальна для карачаево-балкарского, форма *гёджэб* может восходить к каб. *гуацIабэ* (из *гуацIэ* “сила, мощь” и *бэ* “много”). Есть еще малокабардинское слово *гуацIэв* [87,161] “богатырь”, слово сохранилось и в черкесских говорах – *гуацIэв* “крепкий, мощный”.

Таким образом, карачаево-балкарские формы могут восходить к нескольким кабардинским: *зуац/эф1* “хорошая сила”, *зуац/аф1э* “могущий, могучий”, *зуац/эв* “богатырь”. Адыгейское соответствие *к1оч/аш/у* означает “сильный, могучий”. Осет. (диг.) *зуц/еф* “силач” из кабардинского [24,15-16].

Логъбеж, логънеш (фольк.) “старший чабан”; каб. *лэгъутэжэ* “старший чабан”. – *Нэху мышу лэгъутэжэ Шэджемокъуэ Исмел къэушауэ хэлът, мэхэр побэ къуцхэхэу зэрыдж1ыжыным и дэудациэм п1ейтей къац1ауэ* (Т.Хь., 53) «Лагупеж Исмел Шогемоков проснулся до рассвета и теперь лежал, думая о хлопотах с предстоящим перегонном отар на равнину». *Емыса лэгъутэжэ хэурэ* (Пс.) «Без привычки, без опыта никем не будешь (букв. Без опыта старшим над чабанами не будешь)».

Этимология кабардинского слова прозрачна: от *лэгъут* “большой медный плоскостонный котел для варки мяса” (чаще в животноводческих коллективах). Элемент *-жэ* восходит к прилагательному *жэбы* “старый”. Медный котел был символом отдельного животноводческого коллектива, а старший был руководителем коллектива, т.е. “старшим вокруг котла”. Если элемент *жэбы* “старый” характеризовал только котел, то слово имело бы форму *лэгъутэжэ* “старый котел”, а *лэгъутэжэ* воспринимался как “старший котла”, ср. *шы* “лошадь”, но *ишэц* “конюшня”, *вы* “бык”, но *вэнвей* “помет крупного рогатого скота”, *лы* “мясо”, но *лэс* “бульон, отвар” (этимологизируется как “вода мяса”).

Это слово встречается и в абазинском – *лъаг/унажу* [4,269].

Тамада, тамата “тамада (на пиру); глава, старший, руководитель”. – *Таматасы жилауукъ болъганы кичиси сытыуукъ болур* (Нарт сёз) «[Там, где] старший – пласка, младший будет нытником». *Тамада болъган – тынч, тамадалык этген – кыйыш* (Нарт сёз) «Нетрудно быть старшим, трудно главенствовать». *Таматаны юлюшо – жауурун бла баш жарты* (Нарт сёз) «Доля тамады – лопатка и полголова барашка». *Тамадасы барны, жылы келсе да, кеси гитче* (Нарт сёз) «Кто имеет старшего, тот и в возрасте младший». В Кабарде “*тхъэмадэ*” употребляется в следующих значениях: 1) тамада, распорядитель пира; 2) глава, руководитель, предводитель, старейшина; 3) глава семьи, хозяин; 4) свекор, отец мужа; 5) обращение к пожилому мужчине. В черкесских говорах “глава, старший (по возрасту), руководитель (группы, общины); жених, поклонник, ухажер”. Ср. кубан. *тхъэмадэ* [33,52] “свекор; тамада; жених; председатель колхоза”, адыг. *тхаматэ* “председатель, председатель колхоза”, “тамада (распорядитель пира)”, (уст.) “старшина” [9, 322], шапс. *тхамат* [72, 313] “старший (по положению). В нартских сказаниях *тхъэмадэ* обозначает “вожак, полководец”.

По мнению М.А. Хабичева [173,17], на карачаево-балкарском материале лексема этимологизируется как “отец (ата) дома (там)”. Здесь не учитываются два обстоятельства. Во-первых, в карачаево-балкарском слово встречается и в виде *тамада* (*ада* вместо *ата*). Во-вторых, этому языку неизвестна лексема (или корневая морфема) *там* “дом”. Для объяснения слова *тхъэмадэ*, признаваемого адыгизмом на Кавказе, обычно привлекают *тхъэ* “бог” и

адз/атэ “отец” [16,10; 76,292]. Но известны и другие объяснения этого слова [см.186,4; 2,III,227; 182,134-135]. По В.И. Абаеву, адыгск. *тхъэмадэ/тхъэмадатэ* получено из перс. *дамад* “зять; жених, ухажер; тесть” через тур. *damat* “зять, зять султана” [2,III, 227]. Независимо от его происхождения, исследователи (В.И. Абаев, А.К. Шагиров) сходятся во мнении, что основные значения слова *тхъэмадэ/тхъэмадатэ* (в том числе “тамада”) развились на почве адыгских языков [см.189,82-83].

Как справедливо отмечено в литературе, из адыгского источника идут абаз. *тхъамада* “тамада”, абх. *а-тхъамада, а-тахъамада* “старик, старец”, убых. *тхъэмадэ* “старик, глава семьи, рода”, инг. *тхъамада*, чеч. *тхъамда* “тамада; вождь, предводитель”, груз. *тамада* “распорядитель за пирашественным столом” [Там же, 82]. Сюда же и ног. *тамада* “старейшина (во время пирашества)”.

Шана “повар, кашевар; тот, кто ведаёт провизией”, иногда также “слуга, прислуга; человек, обслуживающий застолье” [105,156;115,647]. – *Шана бармагъын жалай тояр* (Нарт сёз) «Повар, облизывая [свой] палец, наедается». *Шана кён болса, аш татымсыз болур* (Нарт сёз) «Если поваров много, то еда безвкусная». *Эки жылыны шапасы болур тургъанма* (МИБД,104) «Два года был слугой у него (буков. слугою его быв, ходил)». *Аман шана адамлагъа артын буруп ашар* (Нарт сёз) «Плохой повар ест, став спиной к людям»; каб. *тцаф1э* “повар”. – *Тцаф1эхэм яшхыну зы гуэуши, зы кхъейтпгъыжь ятын хуейц к1уахэм* (Ад. 1у., 215) «Приехавшие должны привезти для поваров одну индюшку, одну головку сыра». *Осетин ц1алэ Хубиев Казбек тцаф1эм илыгъ к1эструлыр къы1эц1итхъуэстац* (Ш.ХЪ., 61) «Осетин Казбек Худиев выхватил кастрюлю из рук повара».

Слово получает объяснение на адыгской почве: оно образовалось от глагола *тцэф1эн* “готовить (пищу), стряпать”. Осет. *вфсап1ле* (в ирон. диалекте малоупотребительно) “тот, кто ведаёт провизией; хлебодар, повар” также из кабардинского. В карачаево-балкарском начальный согласный комплекс упрощен.

Шауай (уст.) “торговец лошадьми”. Ср. каб. *цауей* “джигит”, *шууей* “наездник”. Первая форма образована от слова *цауэ* “молодой человек” с помощью суффикса *-ей*, придающего производному слову значение “сверх меры”, вторая форма – от слова *иу* “всадник” с помощью того же суффикса – “лихой наездник.” Судя по всему, в карачаево-балкарском произошёл семантический сдвиг. Ощущается как архаизм и имеет ограниченное употребление. Более вероятным источником, по видимому, является вторая форма – *шууей* “лихой наездник”, понятие, связанное с понятием “лошадь”. Что касается фонетически более близкого к карачаево-балкарскому *цауей* “витязь”, “молодой человек”, а в современном кабардинском – еще и “жених, молодожен”, то трудно ошутима семантическая связь. Возможно, произошла контаминация двух основ, более привычная для носителей карачаево-балкарского языка (и антропоним *Шауай* “Шавай”) вытеснил форму *шууей* “лихой наездник”. Слово *цауэ* в адыгейском означает “парень” (дитя мужского пола), в нартских сказаниях употребляется в значении

“витязь”, производное – *цауэзгу* “друг, товарищ, соратник”. Адыгское слово *цауей* “витязь, герой” стало собственным именем героя эпоса – Канжико Шауая (Къанжожкуэ Шауей – “сын вороны витязь”), известного и карачаево-балкарскому эпосу под именем *Генджикашауай*.

Шуёх/шоах “друг, приятель”. – *Шохунг артынгдан махтар, жсауунг кёзюнгден махтар* (Нарт сёз) «Друг похвалит за глаза, враг – в глаза». *Шуёх болургеа жыль керек, жсау болургеа кюн керек* (Нарт сёз) «Чтобы подружиться, год нужен, чтобы стать врагами – день». Ср. каб. (уст.) *цауэзгу* “друг, товарищ, приятель”, адыг. *шьэозгу*. Производное от *цауэ/шьэо* “парень (дитя мужского пола), сын” с помощью аффикса совместности *-гу*; функционально соответствует рус. со- в словах типа *сослуживец, сопелемник, сожитель* и т.п.

Прилагательные

Армау “растерянный, скованный; испытывающий чувство нерешительности”. – *Дауумхан ... устазгеа бир тюрлю армау бет алып кьарады* (КъМТАС, 184) «Растерянная Дауумхан посмотрела на учителя». *Кьошдагыбля да, эзде болмай тургеаилай болуп кьалган ишден жунчуп, не этерлерин да биймей, армауда эдиле* (Там же) «Находившиеся в стане от неожиданного происшествия были в растерянности». *Аны эшитгенде, абызырап, тынгылап турургеа да болмай, Асланкул армаулу сёлешип башлады* (Фольк.) «Как только услышал это, Асланкул растерялся, но не мог молчать и начал говорить нерешительно»; каб. *арму* “неловкий, неумелый, нескладный, неуклюжий”; черк. *арму* “неловкий, неумелый, нескладный, неуклюжий; лодырь, лентяй, тупой” [154,95]. – *Езыри армутэжым, мэжумэшыцлэ унагуэм кьыцыхьуат, фухуми фьыуэ цыгыуазэт* (Б.Хь., 205) «Он сам не лентяй, родился в крестьянской семье, свое дело знал хорошо»; адыг. *армэу* “лентяй, ленивец”.

Сопоставление не имеет этимологического значения, поскольку и на адыгской почве слово не этимологизируется. По мнению А.И.Абдокова, в более позднее время это же слово попало к адыгам из убыхского источника (устное сообщение). Слово *армау* в убыхском языке имеет два значения – “левша” и “неловкий”. В этом же языке сохранялась производящая основа *арма* “левая рука”. Значения слова в адыгских языках: “неловкий, неуклюжий, неумелый, нескладный” вытекают из первичного этимологического значения “левша”. Левая рука у абхазо-адыгов считалась нерабочей рукой, и выполняемая ею работа считалась недоброкачественной. В современном кабардинском языке есть выражение *фухум хуэсмэгуиц* “к делу леворучный”, т. е. “неловкий”. Оно свидетельствует о порицании лиц, работающих левой рукой.

Гокка I (карач.) “цветок; узор, рисунок, украшение, игрушка”. – *Чыгь-анакь кьатында гокка да битер* (Нарт сёз) «Возле колочки и цветок растёт». *Бизнича болмай, ол [Балдаш], бузда бир сейир гоккаланы бичимлерин салып барады* (КъМТАС, 602) «Она [Балдаш] не то, что мы, на льду оставляет такие интересные узоры». [*Аня:*] *Балала, мен сизге, ма кёрюрсюз, алырма сейир-*

тамаша кеп гокка (Там же) «[Аня:] Дети, вот увидите, я куплю вам много интересных игрушек».

Гокка II “красивый, искусный (о фразах); кокетливая (о женщине)”. - *Ау сымаса жореклеге гокка сёз, женгил жалганадыла таза жорекле* (Шуёхлукъ, №50, 12) «Быстро соединяются сердца, если красивое слово правдиво». *Гокка сёзлени айта билмейме, кереги неди аланы? Мен билмейме, сенсиз ким сау этер жорегимдеги жараны* (Шуёхлукъ, № 7, 91) «Не умею говорить красивые слова, для чего они нужны? Я не знаю, кто кроме тебя залечит мою сердечную рану»; каб. *гуакһуэ* “приятный, привлекательный, симпатичный”. - *Абы пзымыжыжъэу дыгэм хуэгъэзауэ хьыджэбз гуакһуэ гуэр цыст* (Ш. Хь., 36) «Недалеко от него, лицом к солнцу, сидела какая-то симпатичная девушка». *Мэкъу пьунцигагъацём и мэ гуакһуэр губгъуэ гъунанкъэниэм цхъэццытци* (М.Е., 265) «Приятный запах свежескошенного сена стоит над бескрайним полем». *Шысыранэр къэкыгъэ гуакһуэу къежъэу гъацём дэгурэ сыррэ хэгъухъауэ къысфлюц!* (Б.С.) «Кажется, что крапива вначале была привлекательным полевым цветком, и только жизнь сделала ее частью жгучей, а частью глухой».

Собственно кабардинское слово, образованное от *гу* “сердце” и *кӀуэ* “идуший”, этимологизируется как “идущее к сердцу”. По значению “искусный” кбалк. слово может восходить к каб. *ӀэкӀуэ* “искусный, ловкий”.

Как видно из приведенных примеров, кабардинское заимствованное прилагательное в карачаево-балкарском языке употребляется в роли существительного и прилагательного в равной степени, образуя, таким образом, лексико-грамматические омонимы.

В заимствующем языке от данного слова образованы другие слова: *гокка ханс* “цветок”, *гоккалыкъ* “нарядность”, *гоккалан* “кокетничать”, *гоккакёз* “кокетливый; с игривыми глазами”, *гоккалы* “цветастый, пестрый”.

Гула (балк.) “глупый, тупоумный”. – *Гула къой ардан юркек* (Нарт сёз) «Глупый баран последним пугается». Вероятно, оно связано с каб. *гулэ* (в композите *гулэгуцтэ* из *гулэ* + *гуцтэ* “боязнь, страх”) “беспокойный, тревожный”, ср. *хъэгулэ* “неотёсанный, неуклюжий; бестолковый” (из *хъэ* “собака” + *гу* “сердце” + *лэ*).

Здесь же можно увидеть и каб. *Ӏулэ* (в композите *делэ-Ӏулэ*) “глупый, придурковатый, умалишённый” (ср. *гъэ-Ӏулэ-н* “соблазнить, обдурить, уломать (упершегося человека), *гъэ-Ӏулэ-гъуафӀэ* “легко поддающийся дурному влиянию”), черк. *Ӏулэ* [139,845], адыг. *Ӏулэ* [9,429] “глупый”.

По мнению А.К.Шагирова, кабардинская каузативная форма *гъэ-Ӏулэ-н* делится на *Ӏу* “рог” или “говорить, сказать” и глагольной основы *-лэ*, родственной убых. *лэ-* “обмануть” [188,130]. Убых. *къуылэ* “сумасшедший, глупый”. Для каб. *Ӏулэ* исходной может быть *кӀулэ*.

Гурмук (балк.) “грубый, невежливый; уединенный, замкнутый”. – *Гурмук, къочбюкореу ол [Сапыра] бир къыз эди, Сёзо мурса, къылыгъы андыз эди* (КъМТАС,622) «Она [Сапыра] была девушкой грубой, привередливой, слова её были как крапива, а характер – девясил». *Орамда председатель, къолунда да*

къамичиси бла, атха минш, къоюнунда сабийи болган къатын бла гурмух нек сѣлешеди? (Там же) «Почему же на улице председатель на коне, с кнутом в руке, грубо разговаривал с женщиной с грудным ребенком?»; каб. *гурмыкъ* “несговорчивый, взбалмошный, капризный, упрямый”. – *Лым и гурмыкъыр зумылуц* (П.Б., 112) «Капризный мужчина противен». *Лы гурмыкъыр физгагъц* (П.С.) «Капризный мужчина заставляет жену плакать». *Цыхубзыр фыуэ пльагъумэ, и гурмыкъэхэри зусхээн пхухгъу* (Б.С., 540) «Влюбиться в женщину – значит объявить себя рабом ее капризов»; адыг. *гурмыкъ*. – *Ар цыф гурмыкъ Iай* (А.гу., 64) «Он очень несговорчивый человек».

Вопреки принятому мнению о тюркском происхождении слова [2, 1, 532; 173, 100], следует отметить, что оно анализируется удовлетворительно только на адыгском материале: *гу* “сердце”, -ры- – ин-струментальный аффикс, -мыкъ “не открытый (открывающийся)”. По такой же структуре образовано слово *гурмыкъ*, где -мыкъ “не идущий (к сердцу)”; общее этимологическое значение “неприятный” в отличие от *гурыхъ* “приятный (к сердцу идущий)”. Осет. *гурымыкъ/гурмухъ* “грубый” также из кабардинского [24, 15].

Изменение кабардинского *гурмыкъ* в карачаево-балкарском *гурмух* объясняется следующими особенностями последнего, в котором: 1) узкие негубные ы, и не употребляются после узких губных у, ю; 2) заднеязычные къ и гъ и среднеязычные к и г в одном корне не встречаются [42, 31–36].

Жабагъы/джабагъы “худой, тощий”. Если такая лексема вообще имеется в карачаево-балкарском [см. 173, 68; 111, 54], то должна считаться кабардинским заимствованием. Ср. каб. *джабэгъу* “тощий, худой” из *джабэ* “бок” и глагольно-го корня *гъу-и* “сохнуть”, дословно “сухобокий”. Возводит к балк. *джабагъы* “худой, тощий” к омонимичному *джабагъы* “шерсть низкого качества; шерсть-линька”, как это делает М.А. Хабичев [173, 68], рискованно.

Матух (карач.) “ленивый; нерасторопный, вялый, медлительный, флегматичный, инертный, неуклюжий”, “тулой, тупоумный” [70, 462]. – *Ол матухдан ъведи* «Он крайне ленив». *Джисторкино матух озмас* (Нарт сѣз) «Расторопного ленивый не обгонит». Фонетически и семантически допустимо сближение с каб. (черк.) *матыху* “нерасторопный, неповоротливый, неловкий”.

В этом слове представлен характерный для адыгских заднеязычный спирант х, но чуждый фонетической системе тюркских языков, что уже свидетельствует о проникновении лексемы из кабардинского (черкесского).

Мудах, мыдах “грустный, тоскливый, расстроенный, печальный, огорченный, скорбный, унылый, понурый, угрюмый, мрачный, пасмурный, хмурый”. – *Къачан да мыдах Алий бюжун а жерге кирирлей бойду* (КЪМТАС, къ.ж.) «Всегда грустный Алий, сегодня готов был сквозь землю провалиться». *Мыдах ишнар бузар, къыйнар* (Фольк.) «Песня безответной любви расстроит, изведёт». *Сафият, жашны мудах халын эслеп, хыны этгенине сокъуранды* (Там же) «Сафият заметила грустный вид парня и раскалась за то, что сердилась на него». *Аллай къюледе, бир эрттенликде, узакъда ким эсе да юзюлген кесеклерин къулакъгъа жел келтирген, узун, мудах жырны жырлай-*

ды [45,105]. «В такие дни, иногда по утрам бывает слышно, как кто-то вдали поет долгую и печальную песню, смутные обрывки которой до слуха доносит ветер»; каб. *мыдахэ* “некрасивый, невзрачный”. – *Цыхубз мыдахэ цыфжым* – *цылэр зрыдахэр зымыщлэжхэц* «Нет некрасивых женщин – есть только женщины, не знающие, что они красивы»; адыг. *мыдах*. – *Нэу мыдах* «Некрасивое лицо».

Прилагательное состоит из *мы-* префикс отрицания (соответствует русской частице отрицания *не-*) и *дахэ* “красивый”. Аналогичные образования: *мыкьабзэ* “нечистый”, *мыкуу* “неглубокий”, *мыш* “небольшой”, *мыц/ыкфу* “немаленький”, *мыгьасэ* “необученный, невоспитанный” и др.

Как адыгское заимствованное слово представлено и в ногайском, ср. ног. *мыдах* “печальный, грустный, невеселый” [155,52]. На тюркской почве слово не имеет объяснения.

Нэхчюк “милый, детка (ласковое обращение пожилых людей к младшим и детям); дорогой, любимый” – употребляется в селах, близко расположенных к кабардинским населенным пунктам (например, в Н. Жемтале). Восходит к каб. *нэхуц/ыкфу* “милый, милая (ласковое обращение старшего к младшему)”.

Этимология данного слова прозрачна: в нем выделяются корни *нэху* “свет, милый, любимый, дорогой (ласковое обращение женщины к детям или к любимому человеку)” и *ц/ыкфу* “маленький; ребенок, малыш”

Санта/санча “глупый, дурашливый, полоумный, невнимательный, рассеянный”. – *Аллай бирни ангыламагъан санча мен болсам, юйге кичир турмай, кьымыжса этип, тюзге кетер эдим* (КЪМТАС, къ.ж.) «Если бы я был таким глупым, непонимающим ничего, я бы не сидел дома, а разделся бы наголо и ушел бы на улицу». [*Николка военкомгъа:*] *Алдайса сен санча* (Там же) «[Николка военкомгъа:] Врешь ты дурашливый». Несмотря на изменение фонетического облика, нельзя, видимо, отделять от каб. *цхьэшиэ*, (кубан.) *цхьэичэ* (хотя с кбалк. же словом как будто бы сопоставима другая адыгская лексема: каб. *псынц/э*, адыг. *псынч/э* (*псынч/э*) “легкомысленный, бездумный”) “глупый, бестолковый забывчивый, рассеянный” (из *цхьэ* “голова” и суффикс отрицания *-ниш/-нчэ*, этимологизируется как “без головы”; ср. *узыншэ/узынчэ* “здоровый” из *уз* “болезнь” и суффикс отрицания *-ниш/-нчэ* – собственно “без болезни”), адыг. *шхьэиччэ* [130,40]. Структурно-семантическим эквивалентом адыгск. *цхьэнишэ/шхьэиччэ* является собственно кбалк. *башсыз* досл. “без головы” (*баш* “голова” и суффикс отрицания *-сыз*), однако воспринимается как “глупый, забывчивый, рассеянный”.

Из карачаево-балкарского идет осет. *соит* “неразумный, безрассудный, необдуманный, сумасбродный, взбалмошный”; иногда также “юный, молодой” (“неразумный, не достигший зрелого ума”). Чеч. *сонта* “глупый, бестолковый, безрассудный, неразумный”, инг. *сонта* “гордый, чванный, кичливый” из осетинского [2,III,137].

В значении «глупый» данное слово в современных адыгских языках мало употребительно. Его замещает тюркское по происхождению слово *делэ*.

Халек “поврежденный, негодный, уродливый”. – *Жангур сабанланы халек этгенди* «Дождь повредил посевам»; каб. *хьалэч* (< *хьалэкъ*) “очень плохой, никуда не годный, сильно поврежденный, отвратительный, безобразный”, адыг. *хьалэч* (< *хьалэкъ*).

Признается заимствованием из кабардинского [41,62], хотя в самих адыгских языках слово не поддается этимологизации. Адыгизмом также считают осет. (диг.) *халекк* “беспорядок, хаос” [24,11; 29,122] и абаз. *хьальакъ* [189,118].

Хомух “ленивый, бездеятельный, неряшливый, нерасторопный, не-предпринимчивый, нерешительный, трусливый, несмелый, малодушный, неповоротливый, лежебока”. – *Аида уялгъан - мухар, шиде уялгъан - хомух* (Нарт сёз) «Кто смущается в еде (когда ест), тот обжора, кто стесняется в работе, тот ленивый». *Сабий жигитин бир къолун байлар, хомухну уа эки къолун байлар* (Нарт сёз) «Ребёнок проворной [матери] одну руку свяжет, а ленивой (неряхе) обе руки свяжет». *Хомухдан ёлгенден эсе жигитлик этиб ёл* (Нарт сёз) «Лучше умереть совершив подвиг, чем погибнуть от трусости»; каб. *ху-мыху* “ленивый, бездеятельный, непредпринимчивый, нерасторопный, неповоротливый”. – *Хуэмыхур дыхъэхмэ, хуэху ищгауэ къельытэ* (П.Б., 112) «Ленивому и смех трудом кажется». *Хуэмыху и зыгъазэ зы мазэц* (Пс.) «Неповоротливый поворачивается в месяц раз». *Къэрал тхьэмыщк1эм ныбэиз щыхъур дыгъуак1уэц, къэрал хуэц1ам щыфэкъырэр хуэмыхуц* (Б.С., 544) «Разбогатевший в бедной стране – вор, а нищий в обеспеченной стране – лентяй»; адыг. *фэмыф* “трусливый; беспомощный [9,359]; ленивый”. – *Хьэзыр лутэф, фэмыф к1эрак1* (А.гу., 596) «Белоголовые газыри, нарядный лентяй».

Это слово, по мнению А.К. Шагирова, представляет объектное причастие от глагола *хуэмыхун/фэмыфын* “не (префикс *мы-*) уметь (префикс *хуэ-/фэ-*) гнать (*ху-/фы-*)” – “тот, кого ему (организму?) не удастся гнать (погнать)” [189,107]. Осет. *хомых/хомух* [2,IV,213] “беспомощный, вялый, нерасторопный, рохля, мямля, увалень, тюфяк” и абаз. *хуамыху* “ленивый, бессильный, слабый” – очевидные заимствования из кабардинского.

Хыйла “хитрый, ловкий, хитроумный” – употребляется и как имя существительное в значении “хитрость, уловка”. – *Кербек Барасбийге хыйла къаран, кёз къысды* (Шуёхлукъ, № 55, 57) «Кербек хитрым взглядом посмотрел на Барасби и моргнул»; каб. *хьилэ* “хитрый, изворотливый, лукавый, находчивый, ловкий; хитрость, уловка, увёртка”. – *Кърум лыбжэз игъэхъэзырати, кхъуэщын к1ыхъ щхъэ зэвым ирилхъэри, бажэ хьилэм бгъэдигъэуащ* (Нур, № 5, 1996, 12) «Журавль приготовил жаркое, положил в длинный кувшин с узким горлышком и поставил перед хитрой лисой». *Бажэм и нэхъ хьилэр и гъуэм къыщадубыд* (П.Б., 113) «Даже самую хитрую лису ловят в её собственной норе»; адыг. *хьилэ* “коварный, лукавый”.

Представлено во многих кавказских языках: абаз. *х1айльа* “хитрый, изворотливый, находчивый”, убых. *х1иле* “хитрый, коварный, находчивый”.

авар. *x'illa*, инг. *x'illa*, чеч. *x'illa* “хитрость, уловка”. Восходит к араб. *hila* “хитрость” [2, VI, 202]. Как и М.А. Хабичев [173, 141], кбалк. слово И.М. Отаров считает адыгским заимствованием [119, 74]. Иногда в кабардинском лексема употребляется в форме *хьилэшы*. Наличие тюркского суффикса *-шы* свидетельствует о том, что слово могло проникнуть в кабардинский из какого-то тюркского языка.

Ситуативно употребляемые слова (со значением действия) и служебные единицы

Рассматривая в данном разделе ситуативно употребляемые слова, мы ведем речь о таких адыгизмах в карачаево-балкарском языке, употребление которых связано с ситуацией речи, но сами по себе отдельно они почти не употребляются. В них модальное значение является главным.

Ауан эт (балк. диал.) “высмеивать, насмеяться”. Неотделимо от каб. *ауан щ'ын* “высмеивать, насмеяться”. Первая часть совпадает в этих языках. Ее составляет каб. корень *ауан* “издевка, насмешка”. В качестве же второго компонента каждый народ использовал исконный элемент: балкаршы *эт* “делать”, кабардинцы *щ'ын* “делать”. Кабардинизм на лицо и в осет. (диг.) *айуан* “насмешка, издевка, глумление”.

Дауу ишт “как дела?” – употребляется в основном в селах, близко расположенных к кабардинским населенным пунктам, и только в устной речи. Из каб. *дауу уицым/дауу цымт* “как дела?; как здоровье?” (досл. “как стоишь?”).

Еблагъа (балк.) “добро пожаловать”. Слово в балкарском не имеет широкого распространения и употребляется только в устной речи [см. 102, 211]. Непосредственно связано с каб. *еблагъэ* “пожалуйте, милости просим, будь гостем, добро пожаловать”. – *Уэ къеблагъэ, дотэ лъантэ, унэ сит'эц, хьэцт'э схузхъу* (1у., № 10, 1971, 26) «О, пожалуйте, дорогой, дом есть у меня, будь моим гостем»; адыг. *еблагъ*. Кабардинскую форму отражает и осет. *еблагъуае* “пожалуйте!; милости просим!”.

Еуа – побудительная частица: употребляется в значении “действуй, начинай” [173, 141], не жалея сил, неустанно [158, 712], давай” [70, 274].

Еуа иштейк «Давайте будем работать!»; каб. *еуэ* – побудительная частица: употребляется в значении “давай, ну”. – *Еуэ, дывгъэтэджи дывгъэлажъэ* (Нур, № 2, 1997, 5) «Давайте, встанем и поработаем!»; адыг. *еу*. Данная частица в адыгских языках восходит к повелительной форме глагола *еуэ-и* “бить, ударить”: *еуэ* “бей; давай”.

Куша – возглас сожаления. Встречается в женском выражении *ах, куша* “о если бы было так; пожалуйста” [173, 137]. Восходит к адыгск. *гуцэ/гуц* – возглас сожаления. Ср. убых. *гуышь* “бедный” [8, 47].

Къурейт/къуррейт, хырейт/хыррейт, хирейт, хрейт – возглас, которым погоняют овец (табун). – «Хрейт! Хрейт! Хрейт!» дей, сюрюучоле къойларын жайлыкъдан тюзлеге сюрюп келедиле (КЪМТАС, къ.ж.) «Крича «Хрейт! Хрейт! Хрейт!», чабаны гоняют своих овец с пастбищ на равнину»;

каб. *хьуретI, хьурейтI, хьурретI* - возглас, которым погоняют овец. – *Мэ-лыхьүэхэм уцидэ пылэхүэхэр я цхьэм тесу, шлакүэ фьыцIэ кьыхь ящыгьыу, лыкьүзубыд башыр пийжсу дамэм тельу, «хьурретI, хьурретI» жэлээрэ мэлхэр ирахужьсац, яхэфиерэ ягьэбэзүжсу* (Т.Хь., 59) «Чабаны в войлочных шляпах, в черных длинных бурках погна́ли отары, держа на плечах герлыги и покрикивая: «Хуррет! Хуррет!» да посвистывая».

По происхождению он связан с древним наименованием овцы *хьур, сохранившимся в сложном слове хьурыфэ “овчина” [см.189,114;], этимологизируемое как “овечья (хьур) шкура (фэ)”. Этот элемент встречается в разных композитах: хьурсанэ “паслен” (из хьур “овца” и санэ “смородина, виноград, напиток”). Есть еще одно слово с неясной этимологией – хьурмыж “герань”, элемент -мыж содержится и в названии колоса: *цхьэмыж*.

Кьуухотун: *кьуухотун бол* (балк. диал.) “спешить, торопиться; проявить поспешность”, *кьуухотун эт* “быть в спешке”. Несмотря на некоторые семантические неувязки, есть основание увязать с каб. *кьэхутэн* “очутиться, появиться внезапно”.

Марджэ/маржа “пожалуйста (обращение)”. – *Ай маржа, сатмай болмай эсенг, ол добарбашны сат* (Фольк.) «Пожалуйста, если вынужден продавать, то продай круглоголовую!» *Атыма эки айыл, маржа, Темирим да жокьоду, – дейди* (Нартла, 186) «Моему коню подпруги, маржа, сделай-ка из железа». *Кьатынына айтханды: «Ха маржа, кьатын, – дегенди (укуну кьолунда тутханлай), – кес да бу кийик тфужьну, сой да илибже эт», – дегенди* [105, 28] «Жене сказал, держа сову в руках: «Пожалуйста, жена, нарежь эту дикую птицу, общидай и соус приготовь». Ср. каб. *маржэ* – клич, призыв, обращение к массе, *хьейдэ-маржэ* – возглас воодушевления, *хьет-маржэ* – призыв к действию. – *Маржэ хьужьыхэн, мы лыцилэжэ зэрыкьыр жылэм хэдыгьээнэжэ* (Ш.Хь., 119) «Эй, люди, давайте выправим кровную месть из нашей среды»; адыг. *марджэ*. – *Марджэ, мор шьумыгьаклу! – ылуи, иш зыридзыжьыгь, иаркьэн чьэ тетэзэ кьытIатэу, зэригьэкIэу льежьсагь ар Шьу закьом* (КI. Т., 153) «Мардж, не дайте ему уйти! – крикнул он, вскочил на коня и, на скаку отвязывая аркан, во всю мочь пустился вдогонку за одиноким всадником».

Ср. абх. *а-марджьса*, абаз. *марджьса* – клич, призыв, обращение, убых. *маджэ* “о боже мой!”, осет. *мардзаэ, марджэа* – возглас воодушевления, ног. *маьрже* – междометие, выражающее обращение, призыв к группе людей. В карачаево-балкарском слове считается заимствованным непосредственно из кабардинского [111,72;182,124]. Отсюда идет и ногайская форма [164,59].

Псор: встречается в выражении, перенятом из кабардинского языка (в основном в устной речи пожилых людей); *псори тамам* “все нормально; все хорошо”. Ср. каб. *псори тэмэмц* “все верно (точно, правильно); все хорошо, все нормально”.

Пых: употребляется с глаголом *эт-* “делать”: *пых эт* “резать” [173,141]. Ср. каб. *пыхын* “отделить; отпилить, ампутировать”, адыг. *пыхын*. Состоит из преверба *пы-* (восходящий к *пэ* “нос, передняя часть”) и несамом-

стоятельной глагольной основы *-хы-* со значением удаления (ср. *гуэ-хы-н* “отпилить бок, край”, с превербом *гуэ-*). «Абаз. *атыхъра* “распилить, перепилить”, если и не усвоено из кабардинского, могло возникнуть под влиянием каб. *пыхын*» [189,40].

Сыт: *сыт ханар* “рассказывай”, “что нового?” [173,141]. Ср. каб. *сыт*, бесл. *сти*, адыг. *сид* “что” – вопросительное и относительное местоимение; выражение *сыт хыбар* означает “что нового?; какие новости?”.

Тэх, тох – возглас, которым подзывают овец. Из каб. *тлэху, тлэхуэ, тлэху-тлэху, тлэхуэ-тлэхуэ* – возглас, которым подзывают овец. Адыгского (кабардинского) происхождения и абаз. *тлахуа* “ягненок, козленок (в языке детей); возглас, которым подзывают ягнят, овец” [182, 45].

Уит мауха “действуй; скатертью дорога” [173,142]. Возможно возведение к двум кабардинским выражениям: 1) *гуэгу махуэ* “удачный путь; счастливого (доброго) пути”, иногда также “скатертью дорога” (из *гуэгу* “дорога, путь; поездка, путешествие” и *махуэ* “день; добрый, счастливый”) и 2) *уит махуэ* “действуй на счастье”. Элемент *уит* (встречается и в виде *уит*) представляет собой возглас, клич, призыв, слово *махуэ* означает “счастье, день”. А сочетание *уит (уит) махуэ* выражает призыв действовать с одновременным пожеланием счастья. Последний, видимо, является наиболее вероятным источником для кбалк. *уит мауха*.

Хайт-хуйт: *хайт-хуйт деб* “постаравшись; старательно” [70,701]; “побуждение к действию; азарт” [156,17]. – *Хайт-хуйт деб окуйду* «[Он] старательно учится». *Кюндюз къартиа, хайт-хуйт этин, къаралтын, сабан сюределе* (КЪМТАС, къ.ж.) «Днем старики с большим старанием пахали землю». Ср. каб. *хитхуит* “расторопный, проворный; умелый” (во второй части может быть каб. *хуит* “свободный, вольный; просторный; имеющий право”), *хитхуитыгъэ* “расторопность, проворство; умелость”, черк. *хьет-хуит* [156,17].

Хожс – возглас, которым погоняют быков. – *Жашланы бир къаууму аа «хожс» деп, ёжюзлени узун чертлеужок чыбыкъла бла сыйыртхыч таууш этдирип ура, арбаланы терк – терк къууун жетдиля* (КЪМТАС, къ.ж.) «А другая часть парней длинными ореховыми прутьями пригнала быков, издавая хлесткий шум и покрикивая «хож – хож»; каб. *хуэши* – возглас, которым погоняют быков.

Хуйт: встречается только в сочетании с вспомогательным глаголом и употребляется в основном в речи пожилых балкарцев и карачаевцев: *хуйт бол* “стать свободным (вольным)”. В кабардинском языке слово многозначно. И здесь социальный аспект значения употребляется с вспомогательным глаголом: *хуйт щлгын* “освободить (сделать свободным)”, в других значениях употребляется вне такого сочетания: *хуйт* “свободный, вольный”, *хуйтын* “быть свободным; иметь право на что-либо”, *хуйтыныгъэ* “свобода; права на что-либо”, *хуйтыныгъэщлкъу* “свободолюбивый, борющийся за свободу”, *хуйт-хуйту* “без помех, без затруднений; привольно, свободно”, *хуйту йохуэ* “свободно помещается”, *хуйту бэуэн* “дышать вольно”, *цхъэхуит* “вольный”, антоним к последнему слову – *цхъэхуимыт* “невольный”.

Чогъож: чогъож бол (или чогъожлан) “сожалеть, передумать, раздумать”. – *Кавказны таза хауасы бла солун, чууакъ кёгюн кёрсенг, келгеннге чогъож болмазса* (Шуёхлукъ, № 31,58) «Если подышишь чистым воздухом Кавказа и увидишь его безоблачное небо, то не будешь сожалеть о своем приезде». *Шерийфат айтхан сёзюне чогъож болду* (КЪМТАС, къ.ж.) «Шерифат сожалела о том, что сказала». *Этиаген бегимге алыкъа чогъожлукъ жокъду* (Там же) «О принятом решении пока нет сожаления»; каб. *щегъуэжын* “передумать, раздумать, сожалеть, пожалеть”. – *Мэзан дыгъуасэ къызэрымыкгуам хуцегъуэжсац* (Ш.Хь.,275) «Мазан пожалел, что вчера не пришел». *Мыцэм уцымыхъэ, щхъэ умышхэрэ – жып/эу, и щхъэусыгъуэр зыхъуишэц/эмэ, щегъуэжып/и бгъуэтынкъым* (Б.С.,426) «Не будь назойлив, выясняя у медведя, почему он не собака; как даст почувствовать, в чем тут причина, – даже не успеешь пожалеть о своей оплошности»; адыг. *к/эгъожьын*. – *Сык/эгъожьыгъэшиъ неуци сык/ощтэп* [130,568] «Я передумал и завтра не поеду».

Здесь относится и карач. вариант этого глагола *джугъож бол* “сомневаться, усомниться”, который заимствован у черкесов. Включение его в данный раздел объясняется тем, что слово в основном употребляется в выражениях с вспомогательными глаголами в зависимости от ситуации речи. Карач. форма (*джугъож*) более адаптирована к нормам карачаево-балкарского языка, это не единичный пример. Благодаря более тесному общению с кабардинцами, балкарцы употребляют заимствованное слово как можно ближе к оригиналу, ср. карач. *джурка* “репа; брюква” [70,259], балк. *чирко* “топинамбур” (из каб. *щ/эрык/уэ* “топинамбур”); карач. *маджа*, балк. *маца* (<каб. *мац/э*) “саранча” и др.

Шо “обращение, употребляемое при просьбе”. – *Шо китанны бир келтир* [70, 752] «Ну принеси книгу, шо». Ср. каб. (уст.) *щэу* “вежливое покровительственное обращение к ровеснику или младшему”. – *Шо, щэу, ули щхъэм дыгъэ еугуэ ара* (Ад.1у.,85) «Что это, шау, солнечный удар получил что ли?»; черк. *шо* (< *щэу*), кубан. *шоу* “служебное слово, выражающее побуждение, удивление”.

Шышхаууз (карач.) “едва ли; чёрта с два (как бы не так, ничего подобного)”. – *Шышхаууз этерсе сен аны* разг. «Чёрта с два ты это сделаешь!» [70,756]; каб. *сицхъэуэ* “едва ли, вряд ли; черта с два”. С точки зрения кабардинского языка слово имеет прозрачную этимологию: *си* “моя”, *щхъэ* “голова”, *уз* “боль”. Употребляется для выражения иронии, недоверия, скептического отношения к сообщению. Заимствование выявила Р.Х. Темирова и дала аналогичную этимологию [156,17]. Здесь наблюдается один из редких случаев заимствования целого выражения в виде отдельного слова. Замена начального *ш* шипящим *щ* произошла по причине ассимиляции из-за утери морфемного значения элемента *си* “моя”.

Varia

Аймуш – языческое божество у карачаевцев и балкарцев, покровитель домашних животных. Ср. каб. *Амыц* – бог животных и покровитель пасту-

хов. – Я дэ ди тхэу Амыш уи Гэцим и бэлыхыц сызылбахыэр – жицэц нарт Псыбдыэм, шыр иплэм кыдылгхыэри кьежэжэшац (Фольк.) «О наш бог Амыш, твоя скотина мне мешает, – сказал нарт Псабида, положил коня на свои плечи и отправился». *Нартхэ Амышыжэьри си псылхыхукэ, бэрэ кысылхыуами сыхуэмейкэ* (А.у., 216). «Амыш – из нартов – мой жених, сколько бы ни сватался, его не хочу»; адыг. *Амышь*. В адыгских языках встречается и форма *Емышц*. – *Емышц уащехуым зыфаторэмэ ащыцых* (К.Т., 42) «Это про таких говорят: «Да сохранит тебя от них Емыш!».

В адыгских нартических сказаниях часто упоминаются и другие божества языческого пантеона: *Тхьэгэлэдэж* “бог сельского хозяйства”, *Льэныц* “бог кузнечного ремесла (железа)”, *Псатхэ* “бог души (жизни)”, *Мзытхэ* “бог леса”, *Уащхуэ* “бог неба”, *Щыблэ* “бог молнии и грома” и др.

Гамижэ (карач.) пренебр. “ничтожество”, “гадость; гадкий” [173,141; 111,71]. – *Кет сен, гамижэ! – дейди жашчыкь тенгине* (КЪМТАС,577) «Уходи, ничтожество! – говорит мальчик своему сверстнику». *Гамижлене турма да, жолунга бар!* [70,182] «Не показывай свое ничтожество, иди своей дорогой!»; каб. (пренебр.) *гьуамэжэ* “ничтожество; гад, гадина; гадкий; гадость”. *Уэрэ дэрэ, гьуамэжэ, ди гьуэгу зыкьым, лэныкьэу зеггэзи нэхьыфц* (Дик. из.50) «Нам с тобой, гад, не по пути, посторонись-ка лучше».

Образовано от *гьуамэ* “дрянь, дрянной человек” [15,287], “противный, отвратительный, мерзкий (о человеке); тухлый (запах)” посредством пренебрежительно-увеличительного суффикса *-жэ*, восходящего к прилагательному *жы* “старый” (ср. *делэ* “дурак”, *делэ-жэ* “дурачина, дуралей”).

Данное слово в черкесских говорах употребляется для обозначения болота, топкого места, стоячей воды [146,108]. Производная основа *гьуамэ* употребляется с тем же значением (“гадость,гадкий, воноющий”). В шапсугском диалекте адыгейского языка стилистически окрашено: оно обозначает “запах”[73,285].

Горча, (диал.) *горца*, (уст.) *ворча* [70,160] “кизяк”. – *Эсимдеди, кьой горча, ачыкь жаньып кьалмай, мутхуз мыдых болуп турур эди* (КЪМТАС, 606) «Помню, овечий кизяк не горел, но жар его долго сохранялся». [Кьайырбек:] *бауда багушну кюрет, неда горчала туурап башлар* (Там же) «[Каирбек:] выгребал навоз в сарае или резал кизяк»; каб. *гуарцэ* “кизяк”. – *Гуарцэ мафлэм гьуэуэ ицл флэкла шейр кыгьавэтэжым* (Ю., №4, 1968, 3) «Костер из кизяка только дымил, чай не закипал». *Гуарцэ мафлэ тлэжури хузм-хумурэ зэхокьжэ* (Г.Хь., 367) «Медленно гаснет огонь из кизяка»; малк. *уарцэ* [183,125].

Этимология затуманена. В абхазском представлено близкое по звучанию и значению слово – *а-уац* “навоз”. А.Н. Койперс в кабардинском выделял элемент *цы* (*цэ*) “волосы, шерсть” [97,79], что представляется А.К. Шагирову правильным, полагая значение “ворсистый” [183,125; 188,109].

Гузаба “суета, хлопоты; волнение, беспокойство, тревога; скорый, спешный, срочный, торопливый”. – *Чомартбийланы итлери жокь эди, алай ол узунаякь кьызыл хоразлары уа, барабан таууиха телсеген этгенча, гузаба*

этип, гедеш тегерегинде ары-бери чаба эди (Шуёхлукъ, №10, 53) «У Чомартбиевых не было пса, но их длинноногий красный петух, засуетившись, бегал вокруг курятника, будто танцевал под аккомпанемент барабана». *Экеулен, чурукъ таууш эте, анга да къарамай, гузабаланып оздула* [45,36] «Двое, стуча сапогами, не обратив на него внимания, тревожно прошли». *Аланы бетлеринде таша гузаба эсленеди* (КъМТАС,614) «На их лицах заметна скрытая тревога»; каб. *гузавэ* “волнение, беспокойство, тревога”. – *Куэдрэ гузавэр цлэх жьы мэху* (Пс.) «Кто часто волнуется, тот стареет быстро». *Езыр къэгузэвауэ егупсысащ и адэ къэзыльхуам нэхьрэ мы хьыджэбзыр нэхь лъаплэу, нэхь гьунэгьуу къызэршльтэм* (М.Е.,279) «Про себя он с тревогой подумал о том, что эта девушка ему роднее и дороже, чем собственный отец».

В черкесских говорах сохранились значения “скорый, спешный, торопливый”. – *Догузавэри зым и лъэдакъэм нэгьуэщлър итклэу доклэур* (Б.Хь.,260) «Мы так торопимся, что идем, наступая друг другу на пятки». Видимо, кбалк. *гузаба* является старым заимствованием – ранее XVIII века. И для адыгейского соответствия (*гузажьу*) характерна многозначность: “волнение, беспокойство, тревога; спешка, торопливость” [9,38]. Адыгское *зэв/зэжьу* “тесный, узкий” входит в состав приводимого слова, придавая ему значение “тесниться, сжиматься”. В кабардинской форме слово заимствовано осетинским – *гуызавэ/гузава* “беспокойство, колебание”, *гуызавэ канын* “колебаться, беспокоиться” [2,1, 533; 24,14].

Данное слово в адыгских языках имеет отглагольное происхождение – *гузэвэ-н/гузэжьуэ-н* “беспокоиться тревожиться; спешить, торопиться”. В карачаево-балкарском образовывает производные формы – *гузабагьа алдыр* “вспокошить, переполошить”, *гузаба эт* “беспокоиться, тревожиться, суетиться”, *гузабадан къыр* “надоедать кому-либо шумом, излишней суетой”, *гузабаланышыргьа* “заспешить, засуетиться (о многих)”, *гузабаларгьа* “спешить, торопиться”, *гузабалат* “торопить”, *гузабалы* “встревоженный, тревожный”, *гузабалык* “спешка, спешность; торопливость”, *гузабасыз* “спокойный, неслешный, без суеты”, *гузачы* “человек, склонный волноваться, беспокоиться, тревожиться (часто по пустякам)” и др.

Гурушха “подозрение, сомнение” (балк.), “обида, упрёк” (карач). – *Жер юсюне чыкъды къурт эм къумурсха, Жай насынды десек, жокьду гурушха* (КъМТАС,623) «На земле появились червь и муравей, Нет сомнения, что лето – это счастье». *Керексиз гурушханы биосорейсуоз жарашыр* (Нарт сёз) «Легко обижающийся легко мирится». *Мен сени гурушхалы сёзконю ангьладым.* [70,192] «Я понял твой упрек». *Азретни Аслан бла къуш-муш этгенин кёргенли, биз ол сиз айтханны гурушхалы шиге санап турабыз* (КъМТАС,624) «С тех пор, как мы видели шушукание Азрета с Асланом, то, что вы говорили, нам кажется подозрительным»; каб. *гурыцхьуэ* “подозрение, сомнение”. – *Нэху къыттецхьэми, дыкьызтеуевыдэнужьым, ауэ бийм гурыцхьуэ едмыгьэцлфын цхьэклэ адклэ дызэркьхьэнур дыццурэц* (Лу., № 6, 1990, 12). «Если нас и застанет рассвет, останавливаться не будем, но тогда

мы будем перемещаться ползком (букв. то как будем перемещаться, (есть) ползая, чтобы не вызвать подозрения у врага)». *Зэныбжыэзгугэм и хьээм куэдэз гурыщгъуэм и жылэ хохуэри лъабжээншэ жыг кыццокI, кытыкIэм и зэфIэкIудыр кыхокI* (Б.С., 568) «На поле дружбы часто попадают семена сомнения, ложные всходы которых плодоносят яблоками раздора»; адыг. *гурыщгъу*. – *Гурыщгъо щыныр фэмыфыгъ* (А.гу., 64). «Подозрительность – признак слабости».

Данное сложное слово образовано соединением основ существительных *гу* “сердце” и *щгъуэ/шгъуэ* (исх. форма *шгъуэ*) “отрава, яд” при помощи аффикса *-ры-*, имеющего орудное значение. Кроме карачаево-балкарского, основа попала в абазинский и осетинский языки, ср. абаз. *гурышхуа* “смутная догадка, смутное подозрение; обида”, осет. *гуырысхо/гурусхуа, гурусхæ* “сомнение, подозрение”.

Гуа: *гуруша* - *гуа* (карач.) “обиды, упрёки”. Ср. каб. *гуауэ* “горе, скорби; обида, огорчение”. – *Сэ езым а си псэр гуауэм ехуз, си гур губжыым кыгъэзтлэ...* (М.Е., 313) «У меня самого сердце ныне полно скорби, а душа негодования...». *Къогуауэм шыгъу пIасткIэ егузэужэ* (Пс.) «Кто тебя огорчит, того и ты «огорчай» хлебом-солью (т. е. добром)». *ГуфIэгъуэ нэпсри нэпсц, гуауэ нэпсри нэпсц – тIури псэм кыпIоткIу* (Б.С., 532) «Слеза радости – слеза, слеза обиды – тоже слеза, но обе имеют один иссякаемый родник – сердце»; адыг. *гуау* [9,37] “тяжелый (обидный, оскорбительный), неприятный”. – *Хъонагъом нахы гуыцIэ гуаохэр нахъ щынагъох* «Тяжелые слова страшнее ругани».

Судя по всему, из *гу* “сердце” и основы глагола *уэ-н* “бить, ударить, ужалить, стрелять” – собственно “удар по сердцу”. Значение “обидеть” передается сочетанием *игу гуэн* букв. “по его сердцу ударить”. В идеосемантическом плане ср. абаз. *гасра* [4,133] “обида”, *агуы асра* “обидеть” (*гуы* – “сердце”, *асра* – “ударить”).

Гыжына – уменьшительно-ласкательное обращение старших к девушке. – «*От этчи, гыжына*», – *деди анасы кызына* (КЪМТАС, 627) «Гыжына, разведи огонь», – сказала мать дочери». «*Гыжына, былай келчи*», – *деп, чакъырды ынна къошшу кызыны* (Там же) «Доченька, иди сюда», – пригласила бабушка соседку»; каб. *пыжыныэ* (из *пыжъ* “плод терна” и *нэ* “глаз” – “терновидные глаза”) – ласковое обращение к черноглазым девушкам или девочкам, что воспринимается как “черноглазая”. – *И пыжыныэ цIыкIухэр игъэджэгъуу Шэдджэм адрыцIкIэ Адиху ныбжыыцIэ кыцымыхутауэ пIэрэ?* – *тыцым асыхъэтым игу къэкIыжащ Санэ и нэкIухъытIыр, ар езым игъэщIэгъузэжащ икIц, хыбар мыфэмыц кыхуахъа хуэдэ, абы щIэгъужьейкIащ* (М.Е., 302) «Не завелась ли на том берегу Чегема юная Адиху с терновидными глазами? – князь вдруг вспомнил личико Саны, удивился про себя и почему-то встревожился, будто ему сообщили неприятную весть».

Дыккы “нехватка, недостаток, дефицит; тесный (об одежде, обуви и т.д.); мало”. – *Ашарыкъ дыккы тIодю* «Недостатка в продуктах нет». *Элни*

жери дыккыды, алай малчыгыгы уа барды (КъМТАС, 702) «Земли в селе мало, однако скотина имеется». Бёрк меннге дыккыды [70,212] «Шапка мне мала»; каб. *tləkly* “незначительное количество, небольшое количество; немного, немножко, мало”. – *Ар сз нэхърэ тлэкүклэ нэхьыццлэщ* (Ш.Хь., 165) «Он немного моложе меня»; кубан. *tləkl*, мзд. *tləkl* [87, 130], адыг. *tləkly*. – *Пицы кчалэр тлэкүрэ егушысы, джэуап кьыритыжьыгь* (Кл.Т., 483) «Княжич немного подумал и дал ответ».

Слово представлено и в другие языки абхазо-адыгской группы, ср. абаз. *tləkly* [4,372] “незначительное количество, небольшое количество; немного, немножко”, абх. *tləkly*, убых. *tləkly* [183,93] “немного, немножко”. В диалектах кабардинского языка заднеязычный согласный *kl* подвергся делябилизации (*tləkl < tləkly*). «Обращает на себя внимание и то, что делябилизированный заднеязычный *kl* в слове *tləkl* “немного, немножко, мало” не палатализуется» [89,202].

Джэугьу/жэугьу “остаток, след чего (например, на стенках посуды)”. – *Имбашигыгь ун жэугьусун кьакь* [70, 255] «Ты стряхни муку с плеча». *Сют тегюлсе, жэугьусу кьалыр, суу тегюлсе, неси кьалыр* (Там же) «Если прольётся молоко, останутся следы, если прольётся вода, что останется?»; каб. *бжьыгь* “пятно (от жира, масла, керосина и т.п. на одежде, ткани)”. – *Орден, медаль шлэхэм зэ сехьуэсац: си клэстум нэхьыфлыуэм изгьэна бжьыгьэр цлхьумэн хуэдэу хэслуну* (Б.С.,452) «Однажды захотелось быть кавалером какого-нибудь ордена – чтобы им закрыть пятно на моем единственном выходном костюме»; адыг. *бжьыгь*.

Отпадение анлауного *б* объясняется тем, что в карачаево-балкарском согласные комплексы избегаются в начальной позиции. Прибавление конечного гласного объясняется нехарактерностью *гь* в ауслaute. В абазинский язык слово попало в виде *бжьыгьла* “пятно”.

Изеу (балк.) “толока, помощь (работа сообща в помощь кому-либо)”. – *Изеу жьыгьылган жердеде чамчыла, асыры кюлдюргенден, чеги тойдюрдиде* (Шуёхлукь, № 22, 22) «Там, где люди собираются на толоку, весельчаки смешат людей до изнеможения». *Маржанны бу ингирде Ёрюзмеклагьа изеуге жиберигиз деп эрттенликде келгендиде да, кече не изеу барды деп кьойганма* (КъМТАС, кь.ж.) «Утром пришли с просьбой прислать Маржан в дом Ёрюзмекла на толоку, но я сказала: «Какая толока ночью!» *Изеу кьызла да, от жагьада горен олтуруп, жюн тарайбыла* (Шуёхлукь, № 28, 80) «Девушки, собравшись на толоку, сидят у очага и чешут шерсть»; каб. *дзей* “супруга (создаваемое для совместной обработки земли); напарник”. – *Уив ллэри уи дзей ухэклъжастц* (Пс.) «Подох твой вол, и ты лишился напарника (артельщика)». *Кьэбурдейм и адрей цыгьлэхэми хуэдэу, мыбы вэпыр дзейуэ зэгуохьэри хэдэлъыкьуу, зым адрейм зыццлгьакьуэу, зы гьхьэр яухмэ, адрейм гьлхьуэу зэфлагьэкл* (М.Е.,198) «Здесь, как и во многих местах Кабарды, пахоту и жатву люди проводят в товарищеском единении, перебираясь с одного участка на другой дружной общиной». *Дзей хуэццлэ фьыццлэ хэлъкьым* (Пс.) «За то,

что совместно сделано, друг друга не благодарят». *Цыхухэм зыхуагъэхъэзыр зубгъуэ лэжсыгъэхэм: хэт къитхъ зрегъэзпц, хэти дзей мэлъыхъуэ.* (Гу., № 3, 1969, 50). «Люди готовятся к полевым работам: кто ищет борону, а кто напарника»; адыг. *цэй* (< *цэий*) “супруга”, шалс. *цэй* [73, 322] – название союза двух, трех семейств для совместной обработки земли.

«С наступлением весны кабардинские и балкарские крестьяне подготавлились к пахоте и севу. Хозяйства, не имевшие плуга и достаточной тягловой силы, объединялись в супруги (*дзей, изеу*). При этом один вносил плуг, другой – пару волов, третий шел в супругу поваром или погонщиком» [103, 11].

Отсутствие данного слова в других тюркских языках позволяет полагать, что оно проникло в балкарский язык из кабардинского. Отсюда и осет. *зу/зеу* “толока” [2, IV, 312], *азуу* [118, 25] “позвать на помощь”. Кабардинизмом должно считаться, видимо, и карач. *зеу* “совместно, вкупе [173, 97], объединившиеся”. Здесь же еще можно увидеть каб. *зыуэ* “в один голос, всем вместе, дружно; воедино [68, 138], совместно, вкупе, гуртом, в совокупности”.

Нэх, нох “зазноба; любовница”, “сноха, невестка” [70, 486]. Примикает к каб. *нэху* (*нэ* “глаз” + корневой элемент *-ху* “светлый, белый”) “свет, освещенное место”, “радостное, ясное выражение лица”, “свет, милый, любимый, зазнобушка (ласковое обращение женщины к детям или к любимому человеку)”.

Улха, улху, (балк.) *ултха, улутха* (диалектально встречается и в виде *кълутха*) “взятка, подкуп”. – *Атасына улутхагъа келген къойланы, къозуланы макъырған тауушлары Батталгъа, бююн кибик, эшитиледиле* (КЪМТАС, къ.ж.) «Бляние овец, ягнят, привезенных отцу в качестве взятки, Баттал помнит как сегодня». *Афеиди сакълайды бай адам ёлюрюн, тёре сакълайды улху келирин* (Нарт сёз) «Эфенди ждет смерти богатого человека, судья – взятку». *Улху берген – дауачы* (Нарт сёз) «Истец тот, кто дает взятку»; каб. *лълхъэ* “взятка”. – *Шэджемокъуэр кьригъэубыду судкIэ иригъэукIын патицIэ, полицэм лълхъэхэр яхуеш* (Т.Хь. 272) «С помощью взятки добивается, чтобы полиция поймала Шогомокова и суд вынес ему смертный приговор». *Лулхъэр драхъейуэ мыхъумэ, кьрахъэхуу хабзэкъым* (Б.С., 546) «У взятки одностороннее движение: снизу вверх»; черк. *лълхъэ* [154, 124] “взятка; кусок еды (на один укус)”, адыг. *лълхъ* “кусок, который кладется в рот”; *къуалхъэ* “взятка”.

Из *лу* “рот; отверстие” и глагольного корня *-лхъэ*, употребляемого только с превербами: *те-лхъэ* “положи (сверху)”, *гуэ-лхъэ* “положи (сбоку)”, *цIэ-лхъэ* “положи (вниз)”, *и-лхъэ* “положи (в углубление)”, *къуэ-лхъэ* “положи (позади, в углу)” и т.д. Преверб *лу-* (*лу-лхъэ*), восходя к именному корню *лу* “рот”, означает “спереди”. Значение “взятка” вторично в адыгских языках, первичное – “кусок еды в один укус”.

Ушкол, ушқула (балк.) – чучело теленка (шкуру павшего теленка набивают соломой и подставляют корове, чтобы вызвать у нее молокоотделение). – *Сакъ эжел къызыкъ башында ушқуланы учурганча, окъ акъ погонюпу атдан учурду* (КЪМТАС, къ.ж.) «Пуля свалила с лошади белопогонника, будто резким ветром сдуло чучело теленка с вершины кола». *Ибрахимины ушқула бла саудуруу-*

чу кёк ийнегин Дюгербийланы арбазгъа сюрдюле (Там же) «Серую корову Ибрагима, которая без чучела теленка не давала доить, пригнали во двор Дюгербия»; каб. *ихуэл* «вымя»; адыг. *ихол*; бжед. *ихуэл*. Семантический сдвиг в карачаево-балкарском объясняется назначением чучела. Фонетические изменения объяснимы: избегание согласного комплекса в начале слова.

Хабыла, хабла “квартал”. Представлено во всех западнокавказских языках, ср. каб. *хъэблэ*, адыг. *хъэбл(э)* “квартал (часть населённого пункта); селение, аул (когда выступает в составе сложных слов, обозначающих названия ряда адыгских аулов, напр., каб. *Къармэхъэблэ* “Кармовых поселение” – старое название каб. селения Каменноостское)”, абаз. *хъабля* “квартал”, абх. *а-хъабла* “село, квартал”, убых. *хъабл* “село, деревня” [182,136].

Хадагъа “горе, скорбь, печаль”. – *Жилхугъа къалдым, хадагъагъа къалдым, бир да манга жсарсыгъан адам болмады* (Фольк.) «Стала я плакать, печалиться, но никого это не растрогало». *Нартюх бюртюкле да, чирип къалабыз деп, хадагъа этгенча, жерден аз-маз эслене, атылып турадыла* (КъМТАС, къ.ж.) «Кукурузные зёрна, будто бояться сгнуть и сильно переживают, подглядывают из-под земли». *Къуршаланнган жаныуарча, хадагъалыкъгъа къалып, мен суу бойнуна айланып, Лаба таба тебиредим* (Шуёх-лукъ, № 5, 30) «Как окруженный зверь, я рыдаю, направляюсь в сторону Лабь»; каб. *хъэдагъэ* “обряд оплакивания покойника, плач по покойнику; место оплакивания”. – *Джэсду хъэдагъэм хэт дзыгъуэм худдэу, мэгүлэ* (Пс.) «Горюет, подобно мыши на похоронах кота». *Зым и хъэдагъэц, зым и нысангъэц* (Ш.Хь.,357) «У одного плач по умершему, у другого свадьба». *Уасэ зымылэр ялэцлэкIмэ, клэлIекIэ нэфу къащыхъуркъым, цай и мыуасэр яфIэкIуэдмэ, хъэдагъэ ирацIекI* (Б.С.,258) «Бесценная утрата часто и не чувствуется, а ценная пропая всегда вызывает рев»; адыг. *хъодагъэ*. – *Пыльагызу Джанчэрые ыналэ зытыридзагъэр чылэ горэм хъэдагъэм кфуагъэ* (КI.Т., 453) «Девушка, интересующая Джанчерия, поехала в аул оплакивать умершего родственника».

Сложное слово, образованное сочетанием существительного *хъэдэ* “труп, покойник” и глагольного корня *гъ/э* “плакать”, ср. *гъы-н* “плакать”, *те-гъэ-н* “оплакивать”.

Проникновению адыгского слова способствовала общность обряда оплакивания у адыгов и карачаево-балкарцев (оплакивание – обязательный обряд посещения женщинами дома покойника или родственников). «Языковые данные свидетельствует о том, что обряд оплакивания относится к глубокой древности. Адыг. *гъэйын* < каб.-черк. *гъэйын* (< гъы- “плакать” + йэ “беда, несчастье; зло”) “громко оплакивать покойника” входит в общеадыгский лексический фонд. Об архаичности и традиционности этого слова говорят фразеологизмы типа каб.-черк. *хъэдэр гъэйын* “быть неповоротливым, медлительным, стоять как истукан” (букв. “покойника громко оплакивать”), *хъэдэр зыгъейын* (*угъэй*) “да будь ты проклят” (букв. “чтобы ты громко оплакивал покойника”)» [94,32].

Хадауус “неприятный, негодный, проклятый, отвратительный, скверный”. – *Айхай, игид тар кёнчек, Темпей сюелип турсанг, Тынчлыкь бермейд хадауус, Тобукь бюгюн олтурсанг* (КЪМТАС, кь.ж.) «Конечно, хороши узкие брюки, если будешь стоять, не двигаясь. Но проклятые не дают покоя, когда садишься, согнув колени». *Аны /жаньгуарны/ хадаууслугуу, эришилиги адамны эжорегин титиретирчады* (Шуёхлукь, № 30, 19) «Исключительная скверность, безобразность, омерзительность. От его /зверя/ отвратительности сердце /человека/ может содрогнуться». [Саянт:] *Кьаллай мадар этейим?.. Дуулдагьанды да, бу хадауус-ха [Базарбийге] сёзюм ангылатырыкьса!* [Сапнят:] Что мне делать?.. Этот непутевый [Базарби] так заболтался, разве кто-нибудь поймет!». Несмотря на значительный семантический сдвиг, восходит к адыгск. *хьэдэ/лус/хьадэ/лус* “поминки, поминальная еда”; употребляемому иногда также со значением проклятия – *хьэдэ/лус ухьу* – “чтобы ты стал хьэдэ/лус”, переводимое на карачаево-балкарский как *хадауус бол*. Судя по всему, обряд поминовения также был одинаковым у предков карачаево-балкарцев и адыгов.

В данном слове прозрачно читаются два адыгских термина: *хьэдэ/хьадэ* “покойник, труп” и *лус* “корм, пища” – “пища покойника”. Эти корни входят в состав многих других сложных слов: каб. *хьэдацхьэ* “труп”, *хьэдэкьутицхьэ* “останки, прах, скелет”, *хьэдэджадэ* “вампир, вурдалак, привидение”, *хьэдэц/гальхьэ* “погребение”, *джэдлус* “корм для кур”, *хьэлус* “корм для собаки”, адыг. *хьадацхьэ, хьадэкьутицхьэ, хьадэджадэ, хьадэц/гальхьэ, чэтлус, хьэлус* и др.

Поминки обозначаются и арабским заимствованием *сэдэкьэ*. Однако от последнего не образуются производные слова. Термин *хьэдэ/лус*, видимо, связано с донсламскими языческими верованиями и является очень ранним заимствованием в карачаево-балкарском языке. Это слово встречается и в ногайском – *адавыс* (НРС, 26).

Халёх (балк.) “праздничная трапеза как приношение богу за что-либо”. Уже гласный ё (перед конечным согласным х) указывает на принадлежность слова к заимствованному фонду. Судя по всему, из кабардинского языка, ср. каб. *тхьэлъэ/лу* “религиозное празднество, праздничная трапеза как приношение божеству (с целью выпросить дождь, выздоровление больному и т.п.)”. Композит из *тхьэ* “бог” и *лэ/лу* “просьба”, ср. *лэ/луэн* “просить”.

Хайнуг, хайнух (балк.) “волчок, юла” [105,189]. – *Хайнух ура, эки жашчыкь келдиле* (МИБД, 66) «Пришли два мальчика, играя в волчок (гоняя, ударяя волчок)». *Жалан аякь, жалан баш Ашыкь ойнап туруучек, Кьызыл наздан хайнух ишлеп, Дууладатып сюркюучек* (КЪМТАС, кь.ж.) «Босоногие, с непокрытой головой, играли мы в бабки, сделал из красной пняхты юлу, гоняли их, заставляя гудеть»; каб. *чынхьэгуагуэ*, адыг. *чынхьэкуако* “подпрыгивающий волчок” [24,44]. – *Ныбжыи кьэмыуц/о/эжыбынэу атлуныцхьэ чынхьэкуаком фэдагь* «Был подобен юле, пущенной крутиться так, словно уже не суждено вовек остановиться».

На адыгской почве лексема получает надежную этимологию: *чыл/чыны, чынэ* “волчок, юла” + *хьэгуагуэ/хьэкуаку(э)* [171,117] “хохол, хохолок”. Осет.

кын/кин “волчок” признают усвоенным из адыгейского [2,1,606]. Адыгизмом (кабардинизмом) считается и абаз. *кьым* [24,44] “волчок, юла”.

Хапа-сапа: употребляется только с глаголом *эт* – “делать”: *хапа-сапа этерге* “натворить, привести в беспорядок”. – *Бугьоудан ычхынган итча, аллай бир жез кьонду, кьоида болганны хапа-сапа этди* (КЪМТАС, кь.ж.) «Как пес, сорвавшийся с цепи, поднялся такой ветер, который перевернул все». *Юйню! жьыгьанныгынга да не келсин, сабийле болганны хапа-сапа этедиле да кетедиле* (Там же) «Что толку от того, что ты прибрала дом, дети перевернули все вверх дном». Ср. каб. *хьэбэсабэ: хьэбэсабэ штын* “разнести что-либо в пух и прах”, адыг. *хьапэсапэ: хьапэсапэ шшыхьан* “разорвать на мелкие куски” [9,395].

С точки зрения адыгских языков в анализируемом слове выделяются два корня: *хьэбэ/хьапэ* и *сабэ/сап(э)* “пыль”. Первый компонент содержит часть второго компонента, но не имеет самостоятельного значения. Подобные лексические образования занимают значительное место в адыгских языках: каб. *ІэтыІэ-лъапыІэ*, адыг. *ІэтыІэ-лъапыІ* “бедно одетый” (*лъапыІэ/лъапыІ* «босой»); каб. *ІэцыІэ-мацыІэ* “немошный, хилый” (*мацыІэ* “малый”) и т.д.

В современном кабардинском языке слово чаще употребляется с обстоятельственным значением – *хьэбэсабэу* “вдребезги”: *тепыэчыр хьэбэсабэу кьутащ* «тарелка разбилась вдребезги». Основа же *хьэбэсабэ* сохраняется как производящая.

На адыгское происхождение карачаево-балкарской лексемы указывает Р.Х.Темирова [156,17]. С уверенностью можно отнести сюда абаз. *хьабаса-бата* [4,409] “вдребезги, на мелкие части”. Случайно ли созвучны осет. (диг.) *хаба-саба* “неряшливый; включенный, взъерошенный (о волосах, бороде, усах)”, тюрк. *каба-саба* [2,IV,130] “грубый, примитивный”?

Хауле “бездельник, бродяга; распутник, развратник”. – [*Харунну*] *нэгерлери хауле жолун кютдюле, келгенлей а жан-жаньндан тюртдюле* (Шуёхлукъ, № 64, 53) «Друзья [Харуна] ждали гуляку, а как только он пришел, стали его упрекать». *Бир хауле адам кьаз урлагьанды* (КЪМТАС, кь. ж.) «Некий бродяга украл гуся». *Эри хауле жюрюйдю деген ханарла Лизагьа жете турдула* (Шуёхлукъ, № 22, 112) «До Лизы дошли слухи, что ее муж ведет распутный образ жизни»; каб. *хьзулей* “бездельник, праздношатающийся, слоняющийся без дела, бесполезное времяпровождение; бродячий, бездомный, безнадзорный (о животных)”. – *Мо тыцлантэм дэт ди хьэжьрэ пэт луху ецлэр, зи мыхьуми хьзулей кьыдыхьэмэ, мэбанэр.* (Ю., № 6, 1996, 18) «Та собака во дворе и та занята делом: если заходит во двор праздношатающийся, то лает на него». *Хьзулейм щхьэхуиту зыкьыщыхьужынк!э мэхьу: щхьэгьэтыц!агьэщ* (Б.С., 160) «Праздному может показаться, что он свободен: заблуждение»; адыг. *хьаулей* “напрасный, тщетный, бесполезный”. – *Олымэлым хьауыеу кьуагьэм фэд* «Подобно тому, кто напрасно пошел в Олмал».

В первой части можно допустить хьэ “собака”. Во второй части (*улей*) как будто бы причастие от несохранившегося глагола *улеин* “кастрировать,

холостить” – “тот, кто кастрирует собак”; *сыт уз ниц|эхэр?* – *хьэ соулей* шути. “чем ты занимаешься? – собака кастрирую (т.е. бездельничаю)”. ”Этимологически и по значению ср. кбалк. ит бичиучо (*ит* “собака”, *бичиучо* от глагола *бичерге* “холостить, кастрировать”) “бездельник, праздношатающийся, лоботряс (букв. тот, кто кастрирует собак)”. Адыгейский дает ожидаемую форму – *хьаудый* с теми же значениями. Сюда же осет. *хьаудылы/хьаудыл* “бродяга”.

Хаух “взятый во временное бесплатное пользование; напрокат”. - *Хаух бермесем, мен антсыз, мен бергенча келтирмесенг, сен антсыз* (Нарт сёз) «Если не дам взаймы – я бесчестный, если взятое вернешь в плохом виде – ты бесчестен». *Хаух кийим кийсенг, тешерсе, хаух атха минсенг, тюшерсе* (Нарт сёз) «Найдешь чужое – надо будет снимать, сядешь на чужую лошадь – надо будет слезать». *Хаух берсенг, аманат этип берме* [70,709] «Одалчивая без наставлений». *Хаухха баргъан аскерни жолу болмас* (Там же) «Наемная армия победы не принесет»; каб. *хьэху* “вещь, предоставленная кому-либо во временное пользование; напрокат”. – *Вы хьэху кьозымытыным вы цэхун ухэгъэн* (Пс.) «Кто не хочет дать вола напрокат, тот помешает и купить его». *Хьэху кьэхь цы|э цхьэк|э хьэху хьыж цы|экъым* (Пс.) «Брать мастер, а отдавать – нет»; адыг. *хьафы*.

По всей вероятности, образовано от глагольной основы *хьы-хьэ*- “нести” с помощью временного суффикса *-ху*, того же суффикса, который используется в предикативных формах в значении “пока, пока не, до (какого-то времени)”, ср. *к|уз-ху* “пока пойдет”, *жейы-ху* “пока спит”, *л|э-ху* “пока умрет (до смерти)” и т.д.

Хьинап: *хьинапа этерге* (карач.) “искажать, извращать”. С точки зрения кабардинского языка слово имеет прозрачную этимологию: *хьей* “экскременты”, *напэ* “лицо, совесть”, но в речи жителей Кабардино-Балкарии не употребляется, а заменяется синонимом – *емык|у*. В закубанских диалектах и говорах кабардинского языка – общеупотребительное слово: белс. *хьенапэ* [28,109] “стыд, позор”, кубан. *хьайнапэ* [89,239] “позор, постыдное положение”, черк. *хьенапэ, хьэйнапэ* [154,70] “позорный, стыдный”, адыг. *хьайнапэ* “стыд, совесть, срам, позор”.

Хьины “сердитый, злой, грубый, грозный, свирепый”; *хьины эт* “грубить”: – *Мени кёрмегенимисе, ма ары анга* [Омаргъа] *айланып сёлеи!* - деп, *хьины этди Юзейир жашына* (Шуёхлукъ, № 41, 49) «Ты что, меня не видел что ли, говори, повернувшись к нему [Омару]! - сказал грубо Узейр своему сыну». *Арт кёжюуде сен бир хьины болгъанса* [70,715] «В последнее время ты стал очень сердитым». *Хьины сёз – башха кьазык* (Нарт сёз) «Грубое слово, что дубинка по голове». *Сафият, жашыны мудах халын эслеп, хьины этгенине сокъуранды* (КЪМТАС, кь.ж.) «Сафият заметила грустный вид парня и раскаялась за то, что сердилась на него»; каб. *хьуэн* “ругань, ругательство [186,96], брань, порицание, неодобрение, грубое замечание, выговор, нецензурное слово”. – *Хьуэн мац|эрэ, хьуэхьу куэдрэ цы|экъым* (Пс.) «Не бывает мало брани и много ласки». *Кьуэ|ейм адэ хьуэн кьылхуехь, лхьу|ейм анэ*

хъуэн къыиухехь (Пс.) «[Плохой сын – отцу позор, плохая дочь – матери позор]; адыг. *хъоны*.

Этимологически связано с глаголом *хъуэнэн* “сквернословить, материться”. В закубанских кабардинских говорах глагол *хъуэнэн* многозначен: “бранить, грубо отчитать, грубо лоричать, обругать, брюзжать, ворчать, выражаться нецензурно”, т.е. является частично синонимом слова *шхыдэн* “выражать недовольство (словесно), выговаривать”.

Чаха (балк. диал.) “каменистый, песчаный берег реки; безводное, песчаное место”. Фонетический рисунок данного слова сближает его с каб. *пшахъуэ* “песок; песчаный”, бесл. *пчыхъуэ*, адыг. *пшахъо*.

Основу Х.Ш. Урусов считает возможным членить на *пшэ* (< *псы*) “вода” и *хъуэ*- “тереть” [171,109]. Элемент *хъуэ*, по всей вероятности, этимологически связан с названием золы, а все слово может быть этимологизировано как “водная зола”.

Отпадение начального губно-губного *п* в карачаево-балкарском закономерна: она объясняется избеганием комплекса согласных в анлауте. Аффриката *ч* свидетельствует о раннем заимствовании. Общеадыгское *ч* без спирантизации сохраняется в бесленеевском диалекте кабардинского языка.

В адыгской лексике большое количество производных от этого корня: каб. *пшахъуэдджэд* “кулик”, *пшахъуэпль* “красный песок”, *пшахъуалъэ* “песчаное место, песчанник”, *пшахъуафэ* “песочный цвет”, *пшахъуаишэ* “наждак, наждачная бумага”, *пшахъуэху* “белый песок”, *пшахъуэци* “песчаное место; песчаная почва; пустыня”; адыг. *пшэхъочэт*, *пшэхъопль*, *пшэхъуалъ*, *пшэхъуаишэ*, *пшэхъуаишэ*, *пшэхъоф*, *пшэхъуац* “песчинка”, *пшэхъуаццэ* “черный песок” и др.

Шагырей, (балк. диал.) *шагырей* “знакомый”. – *Къыйын кезлуде жэши, шахарда шагырей ёколоне къагъыт жазып, ол адамны жиберебиле* (Шуёх-лукъ, № 80, 54) «В трудное время парень написал в город своему знакомому адвокату письмо, и этого человека отпустили». *Бир кёргенинг – таныш, экинчи кёргенинг – шагырей* (Нарт сёз) «Кого раз видел, того знаешь [в лицо], кого два раза видел, с тем знаком»; каб. *хэгъэрей* “знакомый, близкий дому, семье человек, проводник гостя, кунак, местный, хозяин”. – *Хэгъэрей бзаджэр сьт цыгъуи шуужьщ* (Пс.) «Коварный проводник всегда держится позади всадника». *Хьэццэ къафхэмэ, хэгъэрейр мэуфцэ* (Пс.) «Гость придет – хозяин рад»; адыг. *хэгъэрей* “человек, который заботится и ухаживает за гостем”.

Этимология в адыгском связана с обозначением “земли” – *хэ/хэгъэ*-, ср. *хэгъэ-гу* “страна, родина, край, регион (территория племени)”, *хэ-ку* “страна, государство; родина, отечество”, *лы-хэ* “родимая земля” (от *лы* “кровь” и *хэ* “земля”). *Хэгъэрей* этимологизируется как “тамошний; той земли, того региона”.

Начальный *ш* вместо чуждого тюркским языкам заднеязычного адыгского *х* характерен и для ногайского *шагырай*. Слово из адыгского распространилось и в другие соседние языки: абаз. *хагъэрей* “знакомый”, абх. *а-къагъэарыйа* [53,18] “посредник, сводня”, осет. *чегъре/кегъаре* [2,1, 592]

“проводник, слуга”. В ногайском слово приобрело значения “помощь, подмога” [155,53], что вытекает из функций *хэгээрей* – во всем помогать гостю, обслужить его, быть его представителем, ручателем.

Шибля, шыбыла “молния, гром”. – *Кече арасында, биймей тургъанлай, бир ачы хапар келгенди, ышара, кюле туруучу Халисге шибля тийип ёлгенди* (Фольк.) «В полночь неожиданно, пришла горькая весть: Халис, который всегда улыбался, умер от удара молнии». *Шаблядаи кьоркъгъан аллахны эсгерир* (Нарт сёз) «Кто грома пугается, тот бога вспоминает»; каб. *щыблэ* “молния, гром”. – *Жыгым щыблэ суащ* «Молния ударила в дерево»; черк. *шыблэ* [19,121] “гроза, молния”, адыг. *шыблэ*. – *Оцх зыщецхьрэм шыблэ щегъуагъо* (Гуш.) «Где дождь идет, там и гром гремит»; шапс. *чыбль* [73,323] “гром”.

В нартском эпосе *Щыблэ* “бог молнии и грома”. У кабардинцев бытовала пословица: *Щыблэ губжымэ, Уащхуэ зегъэпцкIу* – “Если Шибле разгневается, Уащхо (бог неба) прячется”. Элемент *-блэ* в слове *Щыблэ* восходит к глаголу *блэ-н* “гореть”. Допуская кабардинский источник, М.А. Хабичев приводит тюркские параллели, отдаленно фонетически сходные с *Шыбыла*, ср. таранч. *шамал* “ветер”, тур., крым.-тат. *шаматалы* “шумный”, тат. *шеуле* “заря”, чагат. *шемшек* “молния; дождь”, *шемшекле* “блеснуть”, шор. *шибелдей* “злой дух, живущий под землей”, кирг. *шамал* “ветер” [173, 137].

II. ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ АДЫГИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Адыгские и карачаево-балкарский языки являются членами разных генеалогических и типологических классификационных систем. Причем фонетическая система и фонологическая структура северокавказских языков значительно сложнее тюркской консонантной системы и фонологической структуры. При сопоставлении же вокальной системы наблюдается обратная картина. Карачаево-балкарский язык значительно богаче адыгских по вокальным единицам. Этот аспект различия не исчерпывается чисто количественной характеристикой. В функциональном плане гласные в карачаево-балкарском, как и в других тюркских языках, играют большую роль. «В отличие от некоторых тюркских языков, карачаево-балкарский язык долгое время находился в полной изоляции от родственных языков и, естественно, сохранил древнейшие черты, присущие тюркским языкам, и в то же время в результате внутреннего развития и интеграции с соседними иберийско-кавказскими /разрядка наша – В.У./ и иранскими (осетинским) языками приобрел некоторые специфические черты»[42,26].

Как видно из перечня адыгских заимствований, их фонетический облик подвергся значительным изменениям, что представляется вполне естественным, так как системные различия, существующие между сопоставляемыми языками, не могли существенным образом не отразиться на освоении единиц из более сложной системы более простой. Как показывает анализ языкового материала, некоторые заимствования фонетически изменились до неузнаваемости. Ср. кбалк. *гюлтемиш* “ось”, “стержень, на котором держатся колеса арбы”, каб. *гужъэмыж*; кбалк. *ханкешек* “одноконная повозка”, каб. *хъэмкIшыгу*; кбалк. *габу* “перхоть”, каб. *кхъапIэ*; кбалк. *санча* “дурашливый, рассеянный”, каб. *щхъэшиз*; *гокка* “цветок, узор, рисунок”, каб. *гуакIу* “приятный, симпатичный” и др.

Такое проникновение адыгизмов в карачаево-балкарский и другие соседние языки объясняется тем, что кабардинский язык некоторое время выполнял на Северном Кавказе роль лингва-франка. Ослабление влияния кабардинского языка произошло с переходом функции общения между горцами к русскому языку, что отмечено известным исследователем карачаево-балкарского языка А.Ж.Будаевым: «В связи с лексическими заимствованиями из кабардино-черкесского языка типа *адеж* “вести на поводу”, *хаух* “напрокат”, *хауле* “бродяга”, *хамух* “ленивый”, *либже* “соус, мясное рагу”, *эсицу* “припев”, *шибжеи* “перец”, *бужжукъ* “стропило”, *зифти* “особый вид шитья”, *кюф* “кузов”, *гёжеф* “борец” и другие, в карачаево-балкарском языке появились кабардино-черкесские звуки *ж*, *х*, *ф*. Однако ослабление взаимовлияния указанных языков в силу исторических обстоятельств, т.е. вхождение кабардинцев, балкарцев, карачаевцев и черкесов в состав России, лишило возможности проникновения этих звуков в фонемный состав карачаево-

балкарского языка, так как функцию общения между этими на родами постепенно начал выполнять русский язык» [41, 62] (разрядка наша – В.У.).

Кроме того, исследователь отметил такой существенный факт, игнорировавшийся другими исследователями карачаево-балкарского языка: “влияние кабардино-черкесского языка, как и осетинского, на карачаево-балкарский язык ограничилось обогащением его лексики и увеличением числа слов с ломаным сингармонизмом (разрядка наша – В.У.), например: *халек* “хаос”, *шагъырей* “знакомый”, *змина* “чума”, *хауле* “бродяга”, *гида* “плотничный топор”, *хызел* “дырявый мешок”, *адеж* “вести на по воду”, *герох* “револьвер” и др. [Там же, 62-63].

Научный анализ предусматривает обнаруживание закономерностей освоения единиц языка-источника заимствующим языком, а описание фонетических изменений каждой отдельной единицы представляет нагромождение малоценной в научном отношении фактов. Безусловно, освоение адыгизмов карачаево-балкарским языком подчиняется определенным правилам, обнаружение которых возможно при сопоставлении важнейших структурных особенностей обоих языков. “Одной из характерных особенностей карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, является взаимосвязь закономерностей строения слова и сингармонизма (подчеркнуто нами – В.У.), т.е. наличие некоторой закономерной зависимости между сингармонизмом и структурой слова” [42,26]. Выше мы отметили, что под влиянием кавказских языков (наряду с другими) карачаево-балкарский язык приобрел (по сравнению с тюркскими языками) некоторые специфические черты. Тем не менее, мы должны иметь в виду тот факт, что нарушение правил тюркского сингармонизма отмечается не только в карачаево-балкарском языке, но и в других, которые никогда не имели контакта с адыгскими, например, в уйгурском, о чем писал Э.Н.Наджиб: “В последнее время по ряду причин закон сингармонизма в уйгурском языке все больше и больше нарушается. Характерно в этом отношении присоединение к слову с гласным переднего ряда аффикса с гласным заднего ряда, например: *тил-гъа* “языку” [113,6].

Исходя из этого, мы вправе ожидать нарушение закона сингармонизма в карачаево-балкарских заимствованиях из адыгских языков. Но это нарушение обязательно не всегда. Не следует упускать из виду, что нарушение закона сингармонизма в карачаево-балкарском языке имеет место в отдельных исконно карачаево-балкарских словах. Нарушение небной гармонии гласных в исконно карачаево-балкарских словах встречается главным образом в балкарском варианте.

Нарушение небной гармонии отмечено в различных тюркских языках: турецком [136,15-16], казахском, киргизском [106,15], туркменском [124,45], тувинском [66,56]. Это должно предостерегать от далеко идущих выводов относительно исконности или неисконности карачаево-балкарских слов, основанных на факте нарушения принципа сингармонизма. В специальной ли-

тературе отмечено, что эти нарушения имеют неоднородный характер и отражают индивидуальные черты каждого из названных языков [42,29].

Под нарушением нёбной гармонии понимается употребление гласных переднего и заднего рядов в пределах одной словоформы. Как выглядят адыгизмы с точки зрения нарушения этой общетюркской структурной черты? Рассмотрим на примерах, отобранных наугад

<i>каб.</i>	<i>кбшлк.</i>
<i>абазэксъуей</i> “просвирник”	<i>абазакъоян</i> “мальва, просвирник”
<i>ашэху</i> “могар”	<i>ашюгю</i> “семена вениковой сорги”
<i>джэздгын</i> “чабер рыхлоцветковый”	<i>гедигин</i> “чабер рыхлоцветковый”
<i>цъэрыкӀуэ</i> “топинамбур”	<i>журка, чурко, чирко</i> “топинамбур”
<i>мэракӀуэ</i> “земляника”	<i>мароко</i> “земляника”
<i>бэръжъей</i> “бузина”	<i>мережия</i> “бузина”
<i>партыху</i> “кукуруза”	<i>партях</i> “кукуруза”
<i>хъэмкӀутӀей</i> “боярышник”	<i>хамӀутай</i> “боярышник”
<i>гублащӀхъэ</i> “облучок”	<i>губулушха, гублашха</i> “облучок”
<i>гурьгъ</i> “шхворень”	<i>гурух</i> “место соединения оглоблей в упряжке”
<i>гурӀхъэ</i> “задох арбы”	<i>гурӀха</i> “кузов повозки”
<i>гурӀху</i> “просорушка”	<i>гюх</i> “бревенчатая ступа”
<i>тажъдӀжэ</i> “сапетка для арбы”	<i>тажги</i> “сапетка для арбы”
<i>кӀэрахъуэ</i> “револьвер”	<i>герох</i> “револьвер, наган”
<i>мэшыкъуэ</i> “вид ружья”	<i>мечукъа, муджукъа</i> “вид ружья”

Из пятнадцати примеров в пяти (*ашюгю, партях, тажги, мечукъа, герох*) нарушен принцип нёбной гармонии.

В отличие от некоторых тюркских языков, в карачаево-балкарском языке имеет место слабое проникновение губной гармонии и четкое проявление нёбной гармонии. Судя по имеющимся тюркским источникам, нечто подобное отмечается в некоторых тюркских языках, например, в азербайджанском [18,6], кумыкском [56,19]. В.А.Богородицкий писал о постоянстве нёбной гармонии и непоследовательности губной гармонии [36,4]. По этой причине при сопоставительном изучении тюркских языков с другими языками мало внимания обращают на нарушение или влияние губной гармонии. Здесь мы постарались учесть влияние этого проявления сингармонизма. В слове *ашюгю*, хотя нёбная гармония нарушена, отмечается проявление губной гармонии. Узкий ю во втором слоге передает лабиализованность последующего согласного в языке-источнике – *ашэху*; а конечный ю – результат соблюдения губной гармонии, ибо не зависит от лабиализованности предыдущего согласного, ср.: *журка* “топинамбур”, *партях* “кукуруза”, *герох* “револьвер”, *мечукъа* “вид ружья”. Как правило, лабиализованность адыгского согласного отражается на предыдущем гласном карачаево-балкарского языка. Появление же последующего гласного – результат проявления губной гармонии: *мароко* “земляника”, *чурко* (диал.) “топинамбур”, *чукубаста* “рассыпчатая каша из

лшена”, *гуруиха* “подозрение” и т.д. Однако не всегда соблюдается небная гармония: *гузаба* “беспокойство, волнение, тревога; торопливый”, *хадаус* “неприятный, негодный”. Нередко в языке-источнике нет момента лабиализации, а в карачаево-балкарском заимствовании губной гласный появляется из-за соблюдения губной гармонии: каб. *лульхэз*, кбалк. *уиху* “взятка”, каб. *гурумыкь*, кбалк. *гурмухь* “грубый, капризный”, каб. *бжэзгу*, карач. *бужжох* “кол”, каб. *бгыкьту/бжсыкьту*, балк. *буужукь* “балка (на крыше)” и т.д.

«Иноязычные слова, вошедшие в лексический фонд карачаево-балкарского языка с сохранением их звуковой оболочки, также не подчиняются закону гармонии гласных..., основной тюркский пласт лексики карачаево-балкарского языка строго подчиняется закону сингармонизма»[42,30-31].

Говоря о фонетическом освоении адыгизмов карачаево-балкарским языком, мы должны соотнести адыгские заимствования с некоторыми закономерностями, установленными в карачаево-балкарском языке. Так, «в силу дифференциальных признаков широкие губные гласные *o, ё* употребляются только в первом слове, что до некоторой степени ограничивает их употребление и приводит к ослаблению губной гармонии. Однако закон губной гармонии сохраняет свою силу на узкие губные *у, ю*» [Там же]. Каким образом отмеченная закономерность отражена в адыгских заимствованиях? Рассмотрим это на следующих примерах.

каб.

ашэху “могар”
тхэзъэу “праздничная трапеза”
цъэркьхуэ “топинамбур”
кьуцхьэмьнх “мушмула”
гудэз “спица (колеса)”
гурызь “шкворень”
гулхэ “задок арбы”
гульэмыж “ось (арбы)”
ужьэгъэ “просорушка”
гуацэ “госпожа”
гуацэнысэ “княгиня-сноха”
знуэхъэн “господин”
кьэрэхъуэ “револьвер”
гуэгуи “индейка”
хуарэ “породистая лошадь”
гуахуэ “приятный, красивый”
гулэ “глупый”
гурумыкь “капризный, упрямый”
мыдахэ “некрасивый, неприятный”
хуэмыху “ленивый, увалень”
буданэ “нитка”

кбалк.

ашогуэ “семена вениковой сорги”
халэх “праздничная трапеза”
журка, чурко “топинамбур”
кьуцхамыш “мушмула”
гуза “спица (колеса)”
гурух “шкворень”
гулха “кузов арбы”
гултемыш “ось (арбы)”
узгъа “ручная мельница”
гоша “госпожа”
гошанса “хозяйка, госпожа”
жюйюсхан “господин”
гёрох/герох “револьвер”
гогуи “индейка”
хора “породистая лошадь”
гокка “цветок, узор, рисунок”
гула “глупый, тупоумный”
гурмух “грубый, невежливый”
мудах “грустный, тоскливый”
хомух “ленивый, лодырь”
кьудана “суровая нитка”

сэнджэху “подшивка, оборка”
кхъанлэ “перхоть”
кхъуэйжъанхъэ “национальное блюдо”
зуарцэ “кизяк”
зузвэ “беспокойство, тревога”
зурыцхъуэ “подозрение”
бжыгъэ “пятно”
сичхъэуэ “едва ли, черта с два”
бгыкхъу “балка (потолочная)”
кӀапсэрыкхъуэ “канатоходец”
гуацӀафӀэ “силач”
лэгъуэпэжъэ “старший чабан”

санжох “оторочка, оборка”
габу “перхоть”
къояжъанхъа “национальное блюдо”
горча “кизяк”
зузаба “беспокойство, хлопоты”
зурушха “подозрение”
джуэгъу/жугъу “след”
шышхъауэ “едва ли”
бужукъ “продольная балка на крыше”
гепсоркхъа “циркач, акробат”
гацоф (диал.) “силач”
логълеш “старший чабан”

С нарушением отмеченного правила (употребление губных гласных широкого раствора о и ё в нена начальном слоге) заимствованы следующие единицы: *халэх* “праздничная трапеза”, *чурко* “топинамбур”, *гэрох/герох* “револьвер”, *санжох* “оборка”, *гепсоркхъа* “циркач, акробат”, *гацоф* (диал.) “силач”. Это нарушение вызвано тем, что носители языка стремились сохранить элемент лабиализации, характерный для адыгского согласного, путем лабиализации предыдущего гласного. Место последнего в слове зависело от положения лабиализованного согласного, не знавшего позиционного ограничения. Появление губных гласных широкого раствора вызвано нахождением после адыгского лабиализованного согласного гласного широкого раствора: открытый гласный может предшествовать лабиализованному согласному: *сэнджэху*, *кӀапсэрыкхъуэ*, *кӀэрахъуэ*. Если гласное окружение адыгского лабиализованного согласного было более менее узким, в карачаево-балкарском это отражалось с помощью узких гласных. Ввиду позиционной неограниченности узких гласных нарушение губной гармонии не приводило к нарушению какого-либо иного правила, кроме общеизвестного правила сингармонизма: *ашюгю* “семена вениковой сорги”, *чурко* “топинамбур”, *кхъушхамии* “мушмула”, *гуза* “спица (колеса)”, *гурфа* “кузов арбы”, *гула* “глупый”; встречаются случаи соблюдения губной гармонии: *чурко*, *гурух*, *гогуш*, *гурмук*, *хомух*, *жугъу*. Это отчасти вызвано стремлением сохранить элемент лабиализации согласного языка-источника. Но последнее не столь обязательно, чтобы детерминировать сохранение губной гармонии. В карачаевском варианте *джурка* “топинамбур” нарушается губная гармония, а в балкарском варианте *чурко* она сохраняется, хотя в языке-источнике это слово имеет всего один лабиализованный согласный – *щӀэрыкхъуэ*.

Судя по некоторым примерам, соблюдение губной гармонии происходит в тех случаях, если заимствуемое слово в основном содержит гласные узкого раствора (вокруг лабиализованного согласного): каб. *гурымукъ* “несговорчивый, капризный”, кбалк. *гурмук*, каб. *бгыкхъу/бжыкхъу* “балка (потолочная)”, кбалк. *бужукъ*, каб. *гурыгъ* “шкворень”, кбалк. *гурух* и т.д. При от-

крытости гласного окружения лабиализованного согласного в заимствованиях, как правило, губная гармония не соблюдается: каб. *kxʔantʂ* “перхоть”, кбалк. *габу*, каб. *гуарцэ* “кизяк”, кбалк. *горча*, каб. *гузавэ* “тревога, беспокойство”, кбалк. *гузаба*, каб. *гуацлафтэ* “силач”, кбалк. (диал.) *гацоф*, каб. *гуацэ* “княгиня, хозяйка”, кбалк. *гоша*, каб. *хуарэ* “породистая лошадь”, кбалк. *хора*, каб. *гуаклуэ* “красивый, приятный, симпатичный”, кбалк. *гокка*.

В специальной литературе отмечено, что нарушение гармонии гласных в тюркских языках вообще, и карачаево-балкарском в частности, происходит из-за иноязычного влияния, а также под влиянием внутренних процессов [Там же, 34]. Убывание губной гармонии, скорее всего, зависит от внутриязыковых процессов. Во всяком случае, адыгское заимствование не влияет на процесс убывания губной гармонии, так как стремление восполнить момент лабиализации адыгских согласных в карачаево-балкарском отражается на гласных, лабиализуя их, что, на наш взгляд, расширяет материальную базу губной гармонии.

Нарушение принципа сингармонизма принято отмечать в системе функционирования гласных, что вряд ли правомерно, если исходить из положения, что “факты карачаево-балкарского языка свидетельствуют о том, что гласные и согласные слова взаимно гармонируют и одновременно являются или палатализованными или веляризованными” [Там же, 35]. По мнению А.Ж.Будаева, в карачаево-балкарском языке велярные *кь* и *гь* не принимают в этом участия или они принимают ограниченное участие в сингармонизме [Там же]. Несколько иного мнения придерживался А. Н. Поцелуевский, согласно теории которого “согласные, имеющие два варианта своего произношения (*к-кь*, *г-гь*), тоже принимают участие в сингармонизме, а именно, средненёбные *к* и *г* встречаются в словах с гласными переднего ряда, а задненёбные *кь* и *гь* слышатся в словах с гласными заднего и среднего ряда” [124, 8].

Как нарушение правил сингармонизма должно быть расценено употребление переднеязычных после *кь* и *гь* и употребление заднеязычных гласных после *к* и *г*. В карачаево-балкарском языке представлены примеры употребления заднеязычных гласных после *к* и *г*, в том числе и в таких словах, происхождение которых не определено, например: *как* “мамалыга”, *гатий* “обувка”, *гара* “нарзан”, *гумух* “тупой” и т.д. Нарушение сингармонизма аналогичного типа отмечается в некоторых адыгских заимствованиях: *чурко* “топинамбур”, *мароко* “земляника”, *гублашха* “облучок”, *эза* “слица (колеса)”, *гуфха* “кузов арбы”, *гоша* “госпожа”, *шюк* “ружье”, *гогуш* “индейка”, *гыдыу* “кошка”, *гокка* “цветок, узор, украшение”, *гула* “глупый”, *гурмук* “грубый, невежливый”, *кашеуек* “массовый танец”, *габу* “перхоть”, *галлау* “круглая кукурузная лепешка”, *ушкубаста/чукубаста* “рассыпчатая каша из пшена”, *гамиж* “ничтожество”, *горча* “кизяк”, *гузаба* “тревога, волнение”, *гурушха* “подозрение”, *дыккы/тыккы* “нехватка, дефицит”, *гыбы* “паук”, *гыты* “лачуга”.

Можно с уверенностью сказать, что в нарушении сингармонизма, определяемого по нейтрализации чередования г-гь, к-къ в карачаево-балкарском языке, адыгские языки сыграли заметную роль: частотность употребления г и к увеличилась в ущерб частотности вариантов гь и къ.

Простое сопоставление количественного состава гласных или согласных адыгских и карачаево-балкарского языков приводит к убеждению, что единицы консонантной системы адыгских языков нелегко передать с помощью имеющегося в карачаево-балкарском языке состава согласных, так как наиболее бедная из адыгских консонантная система кабардинского почти в два раза превышает по количеству единицы консонантной системы карачаево-балкарского (25 единиц по А.Ж.Будаеву или 33 по У.Б.Алиеву).

Карачаево-балкарский язык, как и все остальные тюркские, не имеет как лабиализованных согласных, так и смычно-гортанных. Естественно, без соответствующей субституции здесь не обойдется. Хотя нет лабиализованных согласных в карачаево-балкарском, момент лабиализации передается за счет лабиализации предыдущего или последующего гласного звука: каб. *абазэкхъуей* “мальва, просвирник”, кбалк. *абазакъоян*, каб. *ашэху* “могар”, кбалк. *ашюгю*, каб. *цлэрыклуэ* “топинамбур”, балк. *чурко*, каб. *кьуэжэ* “побег, поросль”, кбалк. *кьош*, каб. *цолэху* “порода лошадей”, кбалк. *шаулх*, каб. *нэхуцлыкы* “милый, милая (ласковое обращение старшего к младшему)”, балк. *нэхлук* и т.д.

Это вполне естественно, так как по количеству гласных карачаево-балкарский значительно превосходит адыгские – восемь единиц [42,61] против трех в адыгских [92,43]. Богатство вокалической системы карачаево-балкарского языка в той или иной форме компенсирует бедность консонантной системы. Для сохранения звукового облика адыгских слов карачаево-балкарский прибегает к гласным.

Однако в некоторых случаях карачаево-балкарские заимствования не отражают лабиализованность согласных в исходных адыгских формах: каб. *хэмклэшыгу* “однокопная повозка”, кбалк. *ханкешек*, каб. *хьурейтI* “возглас, которым погоняют овец”, кбалк. *хирейт/хрейт*, каб. *кьуй* “паршивый, плешивый”, кбалк. *гьыйы* “парша, гной”, каб. *гьуамэжэ* “ничтожество, гадкий”, кбалк. *гамижэ*, каб. *тлэкы* “немного”, кбалк. *дыккы/тыккы*, каб. *хьуэн* “ругательство, нецензурное слово, выговор”, кбалк. *хыны* “сердитый, злой, грубый”, каб. *тиахьуэ* “песок, песчаный”, балк.(диал.) *чаха*.

Как и остальные тюркские языки, карачаево-балкарский язык избегает стечения согласных, особенно в начальной позиции. Нарушение этого правила обычно отмечается в иноязычных словах. В русских и интернациональных заимствованиях в школьной практике соблюдается подгонка под правописание языка-источника, но в живой речи подобные слова подвергаются изменениям (протезирование, эпентеза). Больше всего устному влиянию подвержены адыгские элементы, употребляемые без соотнесения с эталоном языка-источника. В языковом сознании они воспринимаются как исконные и под-

вергаются различным модификациям, соответственно с правилами языка в них отражаются и диалектные особенности.

Как правило, адыгские слова с начальным звукокомплексом из-за протезирования (или эпентезы) в карачаево-балкарском увеличивают количество слогов.

<i>каб.</i>	<i>кбалк.</i>
<i>ихъы</i>	<i>быхы</i> “морковь”
<i>трамэ</i>	<i>тырам</i> “порода лошадей”
<i>бжэзгъу</i>	<i>буджох</i> “кол, столб”
<i>бжыкъу/бжыкъу</i>	<i>бужукъ</i> “продольная балка на крыше”
<i>икъо</i>	<i>быкъы</i> “ствол (для хозяйственных нужд)”
<i>ихун/астэ</i>	<i>ушукбаста</i> “рассыпчатая каша из пшена”
<i>ихонч</i> (адыг.)	<i>ушук</i> “ружье”
<i>ихъны</i>	<i>ушхууур</i> “пища, еда; ужин”
<i>ихуэл</i>	<i>ушхула</i> “чучело теленка для вызывания у коровы молока”

Как показывают наблюдения над адыгскими заимствованиями, начальные стечения согласных преодолевались и с помощью отбрасывания одного из компонентов согласного комплекса, например: каб. *тцафлэ* “повар”, кбалк. *шана* “повар”, каб. *тиахъуэ/пчакъуэ* “песок, песчаный”, балк. (диал.) *чаха* “песчаный”, каб. *бжыгъэ* “пятно”, кбалк. *джугъу/жукъу* “след”, каб. *тхъэлъэ/у* “праздничная трапеза”, балк. *ханэх* “праздничная трапеза”, каб. *тхъурымбей* “сладкое национальное кушанье”, кбалк. *хурбай* “маленький чурек”, *тхъэмадэ* “тамада”, *тамада/тамата* “тамада”.

Наблюдения над адыгскими заимствованиями показывают, что карачаево-балкарский язык избегал стечения согласных не только в начале слова, но и в других позициях, например: каб. *хъэнтхъуэ* “суп”, кбалк. *хантус* “суп”, каб. *джэдгын/гъэдгын* “чабер рыхлоцветковый”, кбалк. *гедигит* “чабер рыхлоцветковый”, каб. *хъэкъыриш* “сурепка”, балк. *мыкъыриш* “растение со съедобными корнями”, каб. *шыбжгай* “перец”, кбалк. *шибижси/чибижси* “перец”, каб. *къуиэхъмыших* “мушмула”, балк. *къуишамши* “мушмула”, каб. *цыблэ* “гром”, кбалк. *шыбыла* “молния”, каб. *лыбжэ* “соус мясной”, кбалк. *шибижсе/шибижсе* “блюдо из курятины или мяса в белом соусе”. В некоторых случаях в подобных позициях отмечается сохранение комплекса согласных, например: каб. *къуейжъсатхэ* “блюдо из сметаны и сыра”, кбалк. *къояжсатха* “блюдо из сметаны и сыра”, каб. *клатэрыкхуэ* “канатоходец”, кбалк. *гетсоржэ* “циркач, акробат”, каб. (бесл.) *зэитхэ* “овес”, кбалк. *зынтхы* “овес”, каб. *лыбжэ* “соус мясной”, кбалк. *либжса/либжсе* “блюдо из курятины или мяса в белом соусе”, каб. *гублаирхэ* “облучок, козлы”, кбалк. *губланха* “деталь арбы” и т.д.

Фонетической системе карачаево-балкарского языка чужды так называемые смычно-гортанные (абруптивные) звуки, свойственные всем автохтонным языкам Кавказа. При фонетическом освоении адыгских слов кара-

чаево-балкарский язык заменил эти звуки в основном глухими коррелятами, в меньшей степени – звонкими.

пІ

каб. *пІастэ*
каб. *ихунпІастэ*
каб. *кхьапІэ*
каб. *пІкьэ(пкьэ)*

кбалк. *баста* “пшеница или рисовая каша”
кбалк. *чукубаста* “рассыпчатая каша из пшеницы”
кбалк. *габу* “перхоть”
кбалк. *быкьэ* “ствол (для хозяйственных нужд)”

фІ

каб. *пцѣфІэ*
каб. *кьыфІцІэ*
каб. *гуѣцІѣфІэ*

кбалк. *шапа* “повар, кашевар”
кбалк. *кьыфца* “слива”
кбалк. *геджеб/геджеф, гацѣф* “борец, силач”

тІ

каб. *тІэкІу*
каб. *тІахьсэ/тІасхьэ*
каб. *хьэмкІутІей*
каб. *тІэхьу/тІэхьуэ*
каб. *хьурейтІ*

кбалк. *дыккы* “немного, мало”
кбалк. *тахса/такса* “секрет, тайна”
кбалк. *хампугтай* “боярышник”
кбалк. *тох/тэх* “обращение к овцам”
кбалк. *хрейт* “возглас, которым погоняют овец”

кІ

каб. *кІэрахьуэ*
каб. *кІэтхын*
каб. *хэдькІ*
каб. *хьэмкІэшыгу*
каб. *кІапсэрыкІуэ*
каб. *кІыпхьэ*

кбалк. *герох/керох* “револьвер”
кбалк. *гедхин/гедхин* “фартук”
кбалк. *хедик* “вышивка”
кбалк. *ханкешек* “одноколенная двухколесная арба”
кбалк. *гепсоркьа/капсорка* “циркач, акробат”
кбалк. *гедьха* “тавро, штамп; метка на коже(животных)”

цІ

каб. *пэхуцІыкІу*
каб. *кьыпІцІэ*
каб. *мацІэ*

кбалк. *нэхцук* “милый, детка”
кбалк. *кьыфца* “слива”
кбалк. *мадъса, маца* “саранча”

Встречаются единичные примеры замещения шипящим ч свистящего абруптива цІ: каб. *мацІэ*, балк. *мача* “саранча”. Отмечается замена шипящим звуком адыгского свистящего необруптивного звука: каб. *згьухьэп* “господин”, кбалк. *джэпюсхан/жэпюсхан*. Следует отметить, что замена свистящего согласного шипящим не соотносима с какими-то внутренними закономерностями карачаево-балкарского языка. Что касается замены шипяще-свистящих адыгских согласных другими, это объясняется отсутствием в фонетической системе карачаево-балкарского языка соответствующих согласных. По этой причине они замещаются то шипящими, то свистящими звуками: каб. (черк.) *жьгьыр* “скала”, кбалк. *жьгьыр/зыгьыр* “каменная россыпь (в горах)”, каб. *хьыжьей* “небольшая сетка”, кбалк. *хьыжен* “дырявый мешочек”, каб. *бэрэжьей*, балк. *мережия* “бузина”, каб.

тажьджэ, балк. (диал.) *тажги* “сапетка для арбы”, каб. *ужьгъэ* “просорушка”, кбалк. *узгъа* “ручная мельница” и т.д.

Замена абруптивного фарингального звука **кьI** (орфографический **къ**) неабруптивным глухим этого ряда закономерна: каб. *къIитхъ* (кьитхъ), балк. *кьыйтхы* “борона”, каб. *къIыцIэ/къIыфцIэ* (кьыцIэ/кьыфцIэ), балк. (диал.) “слива”, каб. *адакъIэ* (адакъэ), балк. *адакъа* “петух”, каб. *къIафэ* (къафэ), кбалк. *къапа/къафа* “кафа”. Однако замену среднезычного **кIу** фарингальным **кь** трудно объяснить определенными закономерностями. На первый взгляд кажется, что это зависит от сингармонизма: заднеязычное гласное окружение, казалось бы, требует замены ряда **к** на ряд **кь**, но такая замена не всегда отмечается: каб. *цIопцакIуэ* “ритуальная игра, устраиваемая в помещении, где лежал раненый или больной с переломом кости”, кбалк. *шепшокъа* “название игры, где изображается больной с переломом или роженица”, каб. *кIапсэрыкIуэ* “канатоходец”, балк. *гепсоркъа* “циркач, акробат”, но каб. *мэракIуэ* “земляника”, балк. *мароко* “земляника”, каб. *гуакIуэ* “приятный”, карач. *гакка* “цветок, узор” и т.д.

Разнообразны субституты к специфическому адыгскому абруптивному спиранту **щI** > **ш**, **ждж**, **ч**, **ц**: каб. *гуацIафIэ* “силач” > балк. *гэжеф/гацоф*, карач. *гэджеб* “борец, силач”, каб. *цIэрыкIуэ* “топинамбур” > балк. *чурко/чирко*, карач. *джурка* [70,259] “топинамбур”, каб. *цIопцакIуэ* “ритуальная игра, устраиваемая в помещении, где лежал раненый или больной с переломом кости” > кбалк. *шепшокъа* “название игры, где изображается больной с переломом или роженица”, каб. *цIегъуэжын* “сожалеть, передумать” > балк. *чогъожлан* “сожалеть”, карач. *джугъож бол* “сомневаться, усомниться”.

Такое разнообразие субститутов объясняется не трудностью произношения этого специфического согласного звука для неадыгов. Прежде всего, как нам кажется, это связано со своеобразной историей этого звука. В трудах Ш.Б.Ногма, написанных в первой половине прошлого века, отмечается непоследовательность в его использовании: употребляется то **щI**, то **чI** [см.116]. Как показали сравнительно-исторические исследования по фонетике адыгских языков, абруптив **щI** в одних случаях в кабардинском восходит к шипящему спиранту **чI**, а в других – к общеадыгскому **щI** [92, 201], что хорошо прослеживается по кабардинско-адыгейским соответствиям: каб. (черк.) *цIапцэ*, адыг. *цIапшьэ* “ритуальная игра около постели больного (с переломом кости)”, каб. *гуацIэ*, адыг. *кIуачIэ* “сила, мощь”, каб. *тIоцI*, адыг. *тIоцы* “двадцать”, каб. *щIэн* “знать”, *щIын* “делать”, адыг. *щIэн* “знать”, *щIын* “делать”, каб. *тIфы*, адыг. *тIфы* “десять”.

Разнообразие карачаево-балкарских субститутов является отражением разновременности заимствования слов с согласным **щI** из кабардинского языка.

Замена шипяще-свистящего спиранта шипящей аффрикатой в карачаево-балкарском языке является отражением более старых кабардинских норм произношения. Этот факт не единичный, есть и другие примеры отражения в карачаево-балкарских заимствованиях старых норм произношения, зафиксиро-

рованных в записях прошлого века. Это прежде всего заметно по заднеязычным “субститутам” г, к вместо шипящих аффрикат в кабардинском: каб. *джэдгын* “чабер рыхлоцветковый”, кбалк. *гедигин*, каб. *к'эрагхуэ* “револьвер”, кбалк. *керох/герох*, каб. *тажьдджэ* “сапетка для арбы”, балк. *тажги*, каб. *джэдхьурсанэ* “паслен”, кбалк. *гедухсана*, каб. *бэдж* “паук”, кбалк. *гыбы/губу*, каб. *к'рихын* “фартук”, балк. *гэфхин/гепхин*, каб. *к'апсэрык'луэ* “канатоходец”, балк. *гепсорк'ба* “циркач, акробат”.

В адыговедении общепризнано мнение о первичности заднеязычных г, к, к' по отношению к шипящим аффрикатам [92, 185]. Лишнее доказательство этому представляют карачаево-балкарские заимствования. То же самое можно сказать о замене кабардинских шипящих спирантов ж, ш: каб. *бжэгьу* “кол”, карач. *бужож*, каб. *мэшык'уэ* “вид ружья”, кбалк. *мечук'ба*, каб. *шагьдий* “чистокровная кабардинская порода лошадей”, кбалк. *чагьдий* “тонконогая”, каб. *ашэху* “могар”, кбалк. *ачюгю* “зерновые отходы”, каб. *тиахуэ* “песок”, балк. *чаха* “песчаный (берег)”.

Соответствующие аффрикаты сохранены бесленеевским диалектом кабардинского языка [28, 24-25]. Шипящие спиранты восходят к шипящим аффрикатам [см. 127]. Таким образом, карачаево-балкарские заимствования отражают более ранние кабардинские формы. Аффрикатные субституты в карачаево-балкарских заимствованиях не обусловлены какими-то внутриязыковыми закономерностями, а сохраняют нормы старокабардинского произношения. В этом плане данные карачаево-балкарского языка представляют немаловажный интерес с точки зрения исторической фонетики кабардинского языка. Если быть точнее, аффрикаты дж и ч в карачаево-балкарских заимствованиях вместо кабардинских спирантов ж и ш не следует квалифицировать как субституты, ибо они отражают старые нормы кабардинского, а не замену отсутствующих в фонетической системе заимствующего языка звуков.

Появление гласного ауслата в карачаево-балкарских заимствованиях из адыгских может иметь двойное объяснение. В одном случае оно может быть объяснено нехарактерностью для карачаево-балкарского ауслата с тем или иным согласным, например, шипящего *лс* и др. В другом случае это можно объяснить сохранением в карачаево-балкарском языке старых общеадыгских норм полногласия, утерянного кабардинским и сохраненного адыгейским. Примером подобного толкования может служить слово каб. *к'ыитхь*, кбалк. *к'ыйытхы* “борона” (ср.: каб. *лыжьэ*, адыг. *лыжьэ* “старик”); каб. (черк.) *дзэнтхь*, адыг. (шапс.) *зэнтхы*, кбалк. *зынтхы* “овес”. Скорее всего, появление гласного здесь может быть объяснено стремлением носителей карачаево-балкарского языка избежать нетипичного стечения согласных в конце.

Шипяще-свистящие спиранты в кабардинском могут восходить к шипящим. Замена шипяще-свистящего *щ* шипящим в карачаево-балкарских заимствованиях является субституцией, так как это вызвано отсутствием звука *щ* в заимствующем языке, но есть основание квалифицировать шипящее

соответствие к шипяще-свистящему кабардинскому как сохранение карачаево-балкарским языком старокабардинских норм произношения.

Некоторые примеры фонетического освоения адыгских слов карачаево-балкарским языком несут на себе черты общеадыгского состояния, если не говорить о еще более ранних явлениях. Речь идет о статусе субститута к ларингальному адыгскому абруптиву **І** в карачаево-балкарском языке – фарингальном **къ**. Замену кабардинского **І** фарингальным **къ** карачаево-балкарского языка следует рассматривать в контексте тезиса о том, что «общеадыгские фарингальные абруптивы в адыгских языках, за исключением хакучинского говора, изменились в ларингальные абруптивы» [92, 193]. Из этого вытекает, что карачаево-балкарское *къодан* «нитка» восходит к общеадыгскому **къуданэ*, а не к современному кабардинскому *Іуданэ*. В более поздних заимствованиях с ларингальным **І** представлены субституты: каб. *Іулэ* «глупый, простофиля», балк. *гула*; в качестве субститута использован заднеязычный **г** с нарушением сингармонизма. С сохранением общеадыгского **къу* заимствовано слово *Іульхэ* < **къульхэ* «кусок еды в один укус; взятка, подкуп», балк. (диал.) *къултха* «взятка, подкуп». Заднеязычный субститут **г** дан и к глухому фарингальному **кхъ**: каб. *кхъанІэ* «перхоть», кбалк. *габу*, что также явилось нарушением сингармонизма.

Шумные латеральные согласные, свойственные адыгским и убыхскому языкам, осваиваются с трудом даже родственными языками, а неродственными они вряд ли будут освоены без субститутов. Но примеров, дающих основание говорить об общеадыгском уровне, почти нет: каб. *лъэрыжэ* «коньки, лыжи», кбалк. *серезежэ/санже* «лыжи», каб. *зауэл* «боец, воин», кбалк. *зауаллы* «воинственный, отважный». Глухой латеральный звук **лъ**, осваиваемый даже родственным абазинским языком через композит **тл**, карачаево-балкарский язык заменяет через комплекс **лт** (каб. *гульэмыж* «ось арбы», кбалк. *гултэмши*, каб. *пхъэгуль* «алыча, слива», балк. *хогулт* «чернослив», каб. *Іульхэ* «взятка», балк. *ултха*, (диал.) *къултха* «взятка») и мягкий латеральный сонорный **л** (каб. *лъэху* «рысь», балк. *лох*, каб. *Іульхэ* «взятка, подкуп», карач. *улха/улху*, каб. *ислъэмей* «кабардинка», балк. *исламей*). А звонкий **л** заменяется мягким сонорным: каб. *лыбжэ* «соус», кбалк. *либжэ*, каб. *лодан* «лудан», кбалк. *лаудан*, каб. *щыблэ* «молния», кбалк. *шыбыла*, каб. *хьблэ* «квартал», балк. *хабыла*, каб. *хьаулей* «бездельник», кбалк. *хауле*.

При наблюдении за изменениями фонетического облика адыгских заимствований в карачаево-балкарском языке встречаются такие изменения, появление которых трудно увязать с требованиями приспособления к языковой структуре заимствующего языка, например, озвончение **п** в слове *логъбежэ* «старший чабан», каб. *лэгъутэжэ* и ряд других аналогичных явлений. Но в основном фонетические, фонетико-структурные изменения обусловлены требованием соблюдения фонотактических правил языка: сингармонизм (небная и губная), запрет на стечения согласных в анлауте, а также в ауслауте. Изменения обусловлены также отсутствием целого ряда звукотипов язы-

ка-источника в заимствующем языке (например, смычно-гортанные, шипяще-свистящие, шумные латеральные), некоторые изменения структурно обусловлены (замена глухих согласных звонкими) *логъбеж* – *лэгъуэжэ* “старший чабан”) и наоборот (*буджох* – *бжэгъу* “кол”) и др. В некоторых случаях карачаево-балкарский язык сохраняет архаичные черты языка-источника: *къудана* – *фуданэ* “нитка”, *къуатха* – *футхэ* “взятка, подкуп”, *мечукъа* – *мэшыкъуэ* “вид ружья”, *бѣхца* – *бостей* “женское платье”.

Лабиализация гласных карачаево-балкарского языка в кабардинских заимствованиях структурно мотивирована. Носители языка стремятся сохранить лабиализованность согласного языка-источника лабиализацией этого согласного окружения, так как фонологический признак лабиализации присущ вокальной системе заимствующего языка. Данное явление представляет интерес с точки зрения решения проблем языковой типологии и ареальной лингвистики.

III. СЕМАНТИЧЕСКИЕ (ИДЕОСЕМАНТИЧЕСКИЕ) ПАРАЛЛЕЛИЗМЫ АДЫГСКИХ И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Приступая к выполнению данной работы, мы предполагали, что список адыгизмов в карачаево-балкарском языке в основном составят лексические единицы. Однако в процессе работы обнаружилось, что сей список значительно превосходит рамки лексики: обращали на себя внимание интересные идеосемантические параллелизмы. Само собой разумеется, что они могли быть обоюдными, т.е. результатом взаимовлияния, а не одностороннего влияния (в данном случае адыгского на карачаево-балкарский). Карачаево-балкарский материал проверялся по данным других тюркских языков, не имевших контакта с адыгскими. В интересующем нас плане карачаево-балкарский оказался ближе к кавказским (адыгским).

Под идеосемантическими параллелизмами понимаются схождения в путях языкового мышления, осознания и наречения предметов и явлений окружающей действительности, обнаруживаемые в различных языках, в данном случае в языках, принадлежащих к разным семьям. Внимание исследователей было привлечено явлениями подобного рода и накоплен определенный опыт по их изучению [см.3; 24,60-61; 184;157].

«Идеоматические схождения могут наблюдаться и между территориально отделенными друг от друга и не поддерживающими никаких контактов неродственными языками, но на наиболее часто подобные схождения обнаруживаются в языках при наличии между ними контактов, особенно внутрирегионального контактирования» [184].

При сравнительном анализе словообразования в кабардинском и карачаево-балкарском языках наблюдаются совпадения идеосемантики ряда карачаево-балкарских и адыгских лексем, особенно сложных. Полное структурное сходство обнаруживается в именных частях речи в любых способах образования: осново- и суффиксальном способе образования. Ниже приводятся примеры адыгско-карачаево-балкарских идеосемантических схождений:

Каб. *бажэк/э* “мышей сизый, щетинник сизый”, кбалк. *толкю кьуйрукъ* “названия растений”. Сопоставимые слова совпадают по структуре и по значению компонентов: каб. *бажэ*, кбалк. *толкю* “лиса” и каб. *к/э* “хвост”, кбалк. *кьуйрукъ* “хвост”, что буквально означает “лисий хвост”.

Каб. (черк.) *блэшэ*, кбалк. *жылян (джылан) сют* “молочай”. Сложение из каб. *блэ*, кбалк. *жылян (джылан)* “змея” и каб. *шэ*, кбалк. *сют* “молоко”.

Каб. *дыщэджэд*, адыг. *дышгъэчэт*, кбалк. *алтын тауукъ* “павлин”. Сложные лексемы имеют одинаковый состав компонентов: каб. *дыщэ*, адыг. *дышгъ/э/*, кбалк. *алтын* “золото” + каб. *джэд*, адыг. *чэты*, кбалк. *тауукъ* “курица” – собственно “золотая курица”.

Каб. *дыщэкс*, кбалк. *алтын суу* “позолота”. Членится на *дыщэ*, *алтын* и *суу/ы/*, *суу* “вода”.

Каб. *дзэл*, кбалк. *тиш эт* “десна”. Образовано сочетанием основ двух существительных: каб. *дзэ*, кбалк. *тиш* “зуб” и каб. *л/ы/*, кбалк. *эт* “мясо”, переводится дословно как “зубное мясо”.

Аналогичным образом образованы абазинское и осетинское названия десны: *пыцъжъ* (*пыц* “зуб”, *жъ/ы/* “мясо”), *дандаджъ фыд* (*дандаджъ* “зуб”, *фыд* “мясо”).

Адыг. *пхъаццэ*, балк. *агъач бит* “клоп”. Сложные основы, дословно означающие “древесная вошь”: адыг. *пхъэ*, балк. *агъач* “дерево (древесный)”, адыг. *ццэ*, балк. *бит* “вошь”; ср. осет. *хъадъсыст* (*хъадъ* “древесный” + *сыст* “вошь”) “клоп”.

Каб. *удзэфэ*, кбалк. *кырдык бетли* “зеленый”. Сопоставляемые слова имеют одинаковый состав компонентов: каб. *удз*, кбалк. *кырдык* “трава” и каб. *фэ*, кбалк. *бетли* “цвет”, дословно “цвет травы”.

Каб. *унацхъэ*, кбалк. *юй баш* “крыша”. Первые компоненты сопоставляемых основ означают “дом”: каб. *унэ*, кбалк. *юй*; вторые компоненты означают “голова, верх”: каб. *цхъэ*, кбалк. *баш*. Дословно переводится как “дома голова (верх)”.

Каб. *унэгуацэ*, кбалк. *юй бийче* “домохозяйка”; по составу компонентов почти близки к предыдущему: каб. *унэ*, кбалк. *юй* “дом” и каб. *гуацэ*, кбалк. *бийче* “княгиня”; оба слова означают “домохозяйка, хозяйка дома”, но буквально переводится как “дома княгиня”.

Каб. *фошыгъу*, кбалк. *бал туз* “сахар”. Последнее, по мнению М.Л.Апажева (устное сообщение), является калькой с кабардинского *фо* “мед” + *шыгъу* “соль”. Ср. балк. *бал* “мед” + *туз* “соль”.

Каб. *лъатццэ*, кбалк. *джалан аякъ* “босой”: образованы из семантически одинаковых компонентов: каб. *лъэ*, кбалк. *аякъ* “нога” и каб. *ццэ* (из *ццанэ* “голый”), кбалк. *джалан* “голый”. Буквально переводятся как “голая нога”.

Каб. *шацхъэ*, кбалк. *сют баш* “сливки”. Оба названия образованы сочетанием двух существительных: каб. *шэ*, кбалк. *сют* “молоко” и каб. *цхъэ*, кбалк. *баш* “голова”. В буквальном переводе означают “молока голова (верх)”. Из тех же компонентов составлено осет. *ахсыры сар* “сливки”.

Каб. *цхъэццэ*, кбалк. *джалан баш* “без головного убора, с непокрытой головой”: образованы так же, как и слово “босой”: каб. *цхъэ*, кбалк. *баш* “голова”, каб. *ццэ* (из *ццанэ* “голый”), кбалк. *джалан* “голый”. Буквально означают “голая голова”.

Каб. *ццыунацхъэ*, кбалк. *джербаш юй* “крыша погреба”. Одинаковый состав компонентов: каб. *ццы*, кбалк. *джер* “земля” и каб. *унацхъэ*, кбалк. *баш юй* “крыша”. Сопоставляемые основы трехкомпонентны в обоих языках: *ццы-джер* “земля”, *унэ-юй* “дом” и *цхъэ-баш* “голова”. В этом проявляется структурно-семантическая близость основ, оба слова переводятся как “дом с земляной крышей”.

Каб. *ццыунэ*, кбалк. *джер юй* “погреб”. Сложные основы, дословно означающие “земля дом”: каб. *ццы*, кбалк. *джер* “земля”, каб. *унэ*, кбалк. *юй* “дом”.

Каб. *кхъуэбанэ*, адыг. *къопанэ*, кбалк. *тонгуз чыгъана* “дурнишник”. Членится на *кхъуэ*, *къо*, *тонгуз* “свинья” и *банэ*, *панэ*, *чыгъана* “колючка”.

Каб. *мафIэгу*, кбалк. (устар.) *от арба* “паровоз”; сложное слово, имеющее одинаковый состав компонентов: каб. *мафIэ*, кбалк. *от* “огонь” и каб. *гу/ы*, кбалк. *арба* “телега”, переводится буквально как “огненная телега”.

Каб. *махуэку*, кбалк. *орта кюн* “четверг”. Составные элементы сопоставляемых сложных слов обнаруживают полное совпадение идеосемантики: каб. *махуэ*, кбалк. *кюн* “день” и каб. *ку/ы*, кбалк. *орта* “середина”, буквально: “день середины”. Согласно календарю, в котором первым днем недели считается понедельник, что видно и по следующему примеру.

Каб. *блыщхъэ*, кбалк. *баш кюн* “понедельник” из каб. *блы* “семь”, кбалк. *баш* “голова” и каб. *щхъэ* “голова”. Кабардинское *блыщхъэ* (*блы* “семь” + *щхъэ* “голова”) в дословном переводе означает “семи голова”, а карачаево-балкарское *баш кюн* (*баш* “голова” + *кюн* “день”) буквально означает “голова-день”, т.е. “головной день”. В обоих случаях название первого дня недели образовано от названия головы. Ср. осет. *къуырисæр* “понедельник” (из *къуыри* “неделя” и *сар* “голова”), адыг. *блытэ* “понедельник” (из *блы* “семь” и *тэ* “начало” – “начало недели”).

Каб. *мзэылI*, кбалк. *агъач киши* “лещий”. Композит из каб. *мзэ*, кбалк. *агъач* “лес” и каб. *лI/ы*, кбалк. *киши* “мужчина” – “лесной мужчина”.

Каб. *напэниз*, адыг. *нэпэнчъэ*, кбалк. *бетсиз* “бессовестный, наглый, нахальный”. Образованы от адыгск. *напэ*, кбалк. *бет* с помощью суффикса *-низ*, *-нчъ/э*, *-сиз* (*-сыз*) “без” – собственно “безлицный”.

Каб. *нэхъыбэ*, кбалк. *мындан кёб* “больше (по количеству)”. В первой части сопоставляемых основ представлены показатели сравнительной степени: каб. *нэхъ*, кбалк. *мындан*, во второй части слов компоненты со значением “много”: каб. *бэ*, кбалк. *кёб*.

Каб. *сэххуэ*, кбалк. *уллу бычакъ* “шашка, сабля”. В обоих языках слова состоят из названия ножа и прилагательного “большой”: каб. *сэ*, кбалк. *бычакъ* “нож”, каб. *-шхуэ* “большой” (суфигированная основа), кбалк. *уллу* “большой”. В буквальном переводе означают “большой нож”.

Каб. *ежъафэ*, адыг. кбалк. *кюл бетли* “серый”. Сопоставляемые слова имеют одинаковый состав компонентов: каб. *йажъэ*, кбалк. *кюл* “зола”, каб. *фэ*, кбалк. *бетли* “цвет”. В буквальном переводе означают “цвет зола”.

Каб. *псытцIудэ*, кбалк. *мырды ханс* “осока”. Из *псытцIэ/мырды* “болото” и *удэ/ханс* “травы” – “болотная трава”. Ср. черк. *псыхъуэдэ* (*псыхъуэ* “русло” + *удэ* “травы”) “осока”.

Каб. *хъэбзэгутхъэмтэ*, кбалк. *ит-тили-чапыракъ* “подорожник большой”. Кабардинское *хъэбзэгутхъэмтэ* – сложение основ *хъэ* “собака”, *бзэгу* “язык” и *тхъэмтэ* “лист”; карачаево-балкарское такое же из *ит* “собака”, *тил* “язык” и *чапыракъ* “лист”.

Каб. *щхъэмажъэ*, кбалк. *баш таракъ* “гребень, гребешок”. Сложные слова совпадают по структуре и по значению компонентов: *щхъэ*, *баш* “голова”, и *мажъэ*, *таракъ* “расчёска”.

Каб. *лэьэ*, кбалк. *кьол кьан* “рукавицы”. В первой части сопоставляемых слов компоненты означают “рука”: каб. *лэ*, кбалк. *кьол*, вторые компоненты указывают на вместилище того, что составляет первый компонент: каб. *лэьэ*, кбалк. *кьан*. Оба слова буквально означают “вместилище для рук”.

Каб. *лунс*, кбалк. *аууз суу* “слюна”. Сопоставляемые сложные основы буквально переводятся как “рта вода”: каб. *лу(ы)*, кбалк. *аууз* “рот”, каб. *псы*, кбалк. *суу* “вода”. Таков состав слова и в соседнем осетинском – *ком* “рот”, *дон* “вода” – *комдон*, аналогичен состав названия слюны родственного адыгским абазинского языка: *шадзы* (*шл* “рот”, *ды* “вода”).

Оба языка по содержанию многозначных слов обнаруживают близость:

каб. *бажэ*, кбалк. *толкю* “лиса” – “хитрый”;

каб. *суауэцхьзуэ*, кбалк. *бушуу* “горе” – “печаль”

каб. *джэбэ*, кбалк. *кьабыргьа* “бок” – “склон (горы)”;

каб. *кыхь*, кбалк. *узун* “длинный” – “долгий”;

каб. *клуэн*, кбалк. *барыргьа* “идти” – “ехать”;

каб. *кьабэз*, кбалк. *таза* “чистый” – “беспримесный” – “честный”;

каб. *кьутэн*, кбалк. *сандыргьа* “ломать” – “разбивать”;

каб. *лэьэдакьэ*, кбалк. *табан* “пятка” – “каблук”;

каб. *лэьэкьэ*, кбалк. *тукьум* “род” – “порода, вид” – “сорт, тип”;

каб. *лэьэгуьэ*, кбалк. *жигит* (*джигит*) “герой” – “храбрый”;

каб. *лы*, кбалк. *эр* “мужчина” – “муж”;

каб. *напэ*, кбалк. *бет* “лицо” – “совесть”;

каб. *нысэ*, кбалк. *кешин* “сноха” – “невестка”;

каб. *мазэ*, кбалк. *ай* “луна” – “месяц”;

каб. *псы*, кбалк. *суу* “вода” – “река”;

каб. *псыщлэ*, кбалк. *жсенги* (*джсенги*) “легкий (на вес)” – “быстрый”;

каб. *плэцлэ*, кбалк. *жужьа* (*джужьа*) “жидкий” – “тонкий” – “редкий”;

каб. *утлэщыцын*, кбалк. *церге* “отправлять” – “отпускать” – “упустить”;

каб. *фэ*, кбалк. *тери* “кожа” – “шкура”;

каб. *фыз*, кбалк. *кьатын* “жена” – “женщина”;

каб. *тлэтэн*, кбалк. *тешерге* “развязывать” – “расстегивать”;

каб. *цлалэ*, кбалк. *жаш* (*джаш*) “парень” – “молодой”;

каб. *лэиз*, кбалк. *телси* “низкий, круглый столик” – “стол, еда, пища”;

каб. *луж*, кбалк. *кьалын* “густой” – “толстый”.

Результатом тесного контакта адыгов и балкарцев является появление у обоих народов пословиц идентичного содержания:

каб. *анэ цлэмэ*, *сабыр ибэкьым*, кбалк. *анасы сауьга ёксюзлюк жетмез* “если жива мать, то ребенок не сирота”;

каб. *блэ зэуар аркьэным цоцтэ*, кбалк. *жшляндан кьоркьэган жы-жымдан туркьор* “ужаленный змеей аркана боится”;

каб. *гэьмахуэм умьэгуьей цлэьмахуэм бэуэтыжыркьым*, кбалк. *жэаз асырамагьанынга кьыш табмэса* “чего не собрал летом, зимой не найдешь”;

каб. *делэ кьуэлэн и цлэсцлэ*, кбалк. *тели кьоланны сюер* “дурак пёстро-му рад”;

каб. *джэдым зэрфлагэжыну сэр кьеульгэтэщ*, кбалк. *тауукъ къазды да кеси боюнна бичакъ чыгъарбы* “курица выгребает нож, которым ее зарежут”;

каб. *джэдум шигуфлагэуэм, дзыгэуэм и гулагэуэщ*, кбалк. *кишитикге оюн да чычханнга ёлюм* “коту забава – мышке смерть”;

каб. *жэм лъакъуэ шкIэ шукIыркъым*, кбалк. *ийнек аягъы бузоу ёлтир-мез* “хоровья нога теленка не убивает”;

каб. *зи гукIэ уисым и уэрэд жыIэ*, кбалк. *кимни арбасына минсенг*, *аны жырын жырла* “на чьей повозке сидишь, его песню пой”;

каб. *и анэ еплэи ипхэу къашэ*, кбалк. *анасына къарап, къызын ач* “посмотрев на мать, женись на дочери”;

каб. *лым и мэр зыщэм ахъшэ жыгъейм и (жыгъыжыгъ) макъыр къыль-ос*, кбалк. *этни ийисин сатхан ачханы тауушун алыр* “кто продаёт запах мяса, тот получает звон денег”;

каб. *насыптышэр махъшэм тесми, хъэ къодзакъэ*, кбалк. *твоеге минсе да, жарлыны ит къабар* “несчастливый, сидя на верблюде, может быть укушен собакой”;

каб. *нэгъуэщIым мацэ къыхуэнтIмэ, уэ уохуэж*, кбалк. *биреуге уру къазсанг*, *ичине кесинг тошерсе* “если яму роешь для другого, сам в нее попадешь”;

каб. *хъэ банэ макъым унэм ухуешэри мафIэ нэхум губгэуэм урешэ*, кбалк. *ит юрген юйге элтир, от жарыкъ тюзге элтир* “лай собаки в дом заведет, свет огня в степь заманит”;

каб. *хъэ здэщымыIэм бажэ щобанэ*, кбалк. *ит болмагъан жерде тюлю юрюр* “там, где нет достойного, верх берет недостойный (букв. где нет собаки, там лает лиса)”;

каб. *хъэм къутыхъэкIэ уеуэкIэ гыркъым*, кбалк. *итни сюек бла урсанг къансымаз* “ударь собаку костью, она скулить не будет”;

каб. *шыдым уанэ теплхъэкIэ шы хъункъым*, кбалк. *ат жерни салгъан-лыкъгъа, эшек ат болмаз* “нишак от того, что оседлаешь, лошадыю не станет”;

каб. *цхъэм имытмэ, лъэм и мыгъуагъэщ*, кбалк. *баш да акъыл болмаса, эки аякъгъа кюч жетер* “если в голове нет ума, то страдают ноги”;

каб. *цхъэр псэумэ, пыIэ цыцIэркъым*, кбалк. *баш болса, бёрк табылыр* “была бы голова, шапка найдется”;

каб. *цIалэр цыгъэкIэ, лыжыым и лъакъуэ мэуэ*, кбалк. *жаши чапса, къартны бутлары аурур* “когда мальчик бежит, у старика ноги болят”;

каб. *цIэм лъакъуэ ядешх, жыым цхъэ ядешх*, кбалк. *жашла бла аякъ аша, къартна бла баш аша* “с молодыми молод, со старыми стар (дословно: с молодыми ноги есть, со стариками голову есть)”;

каб. *луэху мыублэм блэ хэщ*, кбалк. *башланмагъан ишде жылян жатар* “в неначатом деле змея сидит”.

IV. АДЫГСКАЯ ОНОМАСТИКА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В карачаево-балкарском языке представлен значительный ономастический слой, восходящий к адыгскому источнику. По своим функциональным особенностям собственные имена не могут быть отнесены к обычным лексическим единицам, составляющим объект исследования I главы настоящей работы. Как известно, собственные имена – особые, употребляющиеся в особой сфере и в особой функции. Они больше, чем нарицательные имена, зависят от экстралингвистических факторов. Общие исторические судьбы, взаимодействие культур разных народов приводят к образованию однотипных ономастических систем в различных языках.

В связи с тем, что собственные имена не переводятся (за редким исключением), а заимствуются из одного языка в другой, они относятся к международной лексике и принадлежат одновременно многим языкам, хотя каждое имя возникло на основе одного какого нибудь языка. Таким образом, изучение собственных имен связано с проблемой заимствования слов, и шире, с проблемой языковых контактов.

Антропонимия, относясь к самым подвижным пластам лексики, сравнительно легко заимствуется. С другой стороны, она связана с историей самого народа, с процессами происходящими в его культурной жизни. Этим объясняется, почему в разносистемных языках образуются сходные в своей основе ономастические системы. Яркой иллюстрацией могут быть антропонимические системы различных народов Северного Кавказа, имеющие во многом одинаковые исторические судьбы.

Этот вопрос, правда, без определения генетического статуса имен был поднят и в специальной литературе [111, [08-124]. Исходя из этого, мы сочли уместным включение специального раздела по выявлению адыгских собственных имен в карачаево-балкарском языке в данную главу.

Ниже речь пойдет об исконных адыгских именах, этимологически прозрачных, восходящих к нарицательным именам. Так, к адыгским именам относятся лексемы с элементом *-къа<* *-къуэ* “сын”. Ниже даются имена в карачаево-балкарском произношении, затем приводится адыгский источник с указанным элементом, далее – другие, без этого элемента, но с прозрачной этимологией:

<i>Асланукъ / Асланукъа</i>	<i>Аслъэныкъуэ</i>
<i>Батокъа</i>	<i>Бэтокъуэ</i>
<i>Байрамукъ</i>	<i>Мзремыкъуэ</i>
<i>Биязрукъ / Биязуркъа</i>	<i>Безрыкъуэ</i>
<i>Гюргокъа / Гиргокъа, Гиргокъ</i>	<i>Куръуокъуэ</i>
<i>Дударыкъ / Дударукъ</i>	<i>Дудэрыкъуэ</i>
<i>Загъашитокъ</i>	<i>Дзэгъэцитокъуэ</i>
<i>Иналукъ</i>	<i>Иналыкъуэ</i>
<i>Къайтукъ</i>	<i>Къетыкъуэ</i>

Сосрукъ / Сосрукъа
Темуркъа
Тохчукъа
Элбуздужъ / Элбузукъ
Элжоркъа

Сосрыкъуэ
Темрыкъуэ
Дохъушокъуэ
Елбэздыкъуэ
Елджэрыкъуэ

В следующих именах не представлен отмеченный выше элемент, но адыгское их происхождение доказывается их этимологическим анализом.

<i>Ачемез</i>	<i>Ашэмэз (Ачэмэз)</i> элемент <i>мэз</i> в западнокавказских означал “ребенок мужского пола (ср.: убых. <i>мызы</i> “мальчик”);
<i>Гоча</i>	<i>ГуаццIэ (ГуачIэ)</i> “крепкий, строгий, суровый, непреклонный”;
<i>Жансох</i>	<i>Жансэхъу</i> (элемент <i>сэхъу(а)</i> в кабардинском означает “избалованный”);
<i>Зарамукъ</i>	<i>Зырамыку</i> (букв. “на кого не решаются (нападать)”);
<i>Къаншау</i>	<i>Къанцауэ</i> (сложение из <i>къан</i> “воспитанник; любимец” и <i>цауэ</i> “молодой человек, парень, витязь”;
<i>Къамгъут</i>	<i>Къамгъуэт</i> (отрицательная форма глагола дает причастие сходного содержания: “ненаходимый”;
<i>Паго</i>	<i>Пагуэ</i> (из <i>пэ</i> “нос”, <i>-гъэ</i> “короткий” – “коротконосый”);
<i>Пача</i>	<i>Пашэ (Пачэ)</i> из <i>пэ</i> “нос, начало”, <i>шэ/чэ</i> “вести” – “предводитель”;
<i>Хапача</i>	<i>ХъэпачIэ (ХъэпачIэ)</i> из <i>хъэ</i> “собака” и <i>пачIэ/пачIэ</i> “усы” – “собачий ус”;
<i>Шауай</i>	<i>Шауей</i> (образовано от <i>цауэ</i> “жених, молодожен; парень, сын; витязь” посредством суффикса <i>-ей</i> , восходящего к прилагательному <i>Iей</i> “плохой, дурной, некрасивый, злой”, «который в подобных лексических образованиях приобретает положительное значение» [24,84]. Следовательно, имя <i>Шауей</i> означает “могучий, отчаянный парень, витязь”);
<i>Шаулух</i>	<i>Щолэхъу</i> из <i>що</i> (< <i>цауэ</i>) “парень, витязь” и <i>лэхъу</i> (< <i>лIыхъу</i>) “храбрый, отважный мужчина”.

Женские имена не содержат элемента, указывающего на принадлежность к женскому полу. Ниже приводятся этимологически наиболее прозрачные адыгские женские имена, вошедшие в карачаево-балкарскую антропонимию.

<i>Адиох</i>	<i>Iэдиоху</i> “белорукая”
<i>Барина</i>	<i>Баринэ</i> “кудрявая”
<i>Бабух</i>	<i>Бабыху</i> (элемент <i>ху</i> означает “светлая, белая”)
<i>Гокка</i>	<i>ГуакIуэ</i> “симпатичная”

<i>Гоша</i>	<i>Гуацэ</i> “княгиня; свекровь; хозяйка дома; кукла”
<i>Гошанагъо</i>	<i>Гуацэнагъуэ</i> “кареглазая княгиня”
<i>Гошанса</i>	<i>Гуацэнысэ</i> (дословно: “княгиня-невестка”)
<i>Гошахан</i>	<i>Гуацэхъан</i> (из <i>гуацэ</i> “княгиня” и титула <i>хъан</i> “хан”)
<i>Гошых</i>	<i>Гуацэхъагъ</i> (буквально: “заставляющая плакать княгиню”)
<i>Даннэх</i>	<i>Данэху</i> “светлый (белый) шелк”
<i>Нагъо</i>	<i>Нагъуэ</i> “кареглазая”
<i>Наихо</i>	<i>Нащхъуэ</i> “голубоглазая”
<i>Нох</i>	<i>Нэху</i> “свет” – “светлоглазая”
<i>Тико</i>	<i>Тыкфэ</i> “крошка”

В процессе контактирования между носителями адыгских и карачаево-балкарского языков происходили этнические взаимопроникновения. После перехода в ту или иную сторону роды сохраняли свои родовые наименования и переносили их в новую среду обитания. Как известно, адыги строго придерживались экзогамии, веками сохраняли свои родовые наименования. В отличие от других мусульманских народов, адыги не приняли в качестве фамильных имен арабскую антропонимику, так как ислам застал их с устоявшимися фамильными именами. И в карачаево-балкарскую среду попали такие исконно адыгские фамилии.

<i>Абезехлары</i>	<i>Абэзэхэ</i> (адыгский субэтнос);
<i>Афашокълары</i>	<i>АфэццIагъуэ</i> (из <i>афэ</i> “кольчуга” и <i>цIагъуэ</i> “отличная, прекрасная, отменная”);
<i>Блымгъотлары</i>	<i>Блымгъуэт</i> (из <i>былым</i> “скот” и причастия <i>гъуэт</i> от глагола <i>гъуэтын</i> “находить”);
<i>Къабардокълары</i>	<i>Къэбардокъуэ</i> “сын Кабарда”;
<i>Кышуклары</i>	<i>Къыццокъуэ</i> (из <i>къыц</i> “кузница” и <i>къуэ</i> “сын”);
<i>Къажокълары</i>	<i>Къуэжъокъуэ</i> (из <i>къуэ</i> “сын” + <i>жъы</i> “старый” и <i>къуэ</i> “сын”);
<i>Мечукълары</i>	<i>Мэшыкъуэ</i> (<i>Мэчыкъуэ</i>) из <i>мэш/мэч</i> “просо (на корню)” и <i>къуэ</i> “сын”;
<i>Мыжклары</i>	<i>Мыжсей</i> (причастие от глагола отрицательной формы <i>мыжсеин</i> “не спать” – “не спящие”);
<i>Наршаулары</i>	<i>Нартцауэ</i> (комнозит из <i>нарт</i> “нарт, богатырь” и <i>цауэ</i> “парень, витязь”);
<i>Наналары</i>	<i>Нанэ</i> “бабушка”;
<i>Тагъалеклары</i>	<i>Тхэгъэлэдж</i> “бог плодородия; божья коровка”;
<i>Хаталары</i>	<i>Хъэнэ</i> “собачий (хъэ) нос (нэ)”;
<i>Хачирлары</i>	<i>Хъэшыр</i> (<i>хъэчыр</i>) “щенок”;
<i>Шабатукълары</i>	<i>Щэбэтокъуэ</i> “сын Шабата”;
<i>Шауалары</i>	<i>Щауей</i> “отчаянный витязь”.

Список адыгских имен и фамилий, вошедших в ономастический фонд карачаево-балкарского языка, безусловно, не исчерпывается приведенными выше единицами. Отбирались такие примеры, адыгское происхождение которых не требовало специального доказательства: они восходят к общеупотребительным нарицательным словам. И в ономастический фонд адыгских языков вошел ряд карачаево-балкарских имен, например: мужское имя *Ку-жууэз* (из кбалк. *кёк* “голубой” и *кёз* “глаз”); женское имя *Таужан* (из кбалк. *тау* “гора” и *жан/джан* “душа”), фамильное имя *Нэгур* (от кбалк. *нэгер* “друг, товарищ”), *Кыштык* (от кбалк. *кыштик* “кошка”) и др. Подобные взаимозаимствования в зоне контакта языков явление вполне обычное.

Известно, что на территории, заключенной между верховьями Кубани и Терека, преобладает тюркская топо- и гидронимия. Тем не менее в карачаево-балкарский язык вошло значительное число адыгских названий, иноязычное происхождение которых не осознается носителями языка, например: *Адиох* – старинная крепостная башня кирпичной кладки на возвышенности между Кубанью и Зеленчуком (каб. форма – *Іэдишху* из *Іэдий* “предплечье” и корневой элемент -ху “белый, светлый”); *Ажокъя* – балка близ северо-восточной окраины Аушигера (от каб. *Ажэжъуэ* “козлинная балка”); *Гёбчукъ* (*Гёбчюкъя*) – местность на правом берегу Чегема ниже Н.Чегема [85,52] (от каб. *ЕкІэпцІэкъуэ* “ольховая балка”); *Герпегеж* – название населенного пункта (от каб. *джэртэджэж* “эхо”); *Гетмыш/Гедмыш* – приток Малки (каб. форма – *Джэдымыш* < (бот.) *джэдымыш* “щавель альпийский”, букв. “курицей не поеданное”); *Жебежуко тала* – урочище в верховьях Шалушки (из каб. *Джабэжъыкъуэ* “старого склона балка”); *Мезекей* – речка и лес в верховьях Малки (из каб. *Мэээхэ* “низ леса”); *Мисхок* – местность и гора выше Хасаньи (из каб. *Мыцхъэкъуэ* “балка яблоневой вершины”); *Нарсаиа* “название Кисловодска” (из каб. *Нартсаиа* “название Кисловодска” < *нартсанэ* “богатырский напиток”); *Тепчонукъ* – урочище ниже устья Карасу (от каб. собственного имени *Тепцэныкъуэ*, что буквально означает “владелец – половина”); *Тури-Хабла* – название старинного селения в Балкарском ущелье (вторую часть можно увязать с каб. *хъэблэ* [см. Там же, 124] “квартила, часть селения”); *Ургъюкъ* – пастбище на берегу Чегема против с.Нижний Чегем (из каб. *Аргъуеикъуэ* “комариная балка”). Кабардинское происхождение приведенных топонимов очевидно и не требует специального доказательства. Они представляют собой сложные образования, составленные из нарицательных общеупотребительных слов.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В.И. Из истории слов. Русское и украинское лудан // Этимология. – М., 1963.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.-Л., 1958. – Т.1. – Л., 1973. – Т. 2. – Л., 1979. – Т.3. – Л., 1989. – Т.4.
3. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М.-Л., 1949.
4. Абазинско-русский словарь. – М., 1967.
5. Абдоков А.И. Внутригрупповые заимствования в абхазско-адыгских языках // Пятая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Тезисы докладов. – Орджоникидзе, 1973.
6. Абдоков А.И. Вопросы генетического родства северокавказских языков. – Нальчик, 1999.
7. Абдоков А.И. О звуковых и словарных соответствиях северокавказских языков. – Нальчик, 1983.
8. Абдоков А.И. Фонетические и лексические параллели абхазско-адыгских языков. – Нальчик, 1973.
9. Адыгейско-русский словарь. – Майкоп, 1975.
10. Акритас П., Стефанеева Е. Легенды Кавказа. – Нальчик, 1958.
11. Алиев У.Д. Карачаево-балкарская грамматика. – Кисловодск, 1930.
12. Алироев И.Ю. История и культура чеченцев и ингушей. – Грозный, 1994.
13. Алироев И.Ю. Названия одежды в нахских языках // Вопросы филологии (сб. статей преподавателей Чечено-Ингушского пединститута). – Грозный, 1970.
14. Амичба С.А. Некоторые названия частей человеческого тела в абхазско-абазинских диалектах // Труды Сухумского пединститута им. А.М. Горького. – Сухуми, 1966. – Т. 18-19 (на абх.яз.).
15. Апажев М. Л. Современный кабардино-черкесский язык: лексикология, лексикография. – Нальчик, 2000.
16. Апажев М.Л. Вопросы влияния русского языка на кабардинский язык. – Нальчик, 1963.
17. Апажев М.Л. Проблемы кабардинской лексики. – Нальчик, 1992.
18. Ахундов А.А. Система фонем современного азербайджанского языка. АДД. – Баку, 1964.
19. Багов П.М. Кубано-зеленчукские говоры кабардино-черкесского языка. – Нальчик, 1968.
20. Байкова И.В. К теории контрастивной лингвистики в кавказоведении // IX Международный коллоквиум Европейского общества кавказоведов 15-19 июня 1998 года. Тезисы докладов. – Махачкала, 1998.
21. Байрамуков У.З. К этимологии слова “нарт” // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. – Черкесск, 1993.

22. Байчоров С.Я. Реликтовые памятники карачаево-балкарской обрядовой поэзии как этногенетический источник // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногойского языков. – Черкесск, 1993.

23. Балкаров Б.Х. Адыгские названия хлебных злаков и их параллели в других кавказских языках // УЗ КБНИИ (серия филологическая). – Нальчик, 1975. Т.27.

24. Балкаров Б.Х. Адыгские элементы в осетинском языке. – Нальчик, 1991.

25. Балкаров Б.Х. Историческая фонетика кабардинского языка. – Нальчик, 1984.

26. Балкаров Б.Х. Сопоставительная фонетика русского и кабардинского языков. – Нальчик, 1960.

27. Балкаров Б.Х. Фонетика адыгских языков. – Нальчик, 1970.

28. Балкаров Б.Х. Язык бесленеевцев. – Нальчик, 1959.

29. Басиева С.М. Адыгско-осетинские фонетические параллели // Сборник молодых ученых института. – Орджоникидзе, 1973. – Вып. 2.

30. Басиева С.М. К вопросу осетинских заимствований в адыгских языках // Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. – Орджоникидзе, 1977.

31. Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. – Нальчик, 1991.

32. Белье Дж.С. Дневник его пребывания в Черкесии в течение 1837, 1838 и 1839 годов. Париж и Пфорцсхайм (рукописная книга находится в АНИИ).

33. Бербеков Б.Ч. Диалектная лексика кабардинского языка. – Нальчик, 1992.

34. Благова Г.Ф., Наджип Э.Н. Тюрки // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

35. Бларамберг И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974. – Т.1.

36. Богородицкий В.А. Законы сингармонизма в тюркских языках // Вестник научного общества татароведения. – Казань, 1927. – № 6.

37. Большой русско-туркменский словарь. – М., 1987.

38. Bouda K. Etymologies oubykhs. JA, CCXLVIII. – Paris, 1960.

39. Будагов Р.А. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. I. – СПб., 1871.

40. Будаев А.Ж. Арабо-персидские заимствования в карачаево-балкарском языке // Вестник КБНИИ. – Нальчик, 1973. – Вып. – № 7.

41. Будаев А.Ж. Общие сведения о карачаевцах и балкарцах // Проблемы обучения родному и русскому языкам в балкарских и карачаевских школах. – Нальчик, 1991.

42. Будаев А.Ж. Система фонем современного карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1968.

43. Булгарова М.А. Диалектные особенности ногойского языка в топонимии // Региональное кавказоведение и тюркология: Традиции и современность. – Карачаевск, 1998.

44. Веселовский Н.И. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. – СПб., 1890. – Т. 1.
45. Грамматика карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1976.
46. Гузеев Ж.М. Диалектизмы в толковых словарях тюркских языков // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. – Нальчик, 1982.
47. Гузеев Ж.М. К вопросу правописания собственных имен в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. – Нальчик, 1977.
48. Гузеев Ж.М. Сопоставительная фонетика русского и карачаево-балкарского языков. – Нальчик, 1976.
49. Гюльмагомедов Г.А. Дагестанская лексика в русскоязычной художественной литературе. – Махачкала, 1998.
50. Deeters G. Der abchasische Sprachbau // Nachrichten von der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. Philol. - hist. Klasse. Fachgruppe III. № 2. Berlin, 1931.
51. Джидалаев Н.С. Кавказоведение и проблемы субстрата // IX Международный colloquium Европейского общества кавказоведов 15-19 июня 1998 года. Тезисы докладов. – Махачкала, 1998.
52. Джидалаев Н.С. Тюркизмы в дагестанских языках // Опыт историко-типологического анализа. – М., 1990.
53. Джонуа Б.Г. Адыгизмы в абхазском языке // Вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1974.
54. Джуртубаев Х.Ч. Балкарские и карачаевские фамилии. – Нальчик, 1999.
55. Дибиров И.А., Чеерчиев М.Ч. Процесс рефонологизации (на материале дагестанских языков Алазанской долины) // IX Международный colloquium Европейского общества кавказоведов 15-19 июня 1998 года. Тезисы докладов. – Махачкала, 1998.
56. Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. – М.-Л., 1940.
57. Древнетюркский словарь. – Л., 1969.
58. Егоров В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.
59. Закиев М.З. Тюркский след в истории Кавказа // IX Международный colloquium Европейского общества кавказоведов 15-19 июня 1998 года. Тезисы докладов. – Махачкала, 1998.
60. Зекореев Н.Н. Школьный русско-кабардино-черкесский терминологический словарь. – Нальчик, 1999.
61. Иванов Вяч.Вс. Проблема названия “зубра” в балканских, славянских и балтийских языках // Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика (23-24 мая 1974 г.) Предварительные материалы. Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации. – М., 1972.

62. Иваноков Н.Р. К этимологии имени героя нартского эпоса Пэтэрэз / Батраз // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Б.Х.Балкарова. – Нальчик, 1997.
63. Интериано Дж. Быт и страна зиков, именуемых черкесами // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. – Нальчик, 1974.
64. Ионова С.Х. Кабардино-черкесские лексические заимствования в абазинском языке // Вопросы языковых контактов. – Черкесск, 1982.
65. Ионова С.Х. Кабардино-черкесские словарные заимствования в абазинском языке // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. – Черкесск, 1978.
66. Исаков Ф.Г. Тувинский язык (Очерки по фонетике). – М.-Л., 1957.
67. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. – М., 1957.
68. Кабардино-русский словарь. – М., 1957.
69. Каражаев Ю.Д. Кавказ и Осетия: кавказский слой в этногенезе осетин (осетинский пласт в кавказском мире) // IX Международный colloquium Европейского общества кавказоведов 15-19 июня 1998 года. Тезисы докладов. – Махачкала, 1998.
70. Карачаево-балкарско-русский словарь. – М., 1989.
71. Кварчия В.Е. Животноводческая (пастушеская) лексика в абхазском языке. – Сухуми, 1981.
72. Керашев Т.М. Избранное. – Майкоп, 1997.
73. Керашева З.И. Особенности шалсугского диалекта адыгейского языка // Избранные труды и статьи. – Майкоп, 1995. – Т.1.
74. Кишев А. К этимологии слов “ахъшэдэщ” и “абрэмывэ” // Исследования по адыгским языкам. – Нальчик, 1977.
75. Клапрот Г.Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807-1807 гг. // Адыги, балкарцы карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. – Нальчик, 1974. – Т.1.
76. Климов Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. 2 (заимствованный фонд) // Этимология, 1966. – М., 1968.
77. Климов Г.А. Абхазско-адыгские этимологии. 1 (исконный фонд) // Этимология, 1965. – М., 1967.
78. Климов Г.А. Из истории одной общекавказской лексической параллели (к названию домашней кошки в кавказских языках) // Орион. Акакию Шанидзе. – Тбилиси, 1967.
79. Климов Г.А. Этимологический словарь картвельских языков. – М., 1964.
80. Климов Г.А. Кавказские языки. – М., 1965.
81. Коков Дж.Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропонимии. – Нальчик, 1973.
82. Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. – Нальчик, 1983.

83. Коков Дж.Н. Кабардинские географические названия. – Нальчик, 1966.
84. Коков Дж.Н., Кокова Л.Дж. Кабардино-черкесские фамилии. – Нальчик, 1993.
85. Коков Дж.Н., Шахмурзаев С.О. Балкарский топонимический словарь. – Нальчик, 1970.
86. Краткий русско-кабардинско-балкарский словарь. – Нальчик, 1992.
87. Куашева Т.Х. Терские говоры // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик, 1969.
88. Кумахов М.А. Еще раз о происхождении уэрэд “песня” // Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик, 1984.
89. Кумахов М.А. Кубанский диалект // Очерки кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик, 1969.
90. Кумахов М.А. Морфология адыгских языков. – Нальчик, 1964.
91. Кумахов М.А. Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик, 1984.
92. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М., 1981.
93. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Нартский эпос: язык и культура. – М., 1998.
94. Кумахов М.А., Кумахова З.Ю. Язык адыгского фольклора: Нартский эпос. – М., 1985.
95. Кумахова З.Ю. Абадзехский диалект и его место среди других адыгских диалектов. – Нальчик, 1972.
96. Кумахова З.Ю. Развитие адыгских литературных языков. – М., 1972.
97. Kuipers A.N. Phoneme and morpheme in Kabardian (Eastern Adyghe). s'Gravehage, 1960.
98. Лавров Л.И. Доисламские верования адыгейцев и кабардинцев // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. – М., 1959.
99. Лайпанов К.Т., Мизиев И.М. О происхождении тюркских народов. – Черкесск, 1993.
100. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе, 1968.
101. Малкондуев Х.Х. Древняя песенная культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1990.
102. Малкондуев Х.Х. Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1996.
103. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик, 1994.
104. Мамрешев К.Т. Особенности баксанского диалекта кабардинского языка. – Нальчик, 1959.
105. Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору / Под ред. А.Ю. Бозиева. – Нальчик, 1962.

106. Мелноранский П.М. Краткая грамматика казах-киргизского языка. – Санкт-Петербург, 1894. – Ч.1.
107. Мизиев И.М. История Балкарии и Карачая с древнейших времен до прихода Тимура. – Нальчик, 1996.
108. Мизиев И.М. Народы Кабарды и Балкарии в XIII-XVIII вв. – Нальчик, 1995.
109. Мизиев К.А. Об арабских заимствованиях в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. – Нальчик, 1977.
110. Мусаев К.М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. – М., 1975.
111. Мусукаев Б.Х. Балкарско-кабардинские языковые связи. – Нальчик, 1984.
112. Нагайцева Л.Г. Адыгские народные танцы. – Нальчик, 1978.
113. Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык. – М., 1960.
114. Налоев З.М. Из истории культуры адыгов. – Нальчик, 1978.
115. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М., 1994.
116. Ногма Ш.Б. Филологические труды. – Нальчик, 1956. – Т.1.
117. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа. – Нальчик, 1994.
118. Осетинско-русский словарь. – Орджоникидзе, 1970.
119. Отаров И.М. Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1996.
120. Отаров И.М. М.А. Хабичев. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. – Черкесск, 1980. // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. – Нальчик, 1982 (рецен).
121. Отаров И.М. Название одежды в карачаево-балкарском языке // Исследования по карачаево-балкарскому языку. – Нальчик, 1977.
122. Отаров И.М. Очерки карачаево-балкарской терминологии. – Нальчик, 1987.
123. Отаров И.М. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1978.
124. Поцелуевский А.Н. Фонетика туркменского языка. – Ашхабад, 1936.
125. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1958.
126. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. – СПб., 1898.
127. Рогова Г.В. Спирантизация шипящих аффрикат в адыгейских языках // Сообщения АН Груз. ССР. – Тбилиси, 1944. – Т.V. – №4.
128. Рогова Г.В. Структура именных оснoв и категорий именных классов в адыгских (черкесских) языках. – Тбилиси, 1954.
129. Русско-абхазский словарь. – Сухуми, 1964.
130. Русско-адыгейский словарь. – М., 1960.
131. Русско-кабардино-черкесский словарь. – М., 1955.
132. Русско-карачаево-балкарский словарь. – М., 1965.
133. Русско-ногайский словарь. – М., 1956.

134. Русско-узбекский словарь. – Ташкент, 1972.
135. Сакнев М.М. Тюркская и арабская лексика в кабардино-черкесском языке // Труды КЧНИИ (филологическая серия). – Черкесск, 1959. – Вып. 3.
136. Самойлович А. Краткая учебная грамматика современного османо-турецкого языка. – Л., 1925.
137. Сафиуллина Ф.С. Карманный татарско-русский и русско-татарский словарь. – Казань, 1997.
138. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М., 1974.
139. Словарь кабардино-черкесского языка. – М., 1999.
140. Сукунов Х.Х., Сукунова И.Х. Кабардино-черкесско-русско-англо-турецкий словарь в иллюстрациях. – Нальчик, 1998.
141. Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. – Черкесск, 1977.
142. Табулова Н.Т. Адыгские заимствования в ашхарском диалекте абазинского языка // Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1986.
143. Таов Х.Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик, 1997.
144. Таов Х.Т., Унатлоков В. Х. Некоторые вопросы взаимодействия неродственных языков (на материале адыгских и ногайского языков) // Мир на Северном Кавказе через языки, культуру, образование. Тезисы I международного конгресса (11-14 сентября 1996 г.). – Пятигорск, 1996.
145. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. Некоторые вопросы взаимовлияния кабардино-черкесского и карачаево-балкарского языков // Проблемы развития государственных языков КБР. Тезисы докладов республиканской научно-практической конференции. – Нальчик, 1996.
146. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. Некоторые аспекты взаимодействия языков // Фольклорно-литературные и языковые связи как фактор культур народов Северного Кавказа. Тезисы докладов региональной научно-технической конференции на базе Карачаево-Черкесского республиканского института повышения квалификации работников образования. – Черкесск, 1994.
147. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. К вопросу об адыгских заимствованиях в абхазском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и фольклористики. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 100 летию со дня рождения д. ф. н. К.С. Шакрыл. – Сухум, 1999.
148. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. Семантическое освоение адыгизмов в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Материалы научной конференции, посвященной 80 – летию со дня рождения профессора Б.Х. Балкарова. – Нальчик, 1997.
149. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. Адыгизмы в цокающем (верхнебалкарском) диалекте карачаево-балкарского языка // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. – Карачаевск, 1998.

150. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. К вопросу о карачаево-балкарских, ногайских и адыгских языковых связях // Языки и литература народов Кавказа: проблемы изучения и перспективы развития. Материалы научной конференции. – Карачаевск, 2001.

151. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. Кабардинско-убыхские языковые связи // Региональное кавказоведение и тюркология: традиции и современность. Материалы второй межвузовской научной конференции. – Карачаевск, 2001.

152. Таов Х.Т., Унатлоков В.Х. Общие тюркские элементы в кабардинском и осетинском языках // Вопросы лексикологии и лексикографии языков народов Северного Кавказа, русского и западноевропейских языков. Тезисы общероссийской конференции. – Пятигорск, 1999.

153. Текуев М.М., Унатлоков В.Х. Два ономастических этюда // Материалы III республиканской научной конференции «Проблемы развития государственных языков Кабардино-Балкарской республики», посвященной 80-летию проф. Б.М. Карданова. – Нальчик, 1998.

154. Темирова Р.Х. Лексические особенности речи черкесов. – Черкесск, 1975.

155. Темирова Р.Х. Об адыгизмах в лексике ногайского языка // Проблемы историко-сравнительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1983.

156. Темирова Р.Х. Об адыгских лексических заимствованиях в карачаево-балкарском языке // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. – Черкесск, 1978.

157. Темирова Р.Х. Однотипность построения сложных слов в абазинском и кабардино-черкесском языках // Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. – Черкесск, 1978.

158. Толковый словарь карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 1996. – Т.1.

159. Т ӱ г к ҫ е-гус ҫ а s ӧ z l ӱ к. – М., 1977.

160. Унатлоков В.Х. Адыгизмы в карачаево-балкарском языке. АКД. – Нальчик, 1999.

161. Унатлоков В.Х. Адыгский слой терминов культуры в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии. Материалы конференции всероссийской научной конференции. – Майкоп, 2001.

162. Унатлоков В.Х. К вопросу о фонетической адаптации адыгизмов в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы общего и кавказского языкознания. Материалы научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора Б.Х. Балкарова. – Нальчик, 1997.

163. Унатлоков В.Х. К выявлению адыгизмов в тюркских языках Северного Кавказа // Мир на Северном Кавказе через языки, культуру, образование. Тезисы I международного конгресса 11-14 сентября 1996 г. – Пятигорск, 1996.

164. Унатлоков В.Х. К проблеме взаимодействия неродственных языков // Вестник КБГУ. – Нальчик, 1996.

165. Унатлоков В.Х. Некоторые звуковые соответствия кабардинского и убыхского языков // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик: КБГУ, 2001.

166. Унатлоков В.Х. Определение адыгизмов в карачаево-балкарском и ногойском языках // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик: КБГУ, 2002.

167. Унатлоков В.Х. Отражение старокабардинских норм произношения в карачаево-балкарских заимствованиях // Сборник научных трудов молодых ученых. – Нальчик: КБГУ, 2000.

168. Унатлоков В.Х., Таова А.Х. Некоторые вопросы кабардинско-балкарских языковых контактов // Материалы международного симпозиума, посвященного 100 – летию со дня рождения А.С. Чикобава. – Тбилиси, 1999.

169. Унатлоков В.Х., Таов Х.Т. Адыгские заимствования в терминологии растений карачаево-балкарского языка // Проблемы развития государственных языков Кабардино-Балкарии. Материалы 2 республиканской научно-практической конференции по проблемам развития государственных языков КБР, посвященной 40-летию КБГУ. – Нальчик, 1997.

170. Унатлоков В. Х., Таов Х.Т. Адыгский слой в терминологии кулинарии карачаево-балкарского языка // Государственные языки Кабардино-Балкарской республики в теории и практике: Сб. н. ст. – Нальчик, 1998.

171. Урусов Х.Ш. Морфемика адыгских языков. – Нальчик, 1980.

172. ФасмерМ. Этимологический словарь русского языка. – М., 1998. – Т. I-IV.

173. Хабичев М.А. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. – Черкесск, 1980.

174. Хабичев М.А. О чем говорят лексические заимствования // Тюркологический сборник. – Черкесск, 1967.

175. Хаджилаев Х.-М.И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Черкесск, 1970.

176. Хакунов Барасби. Адыгские названия растений. – Нальчик, 1992.

177. Хатанов А.Х., Керашева З.И. Толковый словарь адыгейского языка. – Майкоп, 1960.

178. Черкасский М.А. Тюркский вокализм и сингармонизм. – М., 1965.

179. Чирикба В.А. Абхазские лексические заимствования в убыхском языке // Проблемы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1986.

180. Шагиров А.К. Адыгские этимологии. ЕИКЯ, 1. – Тбилиси, 1974.

181. Шагиров А.К. Вопросы сравнительно-исторического и этимологического исследования адыгских языков. – Нальчик, 1971.

182. Шагиров А.К. Заимствованная лексика абхазо-адыгских языков. – М., 1989.

183. Шагиров А.К. Материальные и структурные общности лексики абхазо-адыгских языков. – М., 1982.

184. Шагиров А.К. О некоторых адыгско-осетинских семантических (идеосемантических) параллелизмах // Вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков. – Черкесск, 1982.

185. Шагиров А.К. О тюркизмах в абхазско-адыгских языках // Этимология, 1982. – М., 1985.

186. Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. – Нальчик, 1962.

187. Шагиров А.К. Этимологический разбор кабардинской песенной фразы Узрейдэ рейдэ оу (или у-э-э) редадэ махуэ // Этимология, 1971. – М., 1973.

188. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, А-Н. – М., 1977.

189. Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, П-Т. – М., 1977.

190. Шакрыл К.С. Некоторые лексические и звуковые соответствия в абхазско-адыгских языках. – Сухуми, 1968.

191. Шакрыл К.С. Очерки по абхазско-адыгским языкам. – Сухуми, 1971.

192. Шаов А. А. Основы адыгской лексикографии. – Майкоп, 1988.

193. Шу Ш.С. Народные танцы адыгов. – Нальчик, 1992.

194. Шагапсоев С.Х., Слонов Л.Х. Кабардинские названия растений. – Нальчик, 1994.

195. Щербак А.М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961.

196. Экба Н.Б. Лингвистические основы изучения лексики и словообразования русского языка в школах народов абхазо-адыгской группы. – Черкесск, 1975.

197. Яковлев И.Ф., Ашхамаф Д. Грамматика адыгейского литературного языка. – М.-Л., 1941.

198. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. – М.-Л., 1948.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- А. гу. – Адыгэбзэм изэхэф гушыгаль. – Мыекъуапэ, 1960.
А. М. – Ахьмэт Мухьэдин. Куэш-хьэблэ. – Черкесск, 1969.
А. у. – Адыгэ уэрэдыжхэр. – Н., 1969.
Ад. тх. – Адыгэ тхыдэхэмрэ пшысэхэмрэ. – Мыекъуапэ, 1959.
Ад. хаб. – МафIэдз Сэрэбий. Адыгэ хабзэ. – Н., 1994.
Адыг. гу. – Адыгэ гушыIэжхэр. – Мыекъуапэ, 1957.
Адыг. Iу. Адыгэ IуэрыIуатэхэр. – Н., 1968.
Адыгэ шх. – Щоджэн В.Щ. Адыгэ шхынхэр (Адыгская кухня). – Н., 1991.
Б.С. – Бейтыгыуэн Сэфарбий. КупшIэ. – Н., 2002.
Б. Хь. – Браг Хьэбас. Хьэрыхьулыр кышчыджкIэ. – Черкесск, 1971.
Дик. из. – Тау Ж.Къу., УнэлIокъуэ В.Хь. Диктантхэмрэ изложэнэхэмрэ.
5 – 9 классхэм папшIэ. – Н., 1999.
КI.Т. – КIэрэщэ Тембот. Ытхыгъэ ащыщхэр тхылыщ хьоу кыдэ-
кIых. ЯтIонэрэ тхылы. – Мыекъуапэ, 1988.
КъМТАС. – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзллогю. А-Ж. – Н., 1996.
КъМТАС, къ.ж. – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзллогю, къол
жол (рукопись). З-Я.
М.Е. – Мэлбахъуэ Елберд. Iуашхьэмахуэ Iуэз гъуэгур шынагъуэт. – Н., 1986.
МИБД. – Материалы и исследования по балкарской диалектологии,
лексике и фольклору. – Н., 1962.
Н. – Нартхэр (Къэбэрдей эпос). – Н., 1951.
Н.А. – Нало Ахьмэдхьан. Тхыгъэхэр. Япэ том. – Н., 1993.
П.Б. – ПашIэ Бэчмырзэ. Тхыгъэхэр. – Н., 1963.
Пс. – Псалъэжь.
Т.З. – Толгуров Зейтун. Эрирей. – Н., 1971.
Т.Хь. – Теунэ Хьэчим. Шэджэмокъуэ лъэпкъ. – Н., 1967.
Хь.Б. – Хьэкъун Барэсбий. Адыгэ къэкIыгъэцэхэр. – Н., 1992.
Хь.т. – Хьуэжэ и таурыхьыцэ (Сто рассказов о Ходже). – Н., 1959.
Ш.Б. – Шинкубэ Бэгърат. ЖылакIэ. – Н., 1989.
Ш.Хь. – ШэджыхьэцIэ Хьэмышэ. Тхыгъэхэр. Япэ том. – Н., 1994.
Шу з. – КIэрэщэ Тембот. Шу закъуэ. – Н., 1986.
Щ. I. – ЩоджэнщыкIу Iэдэм. Софиат и гьатхэ. – Н., 1955.

II

ЕИКЯ	Ежегодник иберийско-кавказского языкознания
КБГУ	Кабардино-Балкарский государственный университет
КБНИИ	Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КЧНИИ	Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт
СПб	Санкт-Петербург
JA	Journal Asiatique

II

абадз.	- абадзехский (диалект адыгейского языка)
абаз.	- абазинский
абх.	- абхазский
авар.	- аварский
адыг.	- адыгейский
адыгск.	- адыгский
азерб.	- азербайджанский
алт.	- алтайский
англ.	- английский
анд.	- андийский
араб.	- арабский
арм.	- армянский
арч.	- арчинский
ашх.	- ашхарский (диалект абазинского языка)
бакс.	- баксанский (диалект кабардинского языка)
балк.	- балкарский
бацб.	- бацбийский
башк.	- башкирский
бесл.	- бесланеевский (диалект кабардинского языка)
бжед.	- бжедугский (диалект адыгейского языка)
бзыб.	- бзыбский (диалект абхазского языка)
бурят.	- бурятский
венг.	- венгерский
гин.	- гинухский
греч.	- греческий
груз.	- грузинский
гунз.	- гунзибский
дарг.	- даргинский
диг.	- дигорский (диалект осетинского языка)
др.-инд.	- древнеиндийский
др.-нем.	- древневерхненемецкий
др.-рус.	- древнерусский
др.-гюрк.	- древнетюркский

занск.	- занский
зольск.	- зольский (говор кабардинского языка)
инг.	- ингушский язык
ирон.	- иронский (диалект осетинского языка)
итал.	- итальянский
каб.	- кабардинский
казах.	- казахский
калм.	- калмыцкий
карач.	- карачаевский
картв.	- картвельский
кбалк.	- карачаево-балкарский
кирг.	- киргизский
крым.-тат.	- крымско-татарский
кубан.	- кубанский (диалект кабардинского языка)
куман.	- куманский
кумык.	- кумыкский
лакск.	- лакский
лат.	- латинский
лезг.	- лезгинский
малк.	- малкинский (говор кабардинского языка)
маньч.	- маньчжурский
мегр.	- мегрельский
м.-каб.	- малокабардинский (говор кабардинского языка)
мозд.	- моздокский (диалект кабардинского языка)
монг.	- монгольский
нем.	- немецкий
нов.-греч.	- новогреческий
ног.	- ногайский
норв.	- норвежский
осет.	- осетинский
перс.	- персидский
рус.	- русский
сван.	- сванский
ср.-греч.	- среднегреческий
табас.	- табасаранский язык
таранч.	- таранчинский (говор уйгурского языка)
тат.	- татарский
телеут.	- телеутский (диалект алтайского языка)
тур.	- турецкий
туркм.	- туркменский
тюрк.	- тюркский
убых.	- убыхский
узб.	- узбекский

уйг.	- уйгурский
укр.	- украинский
фин.	- финский
франц.	- французский
хакуч.	- хакучинский
хорезм.	- хорезмийский
цез.	- цезский
чан.	- чанский (диалект занского языка)
чагат.	- чагатайский
черк.	- черкесский
чеч.	- чеченский
чув.	- чувашский
шапс.	- шапсугский (диалект адыгейского языка)
швед.	- шведский
шор.	- шорский

III

арх.	- архаическое
бот.	- ботаническое
букв.	- буквально
дет.	- детское
диал.	- диалектное
досл.	- дословно
перен.	- переносное
см.	- смотрите
см. тж.	- смотрите также
ср.	- сравните
уст.	- устаревшее

УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ

Уватлоков Вячеслав Хаутмевич

АДЫГИЗМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Рекомендовано Советом по филологии
Учебно-методического объединения
по классическому университетскому образованию
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 021400 – "Филология", специализации
"Языки и литературы народов Российской Федерации"

Компьютерная верстка *Е.Л. Шериевой*
Корректор *В.В. Вакулина*

Изд. лиц. Серия ИД № 06202 от 01.11.2001.
В печать 10.06.2005. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Печать трафаретная. Бумага газетная. 7.44 усл.п.л. 7.5 уч.-изд.л.
Тираж 500 экз. Заказ № 4526.
Кабардино-Балкарский государственный университет.
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Полиграфическое подразделение КБГУ
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173.